

ISSN 2686 - 7133

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВО

2019, № 3

ISSN 2686 - 7133

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И ОБЩЕСТВО**

2019, № 3

INTERNATIONAL RELATIONS AND SOCIETY

2019, No. 3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВО

Журнал основан в январе 2019 года

2019, № 3

Международный научный журнал

Учредитель и издатель: Летяева Марина Юрьевна

Адрес издателя: 420008, Россия, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 74953, дата регистрации: 25 января 2019

Периодичность: 4 выпуска в год

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Языки публикуемых материалов:

русский, татарский, английский, немецкий, французский, турецкий, китайский, испанский, итальянский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.А. Летяев – доктор юридических наук, профессор (г. Казань, Россия)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Я.Я. Гришин – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Р.В. Пеньковцев – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.И. Абдуллин – доктор юридических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Б.Г. Ахметкаримов – PhD, доцент (г. Казань, Россия)
А.В. Белоглазов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)
А.Г. Большаков – доктор политических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Л.Э. Иликова – кандидат социологических наук, доцент (г. Казань, Россия)
Д.В. Мартынов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Л.Х. Мингазов – доктор юридических наук, профессор (г. Казань, Россия)
М.И. Рыхтик – доктор политических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)
Э.Л. Садыкова – доктор политических наук (г. Казань, Россия)
И.Н. Сенякин – доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)
А.Г. Ситдигов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Р.А. Циунчук – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Р.Р. Хайрутдинов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)
Г.Р. Шайхутдинова – доктор юридических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 221-33-21, E-mail: irskfu@gmail.ru

Дата выхода в свет: 28.12.2019. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 70x100 1/16. Тираж 500 экз. Заказ № 244/12

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

INTERNATIONAL RELATIONS AND SOCIETY

The journal was founded in Januar 2019

2019, No. 3

International scientific journal

Founders/Publisher: Letyaeva Marina Yuryevna

Publisher's address: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

The number of the certificate media: PI № FS 77 – 74953, registration date: 25.01. 2019, the shape of the distribution: print media (magazine), territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Languages of published materials: Russian, Tatar, English, German, French, Turkish, Chinese, Spanish, Italian

CHIEF EDITOR

V.A. Letyaev – Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)

SCIENTIFIC EDITOR

Y.Y. Grishin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY

R.V. Penkovtsev - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Kazan, Russia)

EDITORIAL BOARD

A.I. Abdullin - Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)

B.G. Akhmetkarimov - PhD, Associate Professor (Kazan, Russia)

A.V. Beloglazov - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Kazan, Russia)

A.G. Bolshakov - Doctor of Political Sciences, Professor (Kazan, Russia)

L.E. Ilikova - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Kazan, Russia)

D.V. Martynov - Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan, Russia)

L.H. Mingazov - Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)

M.I. Rykhtik - Doctor of Political Sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

A.L. Sadykova - Doctor of Political Sciences (Kazan, Russia)

I.N. Senyakin - Doctor of Law, Professor (Saratov, Russia)

A.G. Sitdikov - Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan, Russia)

R.A. Tsiunchuk - Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan, Russia)

R.R. Khayrutdinov - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Kazan, Russia)

G.R. Shajhutdinova - Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)

Address of editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 221-33-21, E-mail: irskfu@gmail.ru

Date of publication: 28.12.2019. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16.

Edition of 500 copies. Order № 244/12.

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge

СОДЕРЖАНИЕ

Международное право: проблемы теории и методологии

М.Л. Энтин, Е.А. Энтина. Роль права в обеспечении преемственности и устойчивости многополярного мира.

Л.Х. Мингазов. Проблема обеспечения безопасности личности в международном праве

Н.Е. Тюрина. О развитии международного права в аспекте теории международной правосубъектности.

Роль международных организаций в обеспечении норм международного права

К.Б. Валиуллина. Сотрудничество государств-членов ЕС в вопросах обеспечения охраны и защиты Мирового океана от загрязнения.

С.А. Костин. Международно-правовое обеспечение коллективной кибербезопасности – направление для сотрудничества и интеграции в Европе и на евразийском пространстве.

К.Э. Игнатова. Роль Организации Объединенных Наций в урегулировании межэтнических конфликтов.

Л.И. Ромадан. Об особенностях финансирования миротворческих операций под эгидой ООН.

Роль международных судебных учреждений в развитии региональной интеграции

Д.Г. Колос. Проблемные вопросы компетенции Суда ЕАЭС по разрешению споров

В.Х. Сейтимова. Роль консультативных заключений суда ЕАЭС в развитии права союза и евразийской интеграции.

А.А. Синявский. Доктрина “Drittwirkung Effect” и её применение в Европейском Суде по правам человека.

Теоретические проблемы правовой интеграции в международном и внутригосударственном праве

Г.Г. Бодурова. Процесс гармонизации международного частного права в рамках СНГ: проблемы и перспективы развития.

А.Р. Гильмуллин. Роль правовой доктрины в разрешении теоретических проблем правовой интеграции в международном и внутригосударственном праве.

А.Э. Джоробекова. Особенности национальных стратегий государств Центральной Азии в условиях формирования регионального геополитического пространства.

С.Р. Рахимов. О приведении нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции в соответствие с требованиями антикоррупционного законодательства и необходимости актуализации некоторых положений

Р.М. Валеев, Е.А. Барабанова Международный контроль за соблюдением правовых норм по борьбе с допингом в спорте.

Сведения об авторах

CONTENT

International law: problems of theory and methodology

M. Entin, E. Entina. The role of law in succession and sustainability in a multipolar world.

L.H. Mingazov. The problem of security of the person in international law

N.E. Tyurina. About the development of international law in the aspect of the theory of international legal personality.

The role of international organizations in the enforcement of international law

K. B. Valiullina. Cooperation of the EU Member States in ensuring, protecting and protecting the oceans from pollution.

S. A. Kostin. International legal support of collective cybersecurity as the way for cooperation and integration in Europe and in Eurasia.

K.E. Ignatova. United Nations role in the settlement interethnic conflicts.

L.I. Romadan. On the features of the financing of peacekeeping operations under the auspices of the UN.

The role of international judicial institutions in promoting regional integration

D. G. Kolos. Influence of the EAEU Court on the development of regional integration.

V. H. Seitimova. The role of Advisory opinions of the EAEU Court in the development of the law of the Union and Eurasian integration.

A.A. Sinyavskiy. The doctrine of “Drittwirkung Effect” and its operationalization in European Court of Human Rights.

Theoretical problems of legal integration in international and national law

G.G. Bodurova. Development of cross-border legal relations and their impact on the process of regional integration.

A.R. Gilmullin. The role of legal doctrine in solving theoretical problems of legal integration in international and domestic law.

A. E. Djorobekova. Features of national strategies of the Central Asian States in the conditions of formation of regional geopolitical space.

S. F. Rakhimov. Issues of international cooperation in the field of anti-corruption and implementation of anti-corruption policy at the Federal and regional levels

R. M. Valeev, E. A. Barabanova. International compliance monitoring of anti doping in sport.

About authors

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

УДК: 327; 341

РОЛЬ ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

*Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой европейского права МГИМО МИД РФ,
Председатель Правления Российской ассоциации
европейских исследований, Москва.*
Энтин Марк Львович
entinmark@gmail.com

*Кандидат политических наук, доцент Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
старший научный сотрудник Института Европы РАН, Москва.*
Энтина Екатерина Геннадьевна
e.entina@hse.ru

Россия, российское государство, плеяда выдающихся российских ученых и дипломатов, от Фёдора Фёдоровича Мартенса до наших дней, внесли колоссальный вклад в становление и прогрессивное развитие современного международного права, а также институциональной системы современного мироустройства [Воронин, 2015]. Без согласованного государствами нормативного каркаса международных отношений и созданных ими универсальных международных организаций, без уважительного, бережного отношения к ним невозможны ни добросовестное международное сотрудничество, ни решение насущных проблем мировой политики и экономики.

Современное международное право и мировая институциональная система, включающая Организацию Объединенных Наций и Всемирную Торговую Организацию, выстраданы всей тяжелейшей, кровавой, безрассудной историей человеческой цивилизацией. Они – ее высшая ценность, которой должны быть подчинены все другие, кто бы и как бы эту иерархию не переиначивал [Толстых 2019].

Поэтому главная задача для здравомыслящего большинства планеты – сохранить это достояние человечества и добиться того, чтобы оно и впредь служило надежной основой международного взаимодействия.

Памяти А.А. Громыко

100-летие выдающегося российского дипломата и политического деятеля А.А.Громыко – прекрасный повод задуматься над тем, как много Россия, Российская Империя, Советский Союз сделали для утверждения современных представлений о международном праве и мировом правопорядке; как много

российских философов, правоведов, литераторов, историков, дипломатов, государственных деятелей вошли в мировую историю; как важно чтить память наших славных предков для того, чтобы все другие страны отдавали должное нашему государству, чтобы мы уважали самих себя и заставляли других испытывать к нам такие же чувства.

По инициативе России были созданы Первая и Вторая Гаагские конференции мира 1899 и 1907 годов. Они приняли ряд основополагающих многосторонних международных конвенций, задавших вектор развития всему современному международному праву. Впоследствии Москва внесла определяюще весомый вклад в разработку многосторонних конвенций, регламентирующих все аспекты деятельности международного сообщества, договоров, устанавливающих правовые режимы государственной территории, Мирового океана, воздушного и космического пространства, Арктики и Антарктики, а равно отраслевого международного сотрудничества.

Но важнейшими из этих свершений стали согласование Устава ООН и создание Организации Объединенных Наций – международной организации безопасности, учрежденной для того, чтобы предотвратить повторение ужасов Второй мировой войны и подвигнуть все государства объединять усилия в интересах мира, сотрудничества, развития [Толстых 2019].

А.А.Громько на протяжении многих лет руководил советской дипломатией. Он сделал очень много и для своей страны, и для народов других стран. Однако согласование Устава ООН и создание Организации Объединенных Наций, в которых есть весомая лепта и его усилий, стоят особняком. Они имеют непреходящее значение. За них все последующие поколения должны быть благодарны всем тем, включая и А.А.Громько, кому это удалось, кто сумел этого добиться.

Устав ООН как основа и залог многополярного мира

В целом ряде отношений Устав ООН является Конституцией современного мира, Конституцией сообщества государств.

Первое. В Уставе сформулированы основополагающие принципы, предписывающие государствам и другим субъектам международных отношений единственно дозволенную модель правомерного поведения на международной арене, модель проведения своей внутренней и внешней политики. В их число входят неприменение силы и угрозы силой, суверенное равенство государств, невмешательство во внутренние дела.

Эти принципы имеют статус императивной нормы международного права. Противоречащие им действия государств могут быть признаны противоправными, принимаемые ими нормативные акты и международные соглашения, в которые они вступают, – недействительными или ничтожными.

Соответственно они могут и должны применяться *erga omnes*. Это значит, что все государства обязаны пресекать любые шаги, совершаемые в нарушение базовых требований Устава ООН, противостоять им, вне зависимости от того, затрагивают ли они их прямо и непосредственно, и обладают универсальной юрисдикцией в отношении таких нарушений.

Второе. В Устав ООН включено предписание (ст.103), ставящее положения Устава выше любых других нормативных актов любого порядка. Оно закрепляет особое положение Устава ООН в иерархии любых других источников международного права.

В соответствии с ним никакие действия государств, никакие нормативные акты и международные соглашения, в которые они вступают, не должны противоречить Уставу ООН. В этом плане весь Устав в своей совокупности приобретает статус императивной нормы международного права со всеми вытекающими из этого описанными выше правовыми последствиями.

Третье. Устав ООН поручает специально предусматриваемому для этого международному надзорному и оперативному органу – Совету Безопасности стоять на страже Устава и в случае угрозы миру и международной безопасности или нарушения мира использовать любые средства для их практического обеспечения, вплоть до принудительных.

Устав ООН возлагает на Совет Безопасности особую ответственность за поддержание международного правопорядка, защиту мира и международной безопасности и наделяет его в этих целях всеми необходимыми полномочиями, которым корреспондирует обязанность всех членов ООН безоговорочно следовать и подчиняться резолюциям Совета Безопасности ООН, принимаемым в рамках VII главы Устава.

Как с самого начала, так и сейчас Совет Безопасности является исключительно представительным органом. В него в качестве постоянных членов, обладающих индивидуальным правом вето, входят все официальные участники ядерного клуба государств и в качестве непостоянных, обладающих коллективным правом вето, – представители всех регионов планеты, поддержанные выдвинувшими их регионами.

Следовательно, с юридической точки зрения, Устав ООН составлен таким образом – скажем еще раз огромное искреннее спасибо его авторам – чтобы не допускать какой-либо гегемонии в мире одного государства или одной группы государств. Он устанавливает общие «правила игры», которые служат сдерживающим фактором для всех государств и групп государств в одинаковой степени. Он противостоит любому диктату, любому доминированию, любой узурпации власти в том или ином регионе планеты и в глобальном масштабе.

В силу разобранных выше характеристик Устав является самым настоящим манифестом многополярного мира, эффективной гарантией полицентричного мироустройства. Поэтому, с позиций современного международного права, однополярного мира никогда не было. Пока остается в силе Устав ООН, пока действует Совет Безопасности ООН, такой мир физически невозможен. Это в какой-то степени объясняет информационную, дипломатическую и финансовую атаку определенных сил на ООН, Устав ООН и СБ ООН [Энтин 2016].

Утверждать, что мы только сейчас или некоторое время назад приступили к формированию многополярного мира или движемся к нему, неверно и неправильно. Однополярный мир является не более чем политехнологическим

конструктом, умело навязанным Западом политическим элитам и экспертному сообществу других стран [Entin, Entina 2016].

К тому же это крайне проигрышно. Если полицентричное мироустройство существовало всегда и никуда не исчезало в 1990-е и 2000-е годы, значит, Россия отстаивает тот миропорядок, который реально сложился по итогам Второй мировой войны и определяет развитие сообщества государств с тех пор и до наших дней. Если борется вместе с Китаем против реально существующего однополярного мира, их легко можно обвинить во всех смертных грехах и, в том числе, в сотрясении основ, реваншизме, ревизионизме и т.д.

Общее международное право, как инструмент защиты многополярного мира

Вся система регулирования международных отношений, ядром которой является современное международное право, – плоть от плоти Устава ООН. Она базируется на нем. Узаконивает те же цели и принципы, что и Устав. Развивает его. Как подчеркивалось выше, не может ему противоречить. Находится с ним в симбиотическом единстве [Толстых 2019].

Общее международное право во всей своей совокупности подтверждает и поддерживает миссию Устава ООН служить препятствием на пути агрессии, насилия, претензий на доминирование и гегемонию, стремления подчинить остальные ведущие державы воле одной из них или небольшой группы государств.

Оно конкретизирует принципы и цели, изложенные в Уставе, и дает их более детальное изложение, закрепляет за ними статус императивной нормы права и их применение в порядке *erga omnes*. Соответствующие задачи решает широкий спектр источников международного права. В доказательство этого в первую очередь можно сослаться на резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 1970 года о принципах международного права и Хельсинкский Акт ОБСЕ, в которых дается их современное толкование. Далее – на большое число международных конвенций и других международно-правовых актов, начиная с принципов Нюрнбергского и Токийского трибуналов, устанавливающих ответственность, в том числе уголовную, за преступления агрессии, геноцида, расизма, военные и иные преступления против мира и человечества.

Крайне важную роль в этом плане играет обычное международное право. Оно рассматривает цели и принципы Устава ООН как метасистему права, т.е. высшую ее часть, которой должны подчиняться действия государств и все другие правовые уложения. На защите такого понимания принципов и целей Устава ООН стоят также практика международных судебных учреждений и доктрина международного права.

Качественную характеристику современного мироустройства как исключительно полицентричного усиливают Договор о нераспространении ядерного оружия, Венская конвенция о праве международных договоров, Конвенция по морскому праву, принципы ГАТТ/ВТО, договоры о космосе, Антарктике и многие-многие другие, придающие системность правовому регулированию международных отношений и межгосударственного общения.

Так, ДНЯО запрещает всем остальным государствам, кроме «многополярной» ядерной «пятерки», обладать ядерным оружием и осуществлять военные ядерные программы, вводит жесткий контроль за соблюдением своих

предписаний, предусматривает возможность превентивных и репрессивных действий в отношении нарушителей.

Конвенция по морскому праву указывает всем государствам-участникам, как разрешать возникающие между ними споры, и предоставляет в их распоряжение завершённую систему инструментов и механизмов улаживания споров, обращение к которым ведет к достижению окончательного результата. Фактически она создает необходимые условия для того, чтобы никакие международные споры не оставались неурегулированными, ставя тем самым насильственные методы и подчинение силе, а не праву, вне закона.

Механизм разрешения споров в рамках ВТО позволяет любым государствам эффективно противостоять предпринимаемым против них ограничительным и запретительным мерам, идущим вразрез с правилами ГАТТ/ВТО, и служит, таким образом, важной юридической гарантией превенции экономического насилия, шантажа, недобросовестной конкуренции и протекционизма.

Венская конвенция содержит тщательно проработанный ряд положений, придающих глубину и системность еще одному главному, основополагающему принципу современного права – *pacta sunt servanda* (договоры должны исполняться) [Статья 2019].

В целом, общее международное право, вслед за Уставом ООН, выстраивая иерархию норм права, устанавливает жесточайшие ограничения на пути отхода от полицентричности и предусматривает механизмы защиты от государств и групп государств, претендующих на утверждение однополярного мира и доминирование [Энтин, Энтина 2018].

Нападки на Устав ООН, Совет Безопасности и общее международное право

Глобальный экономический кризис, разрушительные последствия которого сказываются до сих пор, последовавшие через несколько лет сползание к конфронтации по линии Запад-Восток и торговая и технологическая война США против Китая нанесли тяжелейший удар по системе международных отношений, поставили на повестку дня международного сообщества вопрос о дальнейших трендах мирового развития [Trenin 2019]. На этом фоне стали восприниматься как вполне оправданные и правомерные фейковые утверждения о кризисе международного права, параличе СБ ООН, несостоятельности всей системы ООН [Энтин, Энтина 2018: с. 617-655].

В очень небольшой, мизерной степени они похожи на правду, на чем и построена уловка. Ведь острейшие локальные и региональные конфликты полыхают повсюду; международный терроризм и организованная преступность из разрозненных явлений превратились в сетевые структуры, способные контролировать обширные территории; климат на планете продолжает меняться, несмотря на предпринимаемые усилия; односторонние санкции и ограничения превратились в повседневную практику.

Но это области деятельности, где всё зависит от государств, а не международного права. О том, что на самом деле международное право

эффективно работает и соблюдается в более чем 99% случаев, свидетельствует всё, что нас окружает в повседневной жизни. Иностранные товары лежат на прилавках и доставляются по электронной торговле. Интернет и мобильная связь доступны из любой точки Земного шара. Денежные переводы можно отправлять и получать отовсюду. Морские суда беспрепятственно осуществляют право мирного прохода. Авиарейсами соединены между собой все крупные города планеты. Сотни тысяч самолетов и автомобилей ежедневно перевозят бесчисленное количество пассажиров и грузов из страны в страну на любые расстояния.

Всё это благодаря единым техническим стандартам и общему правовому регулированию, благодаря тому что международное право сделало границы между государствами прозрачными, а транзит – общедоступным и беспрепятственным.

Дымовая завеса нападок на международное право, ООН и Совет Безопасности имеет определенное назначение – вывести себя из-под действия ограничений, накладываемых международным правом и устанавливаемым им полицентричным мироустройством, поставить себя над действующим международным правом [Энтин, Энтина 2018: с. 617-655].

Особенно наглядно эта уловка, состоящая в том, чтобы дискредитировать международное соглашение, обвинить других в нарушении взятых на себя международных обязательств, а потом избавиться от них, – проявилась в сломе международных механизмов ограничения и контроля над конвенционными вооруженными силами и вооружениями и ядерным оружием, создававшихся десятилетиями.

Еще более опасными являются попытки дискредитировать Совет Безопасности ООН, ослабить обязательный характер резолюций, принимаемых им по главе VII Устава, узаконить противоречащие им ситуации. Примеров такого рода за последнее время становится нарастающее много.

Пакет взаимных договоренностей о замораживании иранской ядерной программы в обмен на снятие международных санкций между «шестеркой» в составе «пятерки» постоянных членов СБ ООН и Германии, с одной стороны, и Тегераном – с другой, оформлен международным договором. Чтобы придать им универсальный и общеобязательный характер, пакет, кроме того, закреплен соответствующей резолюцией Совета Безопасности. США вольны как вступать в любые международные соглашения, не противоречащие общему международному праву, так и выходить из них, в том числе по иранской ядерной программе. Но выходить из договора, освященного резолюцией СБ ООН, никто не вправе. Это совершенно другое дело.

То же самое касается Минских соглашений. Они включены в резолюцию Совета Безопасности. В силу этого никакой свободы воли выполнять их или не выполнять нет ни у Киева, ни у Парижа и Берлина. Затяжки с разводом войск и выполнением, хотя бы, формулы Штанмайера [Дорош 2019] являются не просто грубым, а грубейшим нарушением основополагающих требований Устава ООН и современного международного права.

Еще одним примером служит резолюция 1244 СБ ООН, которая подвела черту под, хотелось бы надеяться, последней войной на Балканах. Резолюцией вводится внешнее управление Косово, определяется его статус в составе Сербии, определяется, каким должно быть политическое и

административное будущее страны. То, что она грубо нарушена, и нарушение поддержано большой группой государств, являются, конечно же, вызовом действующему международному праву и авторитету СБ ООН [Выступление 2019]. Единственным легитимным выходом из создавшегося положения может служить лишь принятие новой резолюции Совета Безопасности, имеющей такой же или более широкий предмет и легитимирующей новую, согласованную между сторонами, политическую реальность в регионе.

В этой же череде событий стоит курс на развал системы ВТО и создание вместо нее разрозненных, паллеативных регулятивных механизмов, взятый Вашингтоном задолго до того, как в Белый дом пришел Дональд Трамп [Blustein 2019].

Новые идеологические вызовы правовой определенности в международных отношениях

Приведенные примеры ставят под сомнение искренность новых геополитических концепций США, Евросоюза и Японии, выступивших на словах за мировой порядок, основанный на правилах (rules based order).

Если правила, пускай не открыто, не публично, но по существу, противопоставляются Уставу ООН и действующему международному праву, то в целях сохранения господства права в международных отношениях и полицентричного мироустройства, такие концепции необходимо отвергать с порога, что и делает руководство России, Китая и других стран, разделяющих их подходы. Иного просто не дано. Совместному формированию общепризнанных норм поведения с их участием нет альтернативы [Reyes 2019].

Если речь идет о порядке, который США, НАТО и ЕС и их ставленники принесли народам разрушенных ими Ливии, Афганистана, Ирака, Сирии, Судана, Йемена или пытаются навязать Венесуэле и ряду других стран, то тем более.

Ничего не может изменить в сугубо негативном отношении к порядку, основанному на правилах, и предположение о том, что ЕС и США имеют в виду под ним выборочное применение лишь тех норм международного права, которые им выгодны, или их одностороннее толкование. Аналогично, если они делают ставку на нормативную экспансию, проекцию вовне своей собственной регулятивной системы, придание ей экстерриториального действия.

Понимая это, Брюссель последнее время пытается представить дело таким образом, будто бы под правилами он понимает более широкую регулятивную систему, чем общее международное право, которая органически достраивается правовым регулированием, вырабатываемым различными международными органами, организациями и форумами. Однако такая трактовка тоже несостоятельна в связи с тем, что разъяснялось выше: никакое «мягкое право», никакие другие нормы не могут и не должны противоречить Уставу ООН и сформировавшемуся на его основе современному международному праву.

Высшая ценность международного права

Создавая ООН, учреждая его Совет Безопасности, утверждая Устав ООН, его отцы-основатели позаботились о том, чтобы придать мироустройству сбалансированный, полицентричный характер, предусмотреть систему сдержек и противовесов любым попыткам узурпации власти в рамках существующего правопорядка.

Устав ООН и сформировавшееся на его основе современное международное право носят демократический, прогрессивный характер. Они стоят на защите мира, суверенного равенства и сотрудничества государств. Тем самым они являются высшей ценностью, выстраданной человеческой цивилизацией. Попытки подменить их любыми другими, какими бы высокими словами это не обставлялось, несостоятельны.

Отстаивая и защищая Устав ООН и общее международное право, мы отстаиваем и защищаем мир на Земле, свободу, безопасность и его полицентричное устройство, противостоящие однополярности. Отстаивая и защищая Устав ООН и общее международное право, мы остаемся верны памяти тех, кто с их помощью создали тот многополярный мир, в котором мы живем, который никуда не исчезал и сейчас находится под угрозой.

Список используемой литературы

1. Воронин Евгений. 2015. К 170-летию со дня рождения профессора Ф.Ф. Мартенса (1845–1909) / Московский журнал международного права. № 3. // <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2015-3-24-36>.
2. Выступление Постоянного представителя В.А. Небензи на заседании Совета Безопасности ООН по ситуации в Косово. 2019. / Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 07.02. // URL: <https://russiaun.ru/ru/news/kosovo070219>.
3. Дорош Светлана. 2019. Что такое «формула Штайнмайера»? BBC News Украина. 03.10. // <https://www.bbc.com/ukrainian/news-russian-49921602>.
4. Статья 26. Pacta sunt servanda Венской конвенции о праве международных договоров (Вена. 23 мая 1969 г.) 2019. Гарант. // <https://base.garant.ru/2540820/3ac805f6d87af32d44de92b042d51285/>
5. Толстых В.Л. 2019. Курс международного права. М.: Проспект. 736 с.
6. Энтин М.Л. 2016. Краеугольные основы послевоенного мироустройства и современного международного права: взгляд из Москвы и Пекина. Московский журнал международного права. No. 3. С. 19-30 // URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-3-19-30>.
7. Blustein Paul. 2019. Schism: China, America and the Fracturing of the Global Trading System. CIGI Press. 280 p.
8. Entin Mark, Entina Ekaterina. 2016. Russia and China protecting the contemporary world order. Rivista di studi politici internazionali. Firenze. 2016. №4. P. 492-539.

9. Reyes Alejandro. 2019. Whose Rules-Based International Order is it Anyway? SaisGlobal Online. 22.08. <https://www.asiaglobalonline.hku.hk/whose-rules-based-international-order-is-it-anyway/>

10. Trenin Dmitri. 2019. China and Russia and the United States Contest a New World Order. Carnegie Moscow Center. 07.05. <https://carnegie.ru/2019/05/07/china-russia-and-united-states-contest-new-world-order-pub-79078>.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

*Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного и европейского права
Юридического факультета
Казанского федерального университета, Казань.*

Мингазов Ленарис Харисович

lharizoff@yandex.ru

Введение

Сегодня анализ системы безопасности все чаще происходит в терминах безопасности личности. Проблемы личностной безопасности активно обсуждаются в академических кругах, дискутируется в рамках международных организаций с начала 1990-х годов. Несмотря на существование множества трактовок безопасности личности все сходятся в одном – речь идет об отказе от традиционной парадигмы безопасности государства. О принятии нового формата режима безопасности, когда на передний план выдвигается защита индивида и общества в целом. В этой связи представляется актуальной задача концептуальной разработки проблемы безопасности личности как с общетеоретической, так и с правовой позиции, в частности, с точки зрения международного права.

Автором затрагиваются ряд вопросов, касающихся проблемы обеспечения безопасности личности в международном праве: общее понятие безопасности личности, содержание и особенности правовой, в частности, международно-правовой безопасности личности, нормативная основа и принципы международного права, предназначенные выполнять функций по обеспечению безопасности личности в международно- правовой сфере, а также существующие механизмы и средства обеспечения международно-правовой безопасности человека.

Краткий экскурс в историю вопроса о безопасности личности.

Понятие безопасности личности появилось в международном лексиконе только в конце 20 века. До этого, на протяжении более трехсот лет общеизвестной и принятой концепцией была идея государственной безопасности. То есть понятие безопасности, по крайней мере на международном уровне, не шло дальше границ. Конечно, эта проблема не может считаться абсолютно новой. Уже в XIX и XX вв. серьезным вкладом в теорию и практику человеческой безопасности явились теоретическая разработка (здесь общепризнанными считаются заслуги российского юриста Ф. Мартенса) и становление международного гуманитарного права, в частности, принятие Гаагских, Женевских конвенции и Всеобщей Декларация прав и основных свобод человека 1948 г. Соответственно в теории и практической политике существовал одномерный взгляд на природу безопасности и на

возможные пути ее обеспечения. Однако сегодня наблюдается сдвиг в понимании безопасности – от национальной безопасности с ее упором на военную защиту государства к более широкому подходу к безопасности, учитывающим необходимость обеспечения безопасности граждан, проживающих в государстве. Перемена в употреблении термина «безопасность» произошла в 1990–е годы, когда впервые защита народа, которая рассматривалась раньше, как суверенное дело отдельного государства, потенциально стала делом международного сообщества. Потребность в смещении фокуса внимания от рассмотрения государственной безопасности к более общим угрозам существования человека, способам и средствам защиты от них привели к разработке концепций, ядром которых была безопасность человека (или human securite). Идеи human securite стали развиваться благодаря ПРООН, специальной группе исследователей. В 1994 г. доклад Программы ООН по развитию был посвящен исключительно human securite. В докладе предлагалось развивать идею расширения трактовки концепции безопасности личности, предложив выделить в ней два взаимосвязанных фактора: защита от неожиданных и пагубных нарушений повседневного образа жизни (известная как «свобода от страха») и защита от постоянных угроз голода, болезней, преступлений и подавления (известная как «свобода от нужды»). Далее выделялись 7 отдельных компонентов безопасности личности: экономическая, продовольственная, безопасность для здоровья, экологическая безопасность, личная безопасность (свобода от физического насилия, и угроз), безопасность меньшинств политическая безопасность (защита основных прав и свобод человека) [1].

В дальнейшем ежегодные доклады ПРООН уточняли и структурировали концепцию human securite. В последующем эта концепция развивалась, оставаясь постоянно в поле зрения не только ООН, но и ее институтов, а также региональных межправительственных организаций (МПО). Уже в 2000-е годы состоялось несколько международных конференций по человеческой безопасности с участием ОБСЕ, АСЕАН, Африканского союза и Юнеско в Центральной и Юго-восточной Азии, в Африке и Европе. Ряд стран, таких как Канада, Норвегия, Дания, Швеция и Япония, отчасти страны ЕС, провозгласили ориентацию своей внешней политики на приоритеты человеческой безопасности и выработку международным сообществом концептуального инструментария, необходимого для активного продвижения идеалов человеческой безопасности и легитимного "гуманитарного вмешательства" в случае реальных угроз или же прямых случаев ее нарушения, в развитие статей VI и VII Устава ООН.

Причины, послужившие переменам в употреблении термина «безопасность», происшедшие в 1990 –е годы, разные. Прежде всего они связаны с процессами глобализации, которые способствовали проницаемости национальных границ. С появлением и обострением традиционных угроз и возникновению новых, таких как международная преступность, бедность, голод, пандемии, экономические и финансовые кризисы, вооруженные конфликты. Так, одним из последствий глобализации является международная преступность, представляющую угрозу человеческой безопасности. Также угрозой человеческой безопасности

представляют внутрисударственные конфликты. Например, число погибших и пострадавших в ходе внутренних вооруженных конфликтов значительно превышает те же показатели для международных конфликтов. Так, в 90-годы около 3 млн. человек погибло в результате внутренних конфликтов. (для сравнения -220 тыс. человек за тот же период погибли в ходе межгосударственных войн) к концу 2000 года эта цифра возросла до 6 млн [2]. Таким образом, концепция человеческой безопасности формировалась в условиях серьезных изменений, происшедших и происходящих на мировой арене.

Общее понятие безопасности личности.

Существует большое количество оригинальных дефиниций безопасности, в основе которых положены такие характеристики, как система отношений, защищенность, совокупность условий или факторов и т.д. наиболее распространенным среди существующих следует признать подход, согласно которому безопасность определяется как определенное состояние. Понимание безопасности как определенного состояния защищенности составляет основу дефиниции безопасности, закрепленной в законе Российской Федерации «О безопасности». Ст.1 этого закона определяет безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

Кроме официального понимания феномена безопасности в науке сложилось более десятка подходов к определению соответствующей категории. Так, в философии и социологии понятие безопасности определяется как состояние защищенности, в котором пребывают социальные субъекты и системы, а также совокупность средств и методов, позволяющих блокировать источники опасности.

Под безопасностью личности, на наш взгляд, следует понимать: Во-первых, состояние защищенности человека от факторов опасности на уровне его личных интересов и потребностей; В связи с этим концепция безопасности сосредоточивает внимание на ситуациях небезопасности, возникающие из-за насилия и нищеты и др. угроз и обстоятельств. Например, свобода от страха является основной ценностью безопасности человека. При нарушении, например, религиозной свободы эта основная ценность ставится под угрозу. Сильная судебная система помогает держать преступность на низком уровне, тем самым внося вклад в свободу от страха. Все это должно учитываться государствами и международными организациями при создании внутрисударственных правовых актов и при заключении международных соглашений, затрагивающих вопросы защиты и безопасности личности.

Во-вторых, под безопасностью личности следует понимать социальную защищенность человека, обеспечивающую сохранность самого человека и его отдельных жизненно важных функций в соответствии с возможностями общества,[3] а также защищенность условий, обеспечивающих реализацию прав и свобод личности, возможности для ее саморазвития.

Понятие безопасности человека по своей сути нечто гораздо большее, чем отсутствие насильственного конфликта. Оно охватывает сферу прав человека «благое управления» и доступ к экономическим и социальным возможностям, образованию, культуре и т.д. Применительно к международной системе можно в

этой связи сослаться на два документа. В одном, опубликованном в 1992 г. Генеральным секретарем ООН документе «Повестка дня для мира», высказана идея, что угроза для глобальной безопасности может быть по своей природе не только военной: «изрешеченная озоновая оболочка представляет для людей... большую угрозу, чем вражеская армия. Засухи и болезни могут нанести не меньшее опустошение, чем орудия войны». Как видим, в документе акцент сделан на том, что обеспечение безопасности должно фокусироваться на людях, а не только на защите национальной безопасности и национальных границ.

Сошлемся еще на один документ: Доклад Программы ООН (ПРООН) о развитии человеческого потенциала 1994 г. В нем развивается идея расширенной трактовки концепции безопасности личности. В частности, предлагается выделить в ней 2 взаимосвязанных фактора: 1) Защита от неожиданных и пагубных нарушений повседневного образа жизни (известная как «свобода от страха») и 2) Защита от постоянных угроз голода, болезней, преступлений и подавления (известная как «свобода от нужды.») Безопасность человека – это не вопрос оружия; это вопрос человеческой жизни и достоинства» [4].

Безопасность личности как концепция представляет собой новый взгляд на традиционное понимание безопасности и развития, она включает в себя признание факта существования помимо военно-политических новых угроз, включая, в частности, недостаточный уровень социально-экономического развития и нарушения прав человека.

Приведенные выше общие характеристики безопасности личности приемлемы также для понимания и оценки ее с правовых позиций, в частности с позиции международного права.

Правовая безопасность личности как самостоятельный вид безопасности личности. Международно-правовая безопасность.

Имеются различные виды безопасности, в частности авторы пишут об экономической, социальной, политической, экологической и других ее видах. Важной составляющей безопасности личности является юридическая безопасность. Выделяют категорию «правовая безопасность» и соответствующую категорию - право на безопасность. Под юридической безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов субъектов права в связи вступлением их в сферу правовых отношений, способность юридическими средствами противостоять разного характера внешним и внутренним угрозам. Правовая безопасность включает в себя целую систему по обеспечению безопасности личности. В ее содержание входит не только состояние защищенности личности и нормативный массив, направленный на урегулирование безопасности личности, но и механизм поддержания и обеспечения должного уровня безопасности. Здесь имеется в виду меры и средства, направленные на сохранение безопасного состояния личности, при котором человек получает реальную возможность раскрыть заложенные в нем потенциал [5].

Значение выделения особого вида безопасности - правовой безопасности состоит в том, что она опосредует все другие сферы обеспечения

безопасности личности. И любой комплекс мер применимых для поддержания безопасности личности облекается или должен быть облачен в нормативно-правовой материал. Соответственно механизм обеспечения и поддержания безопасности личности должен находить отражение в нормативно-правовых актах-внутригосударственных или международно-правовых. Можно с полным основанием утверждать, что право на безопасность является естественным и неотчуждаемым правом человека и гражданина и принадлежит ему от рождения. Это - основное право человека наряду с другими основными его правами. А обеспечение безопасного существования личности – главная задача не только одного государства, но и всего человечества.

Правовую безопасность в литературе классифицируют по различным отраслям права: говорят об уголовно-правовой, гражданско-правовой и т.д. безопасности. Очевидно, будет правильным рассматривать в качестве самостоятельного вида безопасности личности международно-правовую безопасность, включающей свой механизм защиты прав человека, состоящий из международных соглашений и механизмы осуществления контроля за исполнением содержащихся в них норм. В межгосударственной системе защита прав человека осуществляется не только путем принятия международных соглашений и использования международных механизмов контроля. В международных судебных учреждениях отдельные физические лица вступают в правоотношения в качестве субъектов международных процессуальных правоотношений. Также в качестве субъектов правоотношений они принимают участие в различных международных несудебных органах (комитетах, комиссиях), осуществляющих контроль за выполнением государствами своих международных обязательств по правам человека. Таким образом, вступая в различные международные правовые и процессуальные отношения в международной сфере, индивид восстанавливает свои нарушенные права, обеспечивает свое состояние защищенности в области, регулируемой нормой международного права, и, следовательно, свою безопасность.

Необходимо отметить, что в международной системе виды и характер угроз для безопасности человека имеет свои особенности. Главное внимание здесь уделяется угрозам правам и свободам, признанным мировым сообществом в качестве угроз «не имеющих государственных границ». Концепция безопасности, говоря о всем мировом сообществе, имеет в виду прежде всего проблемы глобального или регионального характера, которые по природе своей деструктивны для личности, ведут к массовому нарушению прав человека. Это вооруженные конфликты, геноцид, кризис экологии, эпидемия болезней, распространение наркотиков, СПИД и др. проблемы. В этом плане представляет интерес видение безопасности личности Генеральным секретарем ООН Кофи Аннан, который отметил, что концепция безопасности личности гармонично вписывается в программу мира, безопасности и развития. «Безопасность личности в широком смысле слова, - заявил К. Аннан, - гораздо шире, чем номинальное отсутствие вооруженных конфликтов. Три направления, а именно, защита от нужды, защита от страха и право будущих поколений унаследовать экологически чистую планету –представляют собой взаимосвязанные составляющие безопасности личности, а значит и национальной безопасности»[6].

Проблема обеспечения безопасности личности является одной из главных задач любого государства. Она прямо связана с содержанием и современными тенденциями развития института прав человека. Поэтому право лица на обеспечение своей безопасности следует рассматривать в числе основных прав человека, т.е. трактовать его с позиции прав человека. Между тем, и это важно отметить, что данное право не рассматривается в качестве права человека ни в соответствующих международных документах, ни в законодательных актах России. Не закреплено это право и в Конституции России. По нашему мнению, право на безопасность личности должно найти свое отражение и закрепление в международных документах по правам человека как самостоятельный вид прав человека. Существующие ныне международные соглашения по правам человека (универсальные и региональные), на наш взгляд, должны быть дополнены специальной статьей о праве лица на свою безопасность как самостоятельный вид социальной (международной) безопасности и самостоятельное право человека наряду с другими международно-признанными правами человека. В частности, такое право могло бы быть закреплено в тексте новой универсальной (Всеобщей) декларации прав человека в случае принятия международным органом и государствами решения об ее принятии.

Нормативная база и международные механизмы и средства обеспечения безопасности личности.

Из сказанного выше следует, что проблема безопасности личности в системе международного права необходимо изучать с различных позиций. В данном случае для нас представляет интерес рассмотрение этой проблемы с двух позиций:

В первом случае предметом изучения являются международные средства в виде международных соглашений государств, содержащие правовые нормы о защите прав человека, и созданные на их основе международные механизмы осуществления контроля за их выполнением. Указанные механизмы и средства представляют нормативно-правовую основу защиты прав человека и служат обеспечению юридической безопасности личности.

Второй подход предполагает изучение средств, методов, способов защиты личности от различных угроз, вызванных ситуацией вооруженных конфликтов – международного и немеждународного характера. (т.е. с позиции гуманитарного кризиса).

Что касается первого подхода к изучению поставленной проблемы, отметим следующее. Сегодня растет число международных актов, направленные на защиту безопасности человека. И это оправдано, т.к. существует тесная взаимосвязь между правами человека и обеспечением безопасности личности. Комиссия по безопасности личности, учрежденная в 2001 году вместе с Межамериканским институтом по правам человека и Университетом мира провела в декабре 2001 г. в Сан –Хосе (Коста Рика) семинар на тему взаимозависимости между правами человека и безопасностью человека. Она выработала *«Декларацию о правах человека как существенном компоненте безопасности» человека»*[7].

Из нее следует, что международные нормы по правам человека играют важную роль в обеспечении прав человека, выступая существенным компонентом безопасности личности.

В наши дни разработаны и действует целый ряд международных соглашений в области прав человека, в которых закреплены нормы, направленные на решение проблем по обеспечению человеческой безопасности. Нормы международного гуманитарного права, о правах беженцев и многие другие международные соглашения в области прав человека служат нормативной основой, на которых основан подход безопасности человека. В качестве примера можно сослаться на положения ряда международных документов в области прав человека. Так, ст.3 ВДПЧ и ст.9 Международного Пакта о гражданских и политических правах защищают право на свободу и личную неприкосновенность, которые относятся, в частности, к свободе от страха. Кроме того, ст. 22 ВДПЧ и ст.9 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах признают право на социальное обеспечение, которое вместе с иными экономическими и социальными правами соответствует свободе от нужды. Для примера сошлемся также на ст.5 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод, которая защищает право на свободу и личную неприкосновенность. Важность этой статьи для безопасности личности очевидна: почти треть из первых 10 тысяч заявлений поступили в суд от лиц, лишенных свободы. Данная статья касается физической свободы от произвольного ареста или задержания. Она гарантирует определенные основные процессуальные права личности, такие как право на незамедлительное получение информации о причине ареста, право в надлежащие сроки предстать перед судом и право на судебное разбирательство. Тем самым данная статья способствует личной безопасности граждан.

Помимо универсальных актов по правам человека (ВДПЧ, Пакты о правах человека) было принято значительное число конвенций, посвященных отдельным категориям прав человека – женщин, детей, беженцев, инвалидов и т.д. Далее, значительное число международных конвенций направлено на пресечение преступлений против прав человека – Конвенция о запрещении геноцида и апартеида, о ликвидации всех форм массовой дискриминации, о запрещении рабства и др. Существенное значение имеют многочисленные двухсторонние и многосторонние соглашения по обеспечению социальных и экономических прав, например, о пенсионном обеспечении, о правах беженцев и вынужденных переселенцев и т.д. В международных актах правам потерпевших также уделяется значительное внимание, в частности, регламентируются вопросы обеспечения их права на реституцию и компенсацию.

Еще одной категорией лиц являются заключенные. В 1990 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную резолюцию «Основные принципы обращения с заключенными». В соответствии с ним все заключенные сохраняют основные права и свободы человека, за исключением свободы передвижения. С ними следует обращаться с уважением, без какой-либо дискриминации. Тем самым данный документ закрепляет гарантию прав заключенных, их правовую безопасность в условиях содержания в заключении, и тем самым способствует личной безопасности заключенных.

Имеются и специальные международные акты, направленные на обеспечение безопасности отдельных категорий международных служащих. Так, в

1994 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила проект Конвенции о безопасности персонала ООН и связанных с ним лиц. Необходимость принятия такого документа объяснялось крупными жертвами, которые несут миротворческие силы. Так, например, за 45 лет потери наблюдателей в Израиле составили 39 человек. А за 2 года число жертв сил ООН в Сомали превысило 130 человек. В указанном документе подчеркивается, что государства обязаны установить уголовную ответственность за действия против персонала ООН. А пострадавший в ходе операции ООН персонал имеет право на компенсацию понесенных потерь[8].

Завершая рассмотрение первого аспекта, можем сделать такой вывод: Будучи существенным компонентом международно-правовой безопасности личности, содержащиеся в международных соглашениях и других актах по правам человека международно-правовые нормы обязывают государства- их участников выполнять их требования на своей территории, создавать необходимые механизмы их имплементации и реализации, обеспечивать осуществление прав человека в конкретной области правовых отношений. И тем самым они создают правовые гарантии обеспечения безопасности личности в конкретной сфере (скажем, право на жизнь, неприкосновенность личности). В связи с этим можем сказать: От действенности и эффективности применения международных норм по правам человека зависит состояние и уровень защиты безопасности личности как на международном, так и национальном уровнях.

Вместе с тем надо отметить, что проблему безопасности личности в международном правовом аспекте было бы неправильным сводить лишь к институту и нормам международного права по защите прав человека. И это важно подчеркнуть, поскольку проблема обеспечения безопасности личности связана не только с международным институтом защиты прав человека. Как известно, в структуре права международной безопасности государств достаточно много внимания уделяется вопросам урегулирования конфликтов, включая миротворческую деятельность под эгидой ООН и других международных организаций. Эти проблемы регулируются такими отраслями современного международного права, как право международной безопасности, международным гуманитарным правом, институтом ответственности индивидов и судебной защиты, процессуальными нормами, принятым в международных судебных учреждениях. Их изучение также необходимо, поскольку позволит углубить понимание проблемы безопасности личности в случаях, когда индивид включается в механизм, созданный данными институтами международного права. Пока такое изучение находится лишь в начале пути, т.е., по сути, международное сообщество находится лишь в начале процесса выработки механизмов, средств и методов обеспечения безопасности личности в системе международного права, противодействия ее различным угрозам и вызовам.

Этим вопросам уделяется внимание и во внешнеполитических документах. Например, среди задач внешней политики России по обеспечению международной безопасности выделяют задачу развития международного сотрудничества в области борьбы с транснациональной преступностью и терроризмом.

Следующий важный компонент понятия безопасности личности в международно-правовой сфере, как отмечалось выше, касается проблем, связанных с разрешением конфликтов на межгосударственном и внутригосударственном уровнях, предупреждением гуманитарных катастроф на территории того или иного государства.

В системе международного права, как известно, основное внимание всегда уделялось и уделяется сегодня проблеме обеспечения международной безопасности самих государств. И это оправдано. Существенную роль в их обеспечении играют такие институты как разоружение, создание безъядерных зон, ограничение стратегического вооружения, меры укрепления безопасности и т.д. В настоящее время создана и действует солидная международно-правовая основа для их регулирования. После второй мировой войны международная система смогла также выработать механизмы предупреждения и сдерживания межгосударственных конфликтов. К ним относятся международные универсальные организации в лице ООН, Совета Безопасности, Международный уголовный Суд и т.д., а также целый ряд международных соглашений в области международного гуманитарного права, такие как Оттавская конвенция о запрете противопехотных мин, Факультативный протокол к конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах и др. соглашения в области международного гуманитарного права.

В качестве конкретного примера можно отметить урегулирование гуманитарной ситуации в Косово (Союзная Республика Югославии). Для решения этой задачи и обеспечения безопасного возвращения всех беженцев в свои дома Совет по Безопасности ООН, действуя на основе гл.7 Устава ООН постановил, что обязанности международного присутствия по безопасности, которое должно быть развернуто и действовать в Косово, должны включать: 1. Предотвращение возобновления военных действий; 2. Демилитаризацию Освободительной армии Косово; 3. Создание условий безопасности, в которых беженцы и перемещенные лица смогут безопасно возвратиться в свои дома и... можно будет оказывать им гуманитарную помощь; 4. Обеспечить общественную безопасность и порядок.

Эта выдержка из резолюции ООН в связи с операциями по поддержанию мира может служить примером перемен в подходе к классификации проблем, представляющих угрозу международной безопасности. Она иллюстрирует два существенных перемены в классификации таких проблем:

Во-первых, изменились виды событий, которые стали считать угрозой безопасности.

Во-вторых, соображения безопасности стали распространяться не только на конфликты между государствами, но и на события внутри государства.

В этой связи представляет интерес операции по поддержанию мира, проводимые ООН, а также операции, связанные осуществлением гуманитарной интервенции. На этом последнем вопросе следует остановиться и рассмотреть подробнее. Сегодня чаще всего конфликты возникают в самих государствах, между соперничающими группами, где межгосударственные механизмы неприменимы и где требования соблюдать государственный суверенитет направлены на предотвращение вмешательства извне. Проблема заключается в необходимости разработать новые механизмы, как государственные, так и международные, направленные на обеспечение безопасности мирных граждан в

ходе вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера. При этом одним из спорных остается вопрос о применении военной силы как инструмента обеспечения человеческой безопасности, в частности, определении ситуаций, в которых использование силы является оправданным. Проблема эта непростая, так как практическое применение концепции личной безопасности зачастую наталкивается на использование акций гуманитарного вмешательства (гуманитарной интервенции). При этом в качестве оправдания применения силы для решения гуманитарных проблем приводятся различные аргументы. Например, утверждают, что для проведения «гуманитарной интервенции» необходимым условием являются грубые нарушения прав человека, влекущие гуманитарные катастрофы. Считается, что вооруженная интервенция гуманитарного характера не направлена против территориальной целостности или независимости какого-либо государства и не имеет целью захват чужих территорий. Ее цель – положить конец насилию и убийствам мирного населения в границах данного государства, когда его правители проявляют неспособность, или отказываются принять для этого необходимые меры. Другими словами, имея высокую гуманитарную цель защиты граждан от насилия, концепция личной безопасности при этом не исключает возможности применения военной силы. «... Развитие современных международных отношений, пишет В.А. Карташкин, представляет многочисленные свидетельства того, что в определенных ситуациях у государства нет другой возможности спасти жизнь своих граждан, кроме как путем применения силы»[9]. В международной практике последних десятилетий имели место новые по своему характеру и разные по степени эффективности международные вмешательства: помимо Косово, отметим также Боснию, Восточный Тимор, Афганистан.

Эта проблема обсуждалась Международной Комиссией по вмешательству и государственному суверенитету, которая подготовила доклад под названием «Обязанность защищать». Позднее этот термин был заменен на понятие «Ответственность по защите». Авторы доклада исходили из того соображения, что основной фокус внимания должен быть смещен на интересы пострадавшего от военных действий гражданского населения, защиту которого обязано обеспечить международное сообщество (в случае неспособности или нежелания государства). К началу 21 века большинство государств официально согласилось с «ответственностью по защите» населения и обязалось соблюдать права своих граждан и участвовать в коллективных усилиях по предупреждению гуманитарных катастроф на территории других государств.

В связи с этим мы видим, что с точки зрения политики вмешательства концепция личной безопасности выводит на новый уровень анализа ряд идей и вопросов, а именно: какие субъекты наделяются правом «обеспечивать» личную безопасность, т.е. на ком лежит «ответственность по защите». А также требует ответа вопрос, с помощью каких инструментов необходимо реагировать на транснациональные угрозы безопасности, которые лежат вне государственных границ и т.д. При этом наиболее спорным остается вопрос о применении военной силы как инструмента обеспечения человеческой безопасности. В частности, требуется определить ситуаций, в которых использование силы является

оправданным. То есть речь идет о правомерности обращения к гуманитарной интервенции для обеспечения безопасности граждан. В этой связи отметим, что современное международное право не отрицает правомерности применения силы государством в одностороннем порядке в гуманных целях. Одной из целей ООН, как следует из ее Устава, является поощрение и развитие уважения к правам человека (п. 3, ст.1 Устав ООН). В целях содействия всеобщему миру и соблюдению прав человека государства обязуются предпринять совместные и самостоятельные действия в сотрудничестве с Организацией (ст.56). Из этого следует, что если Совет Безопасности по тем или иным причинам бездействует, то отдельное государство может самостоятельно применить силу исключительно в целях спасения жизни своих граждан. Однако надо сказать, что в соответствии с международным правом применение силы даже в гуманных целях должно осуществляться на основе международного права, в соответствии с требованиями, предусмотренные в Уставе ООН. А многонациональные вооруженные силы, создание которых санкционированы Советом Безопасности, должны действовать под контролем ООН. Правда, на практике не всегда эти требования правомерности применения силы в гуманных целях соблюдается. Именно такая ситуация фактически сложилась в Косово, где длительное время находились американские и натовские войска, интервенция которых против Югославии была совершена в нарушение Устава ООН. В отличие от Косово, решение о применении силы в гуманных целях для пресечения «систематических нарушений международного права и прав человека, которые совершались в Восточном Тиморе» было принято Советом Безопасности в резолюции 1234 (1999_ от 15 сентября 1999 г. В соответствии с названной резолюцией власть в Восточном Тиморе передавалась ООН, которая 25 октября 1999 г. по решению Совета Безопасности создала Временную администрацию ООН. На эту администрацию возлагалась обязанность поддерживать безопасность и правопорядок на всей территории Восточного Тимора и осуществлять «эффективное управление» (См. Рез. СБ. 1271 (1999) от 25 октября 1999 г.).

Всеми этими вопросами занимался Комитет экспертов ООН, который разработал конкретные рекомендации в целях повышения эффективности деятельности организации в данном направлении. В них, в частности, содержатся предложения по созданию временной гражданской администрации ООН, которая должна действовать на территории, занимаемой вооруженными силами Организации. Предлагается решить вопрос о разработке временного уголовного кодекса, о подготовке гражданского персонала, судей, различных специалистов в сфере юриспруденции и прав человека, кадров полиции. Все это должно обеспечить «господство права» как в ходе, так и после проведения гуманитарной интервенции[9]. Думается такой подход к решению проблем, связанных с проведением операций по поддержанию мира и безопасности на территории государства, является оправданным. И только при соблюдении приведенных выше Комитетом экспертов рекомендаций можно оценить правомерность или неправомочность применения силы в гуманных целях. И лишь при соблюдении указанных требований при проведении операции по поддержанию мира и безопасности и осуществлении государствами гуманитарной интервенции их действия будут служить задаче реального обеспечения прав человека и безопасности личности.

В заключение отметим следующее.

Нами были затронуты лишь некоторые вопросы, связанные с общим пониманием проблемы безопасности личности в международной системе, в частности. рассмотрены некоторые особенности понимания концепции безопасности личности применительно к сфере международного права.

Автор настоящей работы сосредоточил свое внимание на двух областях- Изучении международно-правовых актов, содержащихся в международных соглашениях в области прав человека и механизмах контроля за их выполнением;

Рассмотрении международной защиты прав человека в ее связи с проблемами безопасности личности, возникающие в области международного гуманитарного права и в связи с урегулированием международных конфликтов международного и немеждународного характера.

Однако понятно, что указанными аспектами исследование проблем безопасности личности в сфере международного права не может ограничиваться. Эта проблема гораздо шире, охватывает многие другие области регулирования международного права. Проблемы защиты безопасности личности возникают, в частности, в международном экологическом, экономическом праве, международном уголовном, трудовом праве, международном процессуальном праве. Анализ проблем безопасности личности в аспекте отмеченных сфер международного правового регулирования требует самостоятельного изучения. Но приступая к их изучению, следует определиться с разработкой ряда общих вопросов, связанных с пониманием безопасностью личности в системе международного права. Такая задача и была поставлена автором.

Список используемой литературы

1. Human Developmets Report. URL:<http://hdr.undp.org/tn/reports/global/hd>
2. UNDP 2002. Human development report 2002. URL:http://undp.org/en/media/HDR_2002
3. Ильин. Ю.Д. Право человека и государства на безопасность в современном мире. Издательство НОРМА. М. 2007.
4. Митева В. В. Есть ли будущее у концепции человеческой безопасность человека // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики
5. Материалы научного семинара. Под редакцией П.А. Цыганкова – М.: изд. Московского университета. 2010.
6. Фомин А.А. Юридическая безопасность в сфере законотворчества и правореализации. Пенза, 2006.
7. Annan K. Secretary – General Salutes International Work- shop jn Human Securites In Mongolia 2000. 8-10 may. Press Release SG/SM/.7382.
8. Human Security and Human Rights. URL: <http://www.humansecurity-chs.org/doc/sanjosedec.html>.
9. Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. Изд. НОРМА.М.2011.

О РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

*Доктор юридических наук,
профессор кафедры международного и европейского права
Юридического факультета
Казанского федерального университета, Казань.*
Тюрина Наталия Евгеньевна
tyurina.natal@yandex.ru

Тема развития международного права перманентно актуальна в силу динамичности объекта исследования. Основной аспект данной темы составляют вопросы развития нормативной системы, изменения, связанные с формальными источниками и их содержанием. Однако развитие позитивного права неизбежно сказывается на международно-правовой доктрине, которая призвана давать разъяснение состоявшимся нововведениям, давать им оценку, а также предвещать изменения в виде указания на необходимое и делая прогнозы на будущее. Теория призвана также давать объяснение и оценку новой практике международных отношений, не отставая от реальных событий.

Между тем в современных исследованиях не всегда достаточно места отводится осмыслению международно-правовой практики в понятийно-категориальном аспекте. В результате появляются научные гипотезы, которые в равной степени трудно поддержать или опровергнуть, поскольку международно-правовая доктрина не обеспечивает для этого необходимой и достаточной аргументации. В частности, такая ситуация сложилась в отношении признания или непризнания статуса производного субъекта международного права за некоторыми участниками отношений, выходящих за пределы национального правопорядка.

Так, уже длительное время на страницах международно-правовой литературы идет дискуссия относительно международной правосубъектности индивида. Не вдаваясь в повторение известного обоснования международной правосубъектности индивида, представляется целесообразным обратить внимание на аргумент в пользу признания за индивидом указанного качества, выдвинутый доцентом кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета М.С. Лихачевым, который рассматривает индивида, как производный субъект международного права, указывая, что в основе его международной правосубъектности лежит волеизъявление государства, дополняемое автономностью воли индивида [6, с. 98]. Несмотря на оригинальность предложенного М.С. Лихачевым довода, с автором все же трудно согласиться по существу отстаиваемой им позиции с учетом присущего субъекту права свойства, на которое указывается в общей теории права и теории международного права, а именно: способности своими действиями создавать обязательства (в международном праве – путем заключения международных договоров, участия в формировании международного обычая). Вместе с тем, «волеизъявление государства, дополняемое автономностью воли

индивида» представляют интерес как способ образования субъекта международного права.

Еще одна новелла в контексте расширения перечня субъектов международного права предложена профессором А.Я. Капустиным, который, рассматривая полномочия Евразийской экономической комиссии, пишет, что в ЕврАзЭС ЕЭК «все более приобретает черты не просто международного органа ММПО, а мини-международной организации, формально не зависимой от ЕврАзЭС. Согласно Договору о ЕЭК последняя становилась единым постоянно действующим регулирующим органом ТС и ЕЭП. Анализ полномочий ЕЭК (право заключать международные договоры и др.) давал все основания предполагать наличие у нее признаков международной правосубъектности, что обычно не характерно для органов международных организаций» [3, с. 102]. Заметим, что сказанное можно отнести к данному органу и в ЕАЭС, поскольку текст положения договора, на который ссылается автор дословно воспроизведен в ст.6 Приложения № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе, где говорится, что Комиссия может быть наделена Высшим советом правом подписывать международные договоры по вопросам, входящим в компетенцию комиссии. Разница в том, что право на подписание международных договоров в ЕврАзЭС устанавливалось международным договором, который являлся внутренним правом уже существующего производного субъекта, а в ЕАЭС оно было закреплено непосредственно учредительным договором.

Следуя логике «субъекта в субъекте», можно было бы говорить и о международной правосубъектности, по крайней мере, некоторых международных судебных органов, например, ЕСПЧ, создающего правовые нормы своими решениями. Однако международная правосубъектность определяется не только наличием у того или иного образования отдельных элементов право- и дееспособности, а всей их совокупностью, включая ответственность по обязательствам, установленным нормами международного права. Правомочие Комиссии ЕЭК, на которое указывает профессор А.Я. Капустин, не предполагает международно-правовой ответственности данного органа, поскольку Комиссия ЕЭК в международном договоре выступала бы не в собственном качестве: она представляла, олицетворяла собой международную региональную организацию – ЕврАзЭС.

Дискуссионным является также вопрос о международной правосубъектности таможенных союзов. В работе Д. Карро и П. Жюйара утверждается, что самостоятельность таможенного союза дает основание говорить о том, что он обладает собственной правосубъектностью в таможенной и внешнеэкономической сфере [4, с. 238, 244]. Однако в международном праве не существует разграничения субъектов по отраслевому признаку. Точнее было бы сказать, что таможенные союзы являются субъектами международного права, реализующими международную право- и дееспособность в таможенной и торгово-экономической сфере. Кроме того, таможенные союзы обладают всеми признаками международной межправительственной организации [8, с. 223-233], правосубъектность которой не ставится под сомнение.

Всею совокупностью признаков субъекта международного права обладают и некоторые самостоятельные таможенные территории в составе государства, которые не только осуществляют властные полномочия на соответствующем пространстве, но и от своего имени участвуют в международных договорах и международных организациях. Указанным критериям отвечают три таких территории, являющиеся частью Китайской Народной Республики (КНР) – Гонконг, Макао, Китайский Тайпэй [7, с.398-407].

Автономия Гонконга базируется на китайско-британской декларации 1984 г. о передаче суверенитета над Гонконгом в пользу КНР, которая предусматривает высокую степень его самостоятельности в решении внутренних вопросов и участие в международных отношениях. Внутренняя самостоятельность Гонконга проявляется в законодательной сфере, контроле над полицейскими силами, денежной системой, пошлинами, иммиграционной политикой. Во внешней сфере она выражается в представительстве в международных организациях, участии в международных договорах. В настоящее время Гонконг является членом Организации Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Азиатского банка развития, Всемирной организации здравоохранения, Всемирной организации по метеорологии, Всемирной торговой организации. В указанных отношениях Гонконг реализует свою договорную правоспособность и выступает на равных началах с государствами.

Макао (Аомынь), как и Гонконг является специальным административным районом КНР, который был образован 20 декабря 1999 после ликвидации на этой территории португальской колонии. Макао обладает автономией в законодательной сфере, имеет собственную правовую, административную, валютную систему. Являясь членом ВТО с 1995 г., Макао сохраняет право участия в международных организациях, признаваемое КНР.

Китайский Тайпэй включает четыре региона: Тайвань, Пэнху, Кинмень и Мацу. Китайский Тайпэй является членом ВТО как отдельная таможенная территория. До 1 января 2002 г. участником ВТО значился Тайвань, однако двойственность его международного положения потребовала уточнения таможенной территории, автономия и степень самостоятельности которой не вызывали бы политических споров. По действующей Конституции КНР Тайвань «является частью священной территории Китайской Народной республики».

Полномочия, которые данные территории имеют по согласованию с КНР, включают право на участие в международных договорах и международных организациях в ряде сфер международного сотрудничества, как самостоятельно, так и параллельно с КНР, и реализуются преимущественно в экономической сфере, в частности в форме участия во Всемирной торговой организации.

Таким образом, в современных научных исследованиях представлено уже несколько акторов, претендующих на статус производного субъекта международного права. Насколько обоснованы эти притязания?

Прежде всего следует заметить, что в отношении так называемых претендентов можно говорить исключительно о производной правосубъектности. В теории международного права как основной производный субъект рассматривается международная организация, и квалифицирующие признаки данного субъекта идут от международной организации и присущи именно международной организации. Это находит подтверждение в обобщенном

определении производного субъекта международного права: – это субъект международного права, который образовывается первичными субъектами международного права, основой его правосубъектности, суть международной право- дееспособности, является учредительный договор. Однако, если рассматривать международный договор как исключительный способ создания производного субъекта международного права, то международные организации оказались бы единственным видом производного субъекта. Вместе с тем производными по своей природе субъектами являются и государство-подобные образования – субъекты особого рода (*suī generis*), признаваемые в качестве таковых другими субъектами международного права.

Международная правосубъектность данных образований имеет отличную от международных организаций природу. Во-первых, она не всегда основана на международном договоре. Во-вторых, договоры, в силу которых возникает субъект особого рода в тех случаях, когда они имеют место, заключаются либо государством с территорией, которая в момент заключения договора еще не обладает международной правосубъектностью, и, следовательно, заключаемый договор не является международным, либо договор заключается государствами в пользу третьего образования относительно придания ему статуса самостоятельной территории – субъекта международного права.

Отличительной чертой субъекта *suī generis* является то, что он возникает не в силу *создания*, а по факту надления первичным субъектом международного права *уже существующее (конституированное) образование* международной право- дееспособностью. Эти субъекты выделяются в отдельную разновидность, однако международная правосубъектность *suī generis* не составляет самостоятельной категории международного права, а лишь указывает на особый способ появления производного субъекта. И эти способы различны.

Так, в основе международной правосубъектности Святого престола (Ватикана) лежит обычай и молчаливое согласие большинства государств. Латеранский договор между Италией и Святым престолом от 11 февраля 1929 г. (пересмотрен в 1984 г.) не является субъектообразующим. Он лишь подтверждает сложившийся обычай [1, с.12]. Основой для статуса субъекта международного права Мальтийскому ордену послужила булла Папы Пасхалия II 1113 г. Подтверждением данного статуса являются положения Конвенции итальянского военного министерства и Ордена от 20 февраля 1884 г. и в законодательных Декретах итальянского правительства от 7 октября 1923 г., 28 ноября 1929 г. и 4 апреля 1938 г. В Приговоре Верховного суда от 14 июля 1953 г. отмечается, что Суверенный Военный Мальтийский Орден признан Итальянским Государством как субъект международного права, и поэтому правовые отношения с Орденом строятся в соответствии с межгосударственным правом, а не с итальянским правом [2, Добавление 1]. Кракову статус вольного города был предоставлен решением Венского конгресса 1815 г., статусом «свободного государства» пользовался Данциг в соответствии с Версальским мирным договором 1919 г.

Из практики становления производных субъектов международного права следует:

- производные субъекты могут возникать как новые образования (международные организации), так и в результате наделения первичным субъектом международного права некое конституированное образование международной право-дееспособностью;

- производные субъекты могут быть созданы как соглашением между субъектами международного права (первичными или уже существующими производными), т.е. - международным договором (согласованным волеизъявлением), так и соглашением между субъектом международного права и конституированным образованием, а также в силу акта одностороннего волеизъявления субъекта международного права и в силу международного обычая; возможны и иные способы создания производного субъекта, которые еще явит практика международных правоотношений;

- правоспособность производных субъектов независимо от способа создания является ограниченной.

Предпосылки к наделению международной право-дееспособностью конституированных субъектов могут самыми различными, статус субъекта международного права для них может быть временным или переходным состоянием, при утрате данного статуса они не прекращают своего существования. Значение признания или непризнания того или иного образования субъектом международного права не нуждается в пространном обосновании. Достаточно сказать, что от этого зависит непосредственное применение норм международного права к отношениям, стороной которых выступает данное образование, ответственность за нарушение норм международного права в сфере компетенции соответствующего актора, разделение ответственности производного субъекта и ответственности субъектов, от которых зависело его становление.

Возвращаясь к образованиям, которые в научных исследованиях претендуют на статус производного субъекта международного права, следует подчеркнуть, что в каждом случае мы видим попытку толкования практики, которая имеет место, но еще не получила отражения и обобщения в теории международного права. Можно критически относиться к этому толкованию, но практика в любом случае критерием истины остается практика, решение вопроса о признании международной производной правосубъектности того или иного образования необходимо решать исходя из выявляемых на практике критериев, выработанных в науке международного права, а именно:

- наличие у участника международных отношений прав и обязанностей, установленных для него международным правом непосредственно;

- способность к осуществлению данных прав и нести ответственность за неисполнение обязанностей самостоятельно;

- обладать правом на самостоятельное волеизъявление в отношениях с другими субъектами международного права;

- наличие воли к реализации предоставленных прав в отношениях с другими субъектами международного права;

- способность своими действиями создавать права и обязанности в соответствии с международным правом.

При этом принципиальное значение имеет выявленный в ходе исследования способов образования субъектов особого рода факт: право на самостоятельное волеизъявление в отношениях с другими субъектами

международного права может быть предоставлено уже конституированному образованию со стороны субъекта международного права в одностороннем порядке, однако его осуществление зависит от признания другими субъектами международного права целесообразности установления отношений с данным образованием.

Как показывает обзор соответствующей практики, юридической основой правосубъектности акторов *suí genetiis* являются не только международные договоры, но и «любые другие договоренности первичных субъектов международного права, прежде всего государств, а в ряде случаев и договоренности между уже конституированными производными субъектами международного права». В политическом смысле такие образования не являются суверенными государствами, но как субъекты международного права они обладают право-дееспособностью, сопоставимой с данными качествами государства.

Производные (вторичные) субъекты международного права - это в основном международные межправительственные организации, реже - другие самостоятельные территориальные единицы, обладающие полномочиями, которые придают им сходство с государствами. Все они действуют в международных отношениях в пределах компетенции, предусмотренной соответствующими учредительными документами – уставами (договорами), односторонними актами субъекта международного права или иными правовыми актами, а также международными обычаями. Содержание правосубъектности в каждом конкретном случае определяется индивидуально. Право-и дееспособность производного субъекта не являются универсальными: они ограничены целями, для достижения которых производный субъект образуется. В этом смысле производная международная правосубъектность имеет конститутивный характер, и может прекратиться в том же порядке, в каком она возникла.

В международно-правовой литературе уже обращалось внимание на то, что круг субъектов, присущий любой системе права может изменяться в различные исторические эпохи [5, с.30-31]. Для современного периода характерно бурное развитие отношений, как в давно существующих, так и в новых сферах международной жизни. В этих условиях появление новых субъектов международного права и новых способов их образования закономерно. При этом критерии данного статуса остаются неизменными.

Список используемой литературы

1. Дьяченко С. В. Особенности международной правосубъектности святого престола: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. -М., 2008. - 26 с.
2. Захаров В. А. История Мальтийского Ордена. - М.: Вече, 2012. - 416 с.
3. Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе - новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 98-107.

4. Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право. М.: Междунар. отношения, 2002. - 580 с.

5. Левин Д.Б. Актуальные проблемы теории международного права. М.: Наука, 1974. - 264 с.

6. Лихачев М.С. К вопросу об автономной воле как основании международной правосубъектности индивида// Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 19 (200). С. 95-99.

7. Тюрина Н.Е. Международная правосубъектность таможенной территории //Основные тенденции развития современного международного права / Liber Amicorum. В честь профессора Геннадия Ириарховича Курдюкова / Под ред. А.Б. Мезяева, Н.Е. Тюриной. Казань, 2010. - С. 398-407.

8. Тюрина Н.Е. Международная правосубъектность таможенных союзов//Российский ежегодник международного права 2010. СПб: Россия-Нева, 2011. - С. 223-233.

ФОТОРЕПОРТАЖ

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

УДК 341.225.5

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕС В ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ МИРОВОГО ОКЕАНА ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЯ

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры
международного и европейского права
Юридического факультета
Казанского федерального университета, Казань.*
Валиуллина Ксения Борисовна
valiullina.ksenia@mail.ru

В рамках обеспечения всемирной экологической безопасности защита и сохранение Мирового океана является одним из приоритетных направлений, стоящих перед мировым сообществом. В июне 2017 г., согласно резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, была проведена Конференция по Океану для реализации Цели 14 «Сохранение морских экосистем» Повестки дня до 2030 года. В качестве ключевого направления конференции было отмечено обеспечение безопасности вод и ресурсов Мирового океана в интересах человечества и нашей планеты. Генеральный Секретарь ООН Антониу Гутерриш, в ходе Конференции, призвал к принятию срочных мер по обеспечению охраны и защиты Мирового океана от загрязнения. «Океан, - отмечал он, - это общее достояние всего человечества, однако стремительное загрязнение его вод, истощение биоресурсов, последствия глобальных климатических изменений и иные факторы разрушительным образом влияют на его состояние» [5]. Роль и значение Мирового океана в жизни всего человечества сложно переоценить. Мировой океан является основным компонентом биосферы земли, ключевым элементом гидросферы, содержащим 95% всей воды на планете, важнейшим звеном экологической системы, источником минеральных, биологических и стратегических ресурсов. Океан - основной поставщик кислорода планеты, его по праву называют «Легкими Земли». Тем не менее, из всех природных объектов именно Океан в наибольшей степени подвергается негативному воздействию. Существовавшая миллионы лет способность морей и океанов к самоочищению ослабевает в связи с появлением новых способов воздействия на их среду, разработкой химических соединений, пластмассы, синтетических продуктов, которые не поддаются разложению с течением времени.

Длительное время нормы международного права затрагивали только вопросы, касающиеся предотвращения загрязнения пресных водоемов. Между тем, с середины XX века основным объектом международного регулирования по праву становится Мировой океан. Это вызвано, прежде всего, тем обстоятельством, что воды Мирового океана охватывают не одно государство, а множество, и

нанесенный его среде ущерб быстро распространяется на огромные территории. Лишь малая часть загрязняющих веществ, поступающих в акваторию Мирового океана разлагается или перерабатывается, все остальное либо оседает на дне, либо поглощается рыбой и млекопитающими, вызывая заболевания и мутации, либо плотной пленкой покрывает воды, препятствуя проникновению необходимого для жизни Океана и его обитателей солнечного света. В мире практически не осталось рек, вода которых пригодна для питья, они давно прекратили бы свое существование, если бы не сбрасываемые в них сточные воды. Все эти ядовитые отходы из рек попадают в Океан и находятся в постоянном движении, распространяясь на огромные территории [6]. Под воздействием человеческой деятельности океан закисляется и загрязняется, нерациональное рыболовство разрушает экосистемы в результате чего повышается температура воды в океане, поднимается уровень моря. Это ведет к климатическим катастрофам, наводнениям, засухам. Примером является островное государство Фиджи, где климатические изменения, связанные с повышением уровня моря и интенсивными ураганами, вынудили власти переселить десятки деревень в более высокие районы.

В июне 2003 г. на министерском совещании (Бремен), была принята совместная декларация Хельсинской комиссии (ХЕЛКОМ) и Комиссии по защите морской среды Северо-Восточной Атлантики (ОСПАР). В Декларации была выражена поддержка предложению Европейской комиссии по выработке Европейской морской стратегии, основанной на экосистемном подходе. В разделе декларации, озаглавленном «К Европейской морской стратегии», подтверждалась необходимость интеграции в более широких областях, чем те, которыми занимаются в настоящее время ХЕЛКОМ и ОСПАР [3]. По мнению разработчиков декларации, Европейская морская стратегия должна охватывать «все моря вокруг Европы», или «Европейские моря», включая Балтийское, Черное, Средиземное моря, северо-восточную часть Атлантического океана и даже Северный Ледовитый океан (который, строго говоря, географически очень сложно отнести к «Европейским морям»). Инициатива подобного рода, хотя и способная затронуть экономические интересы ряда государств, в том числе и Российской Федерации в Северных морях вызывает интерес, и положительную реакцию, так как базируется на активной политике государств в вопросах охраны морской среды от загрязнения.

Известно, что экологические проблемы таят в себе опасность использования их в целях вытеснения конкурентов в такой традиционно жесткой области международного бизнеса, к какой относится торговое судоходство. Государства, в ряде случаев принимают односторонние решения в обход положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а декларации, с которыми они выступают, выглядят как оговорки, исключающие или изменяющие юридическое действие определенных норм Конвенции [7]. Так, вскоре после разлива с судна «Prestige», 77000 т. тяжелого нефтяного топлива, три государства — члена Европейского союза (Испания, Франция и Португалия) приняли ряд односторонних мер, заключавшихся в запрете заходить однокорпусным танкерам в 200-мильные исключительные экономические зоны указанных стран. Ими были приняты соответствующие меры к обеспечению этого запрета. Формально эти

действия нарушали ст. 58 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., участником которой является Европейский союз. Целый ряд государств-членов Конвенции призвал страны действовать исключительно сообща и принимать национальные законы на основе положений универсальной Конвенции. В то же время, необходимо признать тот факт, что при всей своей уникальности и значимости для регулирования деятельности в Мировом океане, обеспечения его защиты и сохранения, Конвенция уже не всегда справляется с возложенными на нее задачами. Она была принята уже более 30 лет назад, за это время появилось большое число новых способов и средств воздействия на воды и ресурсы.

Сегодня, Евросоюз занял активную позицию в отношении сокращения морского мусора к 2020-му году на 30%. Осознавая необходимость совместных усилий в направлении обеспечения экологической безопасности, Европейский Союз придерживается Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года. Ежегодно проводятся конференции, посвященные экологическим проблемам, а Всемирный день океанов ЕС напоминает о глобальной необходимости шаг за шагом преодолевать трудности, с которыми сталкивается морская среда, а именно: изменение климата, нерациональное использование ресурсов, загрязнение морей и океанов пластиком, нефтью и нефтепродуктами, балластными водами и другими веществами.

В послевоенные годы, тонны отравляющих веществ, таких как кислотные и промышленные отходы, взрывчатые вещества в течение десятилетий в контейнерах сбрасывались на дно Океана по той причине, что на земле их хранить опасно, а океан, как предполагалось, сможет удержать их распространение. Так, после поражения Германии во Второй мировой войне, Советский Союз совместно с Великобританией и Францией приняли решение об уничтожении немецкого химического оружия, а именно мин, снарядов, бомб, шашек ядовитого дыма, ручных гранат и химических фугасов, а также приспособлений для быстрого заражения обширных территорий всевозможными отравляющими веществами: зомана, люизита, дифосгена, зарина, табуна, адамита. Таким образом, на дне морей и океанов были затоплены более трехсот тысяч отравляющих веществ. Свыше двадцати тысяч тонн химического оружия вывезли на территорию СССР и погрузили на дно сравнительно мелкого для морских глубин дно Балтийского моря. Сброшенные контейнеры уже давно разгерметизировались, а яда в них достаточно, чтобы отравить все население земного шара, выпуская опасные вещества, отравляя при этом Океан и всех его обитателей. [9]

Известно, что вопрос о необходимости регулирования проблемы защиты и сохранения Мирового океана на основе заключения международных договоров был поднят еще в 1926 г. Эксперты ведущих морских держав собрались в Вашингтоне для обсуждения вопроса предотвращения загрязнения моря нефтью. Однако, конструктивного решения принято не было. И только, спустя долгие годы, в 1948 году, Организация Объединённых Наций учредила Межправительственную морскую консультативную организацию (ИМКО), Основная цель создания которой - обеспечение сотрудничества государств, обмен информацией, обсуждение правовых вопросов в отношении судоходства, загрязнения окружающей, и прежде всего, морской среды с судов[2].

Следует подчеркнуть, однако, что в этот период времени говорить, об активных действиях государств в отношении защиты Мирового океана едва ли

представляется возможным. Именно в этот период морская среда становится местом утилизации всех видов отходов, включая радиоактивные (устаревшие ядерные объекты, отработавшее ядерное топливо), химические вещества, нефтепродукты. Так, за период с 1949 – 1982 гг:

Англия провела 34 захоронения ТРО в пятнадцати местах Северной Атлантики, Ла-Маншца, Бискайского залива, Ирландского моря в районе Канарских островов. Масса захороненных контейнеров равна 74052 тонны. Бельгия совместно с Англией произвела 15 захоронений ТРО в Северную Атлантику и Бескайский залив общей массой 23100 тонн. Голландия произвела четырнадцать захоронений в Северной Атлантике массой 19162 тонны. США осуществили в Атлантике захоронения ТРО в количестве 560261 контейнера (масса не известна). [4]

Проблема утилизации ядерных веществ в этот период времени естественным образом перекрывал все другие возможные источники загрязнения, хотя они, безусловно, имели место. (Так в результате крушения крупного Танкера Торрей Каньон в Великобритании в 1967 году в воды Мирового океана попало около 106 тысяч тонн нефти) [1].

Таким образом, принятие срочных мер по урегулированию вопроса взаимодействия стран в вопросах обеспечения защиты и сохранения Мирового океана от гибели стало неизбежным. Со второй половины XX века, в короткие сроки разрабатывается и вступает в силу целый ряд крупных международных Конвенций по защите Мирового океана. Среди них особо значимыми являются: Международная конвенция относительно вмешательства в открытом море в случаях аварий, приводящих к загрязнению нефтью от 29 ноября 1969г , Конвенция о предотвращении загрязнения сбросами отходов и других материалов 1972 г. (Лондонская конвенция о дампинге) . Однако, в ней допускается захоронение радиоактивных отходов низкой и средней активности за пределами континентального шельфа на глубине не менее 4000м.

В 1972 г в Декларации Стокгольмской конференции ООН были закреплены основополагающие принципы международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, которые в дальнейшем были дополнены Всемирной хартией природы, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН в 1988 году .

Заключительным этапом интенсивной работы государств по созданию целостной системы кодифицированных универсальных норм в отношении охраны Мирового океана, стало принятие Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. «Развитие морского права, - отмечено в Преамбуле Конвенции по морскому праву 1982 г.,- выступает в качестве основного гаранта в процессе укрепления мира, дружественных отношений и сотрудничества между всеми государствами в решении глобальных, общезначимых вопросов» [10].

Тем не менее, события последних лет, крупные аварии на АЭС, разливы нефти, массовое загрязнение Океана бытовым мусором, пластиком, неконтролируемый сброс балластных вод ярко свидетельствует о следующем: все еще не достаточно развито осознание значимости проблемы защиты и сохранения Мирового океана и острой необходимости принятия срочных мер, для

предотвращения его дальнейшего загрязнения. Этими же причинами, во многом, объясняется затянувшийся процесс подписания важнейших международных конвенций.

Необходимо, однако, признать, что наука и научные разработки, и, следующие вслед за их развитием негативные последствия для окружающей среды развиваются гораздо быстрее человеческого сознания. Это обусловлено тем, что изменить систему ценностей, десятилетиями, или даже столетиями, формирующимися в обществе, чрезвычайно сложно. Процесс развития экологической культуры долгий и непоследовательный. Люди воспринимают природу как данность, не видя угрозы, или предпочитая ее не видеть. В этой связи генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, выступая на конференции по проблемам Мирового океана, справедливо отметил неспособность человечества улучшить то, значимость чего оно не может оценить. «Чрезвычайно важно расширять знания о Мировом океане, - подчеркнул он, - способствовать улучшению сбора информации и ее анализа» [5]. Каждый шаг человека или государства в целом, должен быть продуманным, последовательным, экологически корректным. Этому будет способствовать, прежде всего, детально продуманная, внутренне организованная, четко структурированная система международно-правовых норм, обеспечивающая правопорядок в жизни стремительно развивающегося общества, в сотрудничестве государств и народов [8].

В 1992 году на Конференции ООН по окружающей среде и развитию был принят план действий - Повестка дня на XXI век. Глава 17 данного документа посвящена защите океанов и всех видов морей. В данной главе указывается на принцип общей, но дифференцированной ответственности стран за вред нанесенный Мировому Океану. То есть развитые страны должны вносить большой вклад в общую задачу обеспечения защиты и сохранения Мирового океана, а так же оказывать помощь развивающимся странам. Однако, в последствии ко всем странам стали предъявляться одинаковые условия, а поддержки от развитых государств так и не дождалось. На Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» в 2012 году никаких серьезных и конструктивных решений в отношении сотрудничества принято не было.

Становится очевидным, что разрешить возникшую экологическую проблему на основе лишь многосторонних соглашений практически не представляется возможным. Государства, даже являясь участниками той или иной Конвенции, часто умалчивают о произошедших авариях или совершении тех или иных нарушениях установленных норм.

Обобщая все изложенное выше, проведя анализ, на основе данных иностранных и российских источников, можно обозначить следующие возможные направления, определяющие повышение уровня сотрудничества государств в вопросах обеспечения защиты и сохранения Мирового океана:

1. Основной задачей мирового сообщества в улучшении состояния Океана – является стремление к океаническому соуправлению. Что подразумевает совместное управление деятельностью по освоению Мирового океана силами международных организаций, правительств, региональных сообществ, неправительственных организаций и других заинтересованных участников;

2. Эффективное сотрудничество между государствами не представляется возможным без активного участия международных организаций,

которые обеспечивают как дорогостоящий мониторинг состояния Океана, так и проведение мероприятий по очистке обширных водных участков;

3. Защита и сохранение Мирового океана – это задача общечеловеческого значения. Загрязнение одной области обязательно распространится на соседние территории. Таким образом, в интересах всех государств, особенно в вопросах, касающихся размещения на дне, сброса и утилизации опасных веществ, считается не уместным дипломатический подход и альтернатива в отношении принятия Конвенций;

4. Проведение организованных действий государств по предотвращению, сокращению и ликвидации последствий, наступивших в результате загрязнения. При этом должны быть установлены четкие временные рамки для устранения загрязнений, в целях недопущения его распространения.

5. Для обеспечения совместной деятельности государств по защите и сохранению Мирового океана представляется необходимым оказывать поддержку развивающимся странам в отношении обеспечения их новым, экологически безопасным оборудованием;

6. Осуществление, на основе научных данных, всестороннего экологического контроля и оценки состояния среды Мирового океана. Обеспечение обмена между государствами данными о состоянии отдельных водных объектов;

7. Повышение уровня экологического образования и просвещения.

Защита и сохранение Мирового океана – это комплексная задача, требующая как нормативно–правового подкрепления, так и формирования правильного общественного сознания о его ценности для всего человечества. Впервые, общество получило возможность сплочения и тесного сотрудничества в вопросах обеспечения глобальной безопасности всей цивилизации на такой демократической основе.

Список используемой литературы

1. Авария нефтеналивного танкера «Торри Каньон» <https://ru-ecology.info/post/100883403770029/>

2. Валиуллина К. Б. Международно-правовые проблемы защиты и сохранения морской среды / К. Б. Валиуллина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 152, кн. 4. – С. 66–75.

3. Валиуллина К.Б. Международно-правовая охрана и защита Мирового океана от загрязнения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / К. Б. Валиуллина. – Казань. 2018. – С. 24-25

4. Грачев А. П., Баева Л. С. Исторические аспекты международной проблемы захоронения радиоактивных отходов в морях // Вестн. Мурман. гос. техн. ун-та. 2004. Т. 7, № 3. С. 481.

5. Наши океаны – наше будущее: партнерство в интересах достижения цели 14 в области устойчивого развития: Конференция ООН по океану, Нью-Йорк, 5–9 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/conf/ocean/> (дата обращения: 26.07.2018).

6. Овлащенко А.В. Международное морское право и формирование морской политики Европейского Союза: проблемы взаимодействия. Международное публичное и частное право», 2007, N 5 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://center-bereg.ru/o4570.html>

7. Овлащенко А.В., Покровский И.Ф. К вопросу об "экологизации" современного международного морского права // Транспортное право. - М.: Юрист, 2009, № 2. - С. 31-37

8. Хватов В. Я., Колбасов О. С. Международно-правовая охрана окружающей среды. М.: Междунар. отношения, 1982. С. 21.

9. Хейердал Т. Уязвимое море. Л.: Новости науки, 1973. С. 4.

10. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982. (подписана в Монтего-Бэй 10 декабря 1982 г., вступила в действие 16 ноября 1994 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 48.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ – НАПРАВЛЕНИЕ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРОПЕ И НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Кандидат юридических наук, исполнительный директор
Юридического института АНО ВО
«Российский новый университет», Москва
Костин Сергей Андреевич
skostin@rosnou.ru*

В XXI веке мы стали свидетелями стремительного развития и повсеместного применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). На начальных этапах внедрения ИКТ в качестве обоснования широко использовался тезис о том, что это существенно способствует ускорению экономического развития и потенциала государства, не делая акцента на военном аспекте в информационном пространстве. Однако, с течением времени стало понятно, что ИКТ являются технологиями двойного назначения, которые в полной мере используются в военной промышленности. Более того, в ряде стран таких как Германия, Израиль, Соединенные Штаты Америки, Российская Федерация и др. уже функционируют специальные рода войск, ориентированные на решение задач киберхарактера в информационном пространстве.

Несомненно, ИКТ – это новые возможности и инновации для развития потенциала как страны и экономики отдельного государства, так и мирового сообщества в целом. С другой стороны, для успешного развития необходимы понятные и разумные «правила игры». Схожей позиции придерживаются и крупнейшие международные акторы в этой сфере. Так, Заместитель начальника юридического управления компании *Microsoft* Стив Краун говорит, что «*Microsoft* настоятельно призывает к государственному регулированию. Мы так и заявили: «Нам нужно регулирование». Мы действительно приветствуем разумное регулирование. Мы считаем, что если нам действительно удастся оказать помощь в установлении правил, которые обеспечат позитивное развитие, минимизируют риски нарушения наших прав и облегчат достижение целей, то для нас это наилучший вариант действий. Вот почему мы верим в многостороннее сотрудничество, поскольку в нем мы видим путь к установлению мирной, открытой, доступной и безопасной онлайн-среды, отвечающей интересам большинства стран» [28].

Организация Объединенных Наций (ООН), как следует из статей 1 и 2 Устава, является организацией общей компетенции и играет ключевую роль в содействии и формировании институциональных основ обеспечения международной безопасности. В данном контексте следует обратить внимание на ряд документов, имеющих особое значение. А именно на Декларацию об укреплении международной безопасности, принятую резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 2734 (XXV) от 16 декабря 1970 г., в которой отразилась

позиция ООН по наиболее острым международным вопросам, в том числе по вопросам повышения эффективности ООН в области поддержания международного мира и безопасности [3]. Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. под № A/RES/3314 [18], основанную на опыте Конвенции об определении агрессии, подписанной 4 июля 1933 г. в Лондоне Советским Союзом, Румынией, Чехословакией, Турцией и Югославией [1], которая дает определение агрессии в международном праве. Специальные резолюции о создании всеобъемлющей системы международного мира и безопасности [14] от 5 декабря 1986 г. и 7 декабря 1987 г. Резолюция «Всеобъемлющий подход к укреплению международного мира и безопасности в соответствии с Уставом ООН» [15] от 7 декабря 1988 г. и ряд других важных документов.

В конце девяностых годов прошлого и начале этого столетия на международной арене стали активнее обращать внимание на повсеместное присутствие ИКТ в нашей жизни. Пунктом 4 Резолюции ГА ООН 60/45 от 8 декабря 2005 г. предусматривалось создание в 2009 г. Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (ГПЭ) с целью «исследования существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности и возможных совместных мер по их устранению» [9, 16]. ГПЭ были выявлены и сформулированы угрозы, риски и факторы уязвимости, связанные с обеспечением безопасности при использовании информационно коммуникационных технологий (ИКТ). Признавая факт использования ИКТ в том числе в военной сфере, в контексте обеспечения международной безопасности ГПЭ выявила две ключевые группы риск-факторов: угроза инфраструктуре ИКТ, как объекту для покушения; предупреждение преступного использования ИКТ, как средства достижения преступных целей [4]. В настоящее время создано три ГПЭ, которые занимаются изучением угроз в сфере ИКТ и кибербезопасности, а вопросы информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности периодически рассматриваются на ежегодной повестке ГА ООН [5].

В декабре 2018 года, ГА ООН одобрила Резолюцию A/RES/73/27 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» [17], инициированную Российской Федерацией, и содержащую «свод международных правил, норм и принципов ответственного поведения государств», а также созыв «начиная с 2019 года, в целях придания переговорному процессу в Организации Объединенных Наций по безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий более демократического, инклюзивного и транспарентного характера рабочей группы открытого состава, действующей на основе консенсуса, в целях продолжения в качестве приоритета дальнейшей выработки норм, правил и принципов ответственного поведения государств» в интернете.

Организация Объединенных Наций в силу своего универсального характера, а также наибольшей вовлеченности со стороны членов мирового сообщества должна играть главную роль в деле институционализации отношений, связанных с применением ИКТ. Однако, в силу стремительного внедрения и массового использования ИКТ, существующая интенсивность работы Организации представляется недостаточной. Такая работа должна также продолжаться на межрегиональном и региональном уровнях.

Подавляющее большинство стран Европейского союза, а также Соединенные Штаты Америки и Канада объединены под эгидой НАТО, межрегиональной организации, обеспечивающей коллективную безопасность.

В контексте обеспечения кибербезопасности Североатлантический альянс обладает рядом институциональных органов, ключевым из которых является Комитет по киберзащите – ведущий комитет по политическому управлению и политике в области киберзащиты в целом. На рабочем уровне за координацию киберзащиты во всех гражданских и военных органах НАТО отвечает Совет по управлению киберзащитой, в который входят руководители политических, военных, оперативных и технических органов НАТО, отвечающие за киберзащиту. Совет НАТО по консультациям, контролю и командованию является основным комитетом для консультаций по техническим аспектам и аспектам внедрения киберзащиты. Технический центр отвечает за предоставление услуг технической кибербезопасности по всему Альянсу. Технический центр (*NCIRC*) играет ключевую роль в реагировании на любые компьютерные инциденты, затрагивающие Альянс. Он обрабатывает и сообщает об инцидентах, а также распространяет важную информацию, связанную с инцидентами в сфере обеспечения информационной безопасности. Координационный центр является кадровым элементом, отвечающим за координацию деятельности в области киберзащиты. Эволюция данных институтов проходила поэтапно, начиная с 2002 года и продолжается по настоящее время, когда «министры обороны Альянса одобрили руководство, содержащее ряд инструментов для дальнейшего усиления способности НАТО реагировать на значительные злонамеренные кибердействия» [26].

Европейский союз также уделяет особое внимание вопросам, связанным с противодействием киберугрозам. В частности, конец 2017 и 2018 годы прошли под эгидой активных действий, связанных с началом работы Постоянного структурированного сотрудничества (*PESCO*) [13]. В настоящее время в рамках *PESCO* Советом утверждено 47 проектов, восемь из которых имеют кибернаправленность [29].

В 2016 году Североатлантический альянс и Европейский союз определили новые сферы сотрудничества, в числе которых – противодействие гибридным угрозам, укрепление обороноспособности и киберзащиты. В том же 2016 году НАТО и Европейский союз подписали и ныне сотрудничают в рамках Технического соглашения по киберзащите [30]. Учитывая особенность «двойного членства», так как государство может одновременно являться страной Европейского союза и членом НАТО можно говорить об устойчивой интеграции в данной области международных отношений.

На фоне существенного развития институциональных органов, отвечающих за обеспечение кибербезопасности и интеграции стран ЕС и Североатлантического альянса, мы не наблюдаем схожего уровня интеграции в рамках таких институтов как СНГ и ОДКБ.

В рамках СНГ сотрудничество, связанное с обеспечением безопасности, насчитывает более двадцати направлений. Однако, сотрудничество в сфере ИКТ

преимущественно сводится к обмену информацией, не предполагая образование межгосударственных координационных органов.

В 2014 году в рамках ОДКБ был создан Консультационный координационный центр по вопросам реагирования на компьютерные инциденты (ККЦ ОДКБ). ККЦ ОДКБ образован с целью координации взаимодействия уполномоченных органов по вопросам, связанным с компьютерными инцидентами, несущими угрозы функционированию информационно-телекоммуникационных сетей и информационных систем любого из государств – членов ОДКБ.

Одним из ключевых поставщиков безопасности на евразийском пространстве в целом и в центрально-азиатском регионе в частности является Российская Федерация и отсутствие институционального взаимодействия ОДКБ, с межрегиональным институтом НАТО, вызвано «полным прекращением сотрудничества по гражданской и военной линиям» [10] между Российской Федерацией и Североатлантическим альянсом. Данное обстоятельство позволяет говорить о невозможности появления единого пространства кибербезопасности на евразийском пространстве в среднесрочной перспективе. Однако, разработка и внедрение коллективных мер обеспечения кибербезопасности в долгосрочной перспективе, может стать драйвером для интеграции.

Обратной стороной развития ИКТ стала возможность использования информационно коммуникационных технологий в целях достижения преступных целей, зачастую направленных на подрыв основ безопасности. Наиболее известными способами такого преступного использования можно считать телефонный терроризм и *Ddos*-атаки. Как в первом, так и во втором случаях зачастую используются *IP*-адреса, зарегистрированные за пределами территории государства на инфраструктуру которого оказывается воздействие. В данном контексте трансграничность киберпространства представляется негативным фактором и представляет вызов с точки зрения международно-правового регулирования и способов реагирования государства в отношении кибератак на ключевую инфраструктуру, в отношении государства с территории которого она совершается.

Частично данную проблему решают международные двусторонние договоренности, такие, как например «Договоренности о мерах укрепления доверия в сфере использования ИКТ», заключенные между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки в 2013 году [22] или двусторонние соглашения, связанные с обеспечением безопасности в сфере использования ИКТ. Однако, как быть государствам, не связанным двусторонними международно-правовыми обязательствами в данной области отношений? Ответ однозначный – преодолеть негативный аспект трансграничности киберпространства можно только став частью единого интеграционного контура мировой институциональной системы. В своем выступлении Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров подчеркнул, что «нашим безусловным приоритетом остается содействие естественным процессам формирования Большого евразийского партнерства – широкого интеграционного контура от Атлантики до Тихого океана с участием членов ЕврАзЭС, ШОС, АСЕАН и всех других государств континента, включая и страны Евросоюза» [11].

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, в контексте институционализации отношений, связанных применением ИКТ и преодолением

трансграничного аспекта киберпространства имеет ряд преимуществ, а именно, обеспечивает равноправное участие традиционно европейских, восточно-европейских и центрально-азиатских государств; является межрегиональным механизмом, что позволяет бороться с вызовами в киберпространстве в более широком формате; носит гибкий характер, что позволяет нивелировать риски политической турбулентности; имеет необходимые направления как в области традиционных угроз – военно-политическое измерение, так и в направлении новых «межизмеренческих» аспектов. Так, в 2012 году, под эгидой Комитета по безопасности ОБСЕ была создана Межизмеренческая неофициальная рабочая группа, с целью разработки комплекса мер укрепления доверия (МДБ) в области обеспечения безопасности и использования ИКТ [19]. Проект первоначальных МДБ был разработан в 2013 году [20], а в марте 2016 года были представлены МДБ [21], которые были расширены рядом положений в сравнении с первоначальным перечнем. Не смотря на не юридически обязывающий характер данных решений, они служат координационным элементом и придают нужный вектор институционализации данной области межгосударственных отношений для европейских и центрально-азиатских стран и институтов в области обеспечения кибербезопасности.

Как известно, одной из организационных форм международно-правового обеспечения международной безопасности является создание систем обеспечения коллективной безопасности для целей предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии. Примерами таких международно-правовых обязательств являются положения статей 28, 29 Устава Организации Американских Государств, статья 6(1) Североатлантического договора, статья 4 Договора о коллективной обороне Юго-восточной Азии (Манильский пакт), статья 4 Варшавского договора, статья 4 Договора о безопасности АНЗЮС, статья 4 Договора о коллективной безопасности.

Определение агрессии утверждено в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. под № A/RES/3314 [18]. В ней же представлен и перечень действий, которые должны квалифицироваться в качестве актов агрессии. Однако в данном перечне, в силу объективных причин, отсутствуют действия кибернаправленности. Это связано и с тем, что на момент принятия данной резолюции ИКТ не имел столь масштабного распространения и интеграции в повседневную жизнь большинства жителей нашей планеты. В текущих условиях, очевидна важность составляющей ИКТ, следовательно необходимо признать, что обеспечение кибербезопасности стало существенным элементом любой системы обеспечения международной безопасности, как на региональном и межрегиональном уровнях, так и в контексте универсальной системы в целом. Как результат этого, перечень актов агрессии, которые должны квалифицироваться в качестве таковых должен быть дополнен действиями киберхарактера, ведь ущерб от них может быть сопоставим с ущербом от традиционных видов оружия массового поражения, быть масштабным и критическим.

Уход в прошлое стратегической стабильности, основанной на концепции биполярного мира, создание новых видов вооружения, включая

вооружение с применением искусственного интеллекта и кибероружие, злоупотребление ИКТ в военных целях для нарушения международного мира и безопасности, все это приводит в подвижное состояние правовую основу международной безопасности. Формируется новая концепция международно-правового обеспечения стратегической стабильности, которая, очевидно, должна включать в себя аспект ИКТ поскольку «киберпространство играет отныне первостепенную роль во всех аспектах нашей жизни» [12].

В заключении, в качестве интерлюдии, хотелось бы обратить внимание еще на одну грань ИКТ – искусственный интеллект.

Советский дипломат и государственный деятель XX в. А. А. Громыко отмечал, что «с появлением на свет ядерного оружия кардинально изменилась военно-стратегическая ситуация в мире. Крупнейшие открытия прошлого не оказывали такого воздействия на всю международную жизнь, как повлияло на нее создание атомной бомбы» [2]. В настоящее время в Российской Федерации «уже идет практическая реализация того, что даже до конца научно не исследовано и не оформлено» [23], т. е. об искусственном интеллекте.

В рамках ООН в формате Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (1981), ведется дискуссия, связанная с использованием искусственного интеллекта в смертоносных автономных системах вооружения (САС) [8], а именно обсуждается вопрос сохранения человеческого контроля за искусственным интеллектом в САС.

Говоря о правовых проблемах регулирования искусственного интеллекта, М. Карлюк выделяет то, что «система, которая учится на информации, полученной из внешнего мира, может действовать таким образом, который создатели не могли предсказать ... и способна к автономному действию помимо воли создателя, собственника или владельца» [7]. На что представители российского МИД обращают внимание, что «технологии развиваются так быстро, что дипломаты могут просто не успеть предотвратить катастрофу» [25].

На современном этапе следует признать, что международно-правовое регулирование искусственного интеллекта и ИКТ созданных с использованием данных технологий отсутствует. Отдельные внутренние акты государств, такие как «Декларация о сотрудничестве в области применения искусственного интеллекта» [27] или «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [24], а также аналогичные документы ряда других стран не решают эту задачу. Более того, в случае с искусственным интеллектом, международно-правовые механизмы обеспечения безопасности, придуманные и применяемые человеком, могут стать ненужными или неприменимыми, в силу различий в природе принятия решений искусственным интеллектом и человеком. Отказ от контроля, в условиях автономного принятия решения искусственным интеллектом кардинально изменит всю модель обеспечения международной безопасности. Возможно, от выбранного способа международно-правового регулирования действий искусственного интеллекта «зависит будущее всего человечества» [6].

Список используемой литературы

1. Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса / ред. Л. И. Швецова [и др.]. М., 2006. С. 56–58.
2. Громыко А. А. Памятное. М., 1990. Кн. 1. С. 273.
3. Декларация об укреплении международной безопасности: принята Резолюцией 2734 (XXV) ГА ООН от 16 декабря 1970 г. [Электронный ресурс] // Действующее международное право. М., 1996. Т. 2. С. 202–206 // Официальный сайт ООН. URL: «http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intsecurity.shtml» (дата обращения: 12.11.2019).
4. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (A/68/98*) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: «http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/68/98&referer=/english/&Lang=R» (дата обращения: 20.11.2019).
5. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности [Электронный ресурс] / Управление ООН по вопросам разоружения. URL: «<https://www.un.org/disarmament/ru/достижения-в-сфере-информатизации-и-т/>» (дата обращения: 20.11.2019).
6. Дружинин А. Путин: лидер в сфере искусственного интеллекта станет властелином мира [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2017. 1 сент. URL: «<https://ria.ru/technology/20170901/1501566046.html>» (дата обращения: 20.11.2019).
7. Карлюк М. Этические и правовые вопросы искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // РСМД. 2018. 18 апр. URL: «<http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/etic-heskie-i-pravovye-voprosy-iskusstvennogo-intellekta/>» (дата обращения: 21.08.2018).
8. Конвенция о «негуманном» оружии (Справка МИД РФ) [Электронный ресурс] // Сайт МИД РФ. URL: «http://www.mid.ru/obycnye-vooruzenia/-/asset_publisher/MIJdOT56NKIk/content/id/1130752» (дата обращения: 16.11.2019).
9. Красиков Д.В. Современные международно-правовые проблемы квалификации кибершпионажа. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал, 2018 № 3. С. 229.
10. МИД РФ заявил о полном прекращении сотрудничества России и НАТО. Коммерсантъ от 15.04.2019. [Электронный ресурс] // URL: «<https://www.kommersant.ru/doc/3945186>» (дата обращения: 11.11.2019).
11. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике от 30 октября 2019 года. Интернет-сайт. URL: «<https://globalaffairs.ru/number/Mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnykh-otnoshenii-v-buduschem-20236>» (дата обращения: 30.11.2019).
12. Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве от 12 ноября 2018 г. [Электронный ресурс] // Дипломатия Франции. Министерство Европы и иностранных дел. Официальный сайт. URL:

«https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/appel_de_paris_en_russe_cle8a41ae.pdf»
(дата обращения: 12.11.2019).

13. Протокол заключения Совета ЕС от 14 дек. 2017 г. (EUCO 19/1/17 REV 1) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Европейского Союза. URL: <http://www.consilium.europa.eu/media/32204/14-final-conclusions-rev1-en.pdf> (дата обращения: 28.11.2019).

14. Резолюция 41-й сессии ГА ООН № 41/171 (1986 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: «<http://www.un.org/ru/ga/41/docs/41res.shtml>» (дата обращения: 30.11.2019).

15. Резолюция 43-й Сессии ГА ООН № 43/89 «Всеобъемлющий подход к укреплению международного мира и безопасности в соответствии с Уставом ООН (1988–1989 гг.)» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: «<http://www.un.org/ru/ga/43/docs/43res.shtml>» (дата обращения: 22.11.2019).

16. Резолюция ГА ООН 60/45 от 8 дек. 2005 (A/RES/60/45) «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: «<https://undocs.org/ru/A/RES/60/45>» (дата обращения: 20.11.2019).

17. Резолюция ГА ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (A/RES/73/27) от 5 дек. 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: «<https://undocs.org/ru/A/RES/73/27>» (дата обращения: 21.11.2019).

18. Резолюция № A/RES/3314(XXIX) [Электронный ресурс] // Действующее международное право. М., 1996. Т. 2. С. 199–202 // Официальный сайт ООН, Генеральная Ассамблея ООН. URL: «<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/742/34/IMG/NR074234.pdf?OpenElement>» (дата обращения: 12.11.2019).

19. Решение No PC.DEC/1039 «Разработка мер укрепления доверия с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий». ОБСЕ, Постоянный совет. От 26 апреля 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: «<https://www.osce.org/ru/pc/90634?download=true>» (дата обращения: 30.11.2019).

20. Решение No PC.DEC/1106 «Первоначальный перечень мер укрепления доверия в рамках ОБСЕ с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий». ОБСЕ, Постоянный совет. От 3 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: «<https://www.osce.org/ru/pc/109648?download=true>» (дата обращения: 30.11.2019).

21. Решение No PC.DEC/1202 «Меры укрепления доверия в рамках ОБСЕ с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий». ОБСЕ, Постоянный совет. От 10 марта 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL: «<https://www.osce.org/ru/pc/228521?download=true>» (дата обращения: 30.11.2019).

22. «Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о новой области сотрудничества в укреплении доверия» [Электронный ресурс]. // Интернет-сайт Президента Российской Федерации.

Федерации. URL: «<http://www.kremlin.ru/supplement/1479>» (дата обращения: 30.11.2019).

23. Тигров К. В Минобороны рассказали о применении искусственного интеллекта в ВС РФ [Электронный ресурс] // Телеканал «Звезда». 2018. 15 марта. URL: «<https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201803151914-bcyl.htm>» (дата обращения: 26.11.2019).

24. Указ Президента Российской Федерации о развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: «<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003>» (дата обращения: 30.11.2019).

25. Черненко Е. Автомат с «калашниковым» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2018. 16 авг. URL: «<https://www.kommersant.ru/doc/3714419>» (дата обращения: 20.11.2019).

26. Cyber defence. Evolution [Electronic resource] // NATO official website. URL: «https://www.nato.int/cps/cz/natohq/topics_78170.htm» (date of application: 30.11.2019).

27. Declaration 10.04.2018. Cooperation on Artificial Intelligence [Electronic resource] // The European Commission official website. URL: «<https://ec.europa.eu/jrc/communities/sites/jrccties/files/2018aideclarationatdigitaldaydocxpdf.pdf>» (date of application: 30.11.2019).

28. *Microsoft* призывает к государственному регулированию киберпространства. [Электронный ресурс] // Российский Совет по Международным Делах от 08 ноября 2019 года. Интернет-сайт. URL: «https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/microsoft-prizyvaet-k-gosudarstvennomu-regulirovaniyu-kiberprostranstva/?bx_sender_conversion_id=541181» (дата обращения: 30.11.2019).

29. Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects - Overview [Electronic resource] // European Council official website. URL: «<http://www.bullseyemagazine.eu/article/the-pesco-awakens/>» (date of application: 20.11.2019).

30. Signing ceremony of the Technical Arrangement on Cyber Defence between NATO (NCIRC) and the EU (CERT-EU) [Electronic resource] // NATO official website. URL: «https://www.nato.int/cps/en/natohq/photos_127779.htm?selectedLocale=en» (date of application: 30.11.2019).

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

*Старший преподаватель
кафедры юриспруденции Волжского филиала
Волгоградского государственного университета, Волжский.*
Игнатова Каринэ Эдуардовна
solverm@yandex.ru

Организация Объединенных Наций была создана в целях поддержания и укрепления международного мира, безопасности, а также развития сотрудничества между странами.

Глава первая Устава Организации Объединенных Наций раскрывает цели и принципы, которыми руководствуются члены ООН. Так статья 1 устанавливает, что Организация преследует цель развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира[1].

В октябре 2013 года, после террористических актов в Волгограде, Президент Российской Федерации В.В. Путин во время разговора с муфтиями духовных управлений мусульман России подчеркнул, что некоторые политические силы используют ислам, а точнее его радикальные течения, в целях ослабления нашего государства, для разжигания в регионах сепаратистских настроений[2]. А уже в 2015 году, выступая на 70-й сессии Генассамблеи ООН, он, обозначая ключевые вопросы, отражающие политическую картину современного мира, отметил необходимость объединения усилий для борьбы против террористической группировки «Исламское государство». Так В.В. Путин в своей речи предлагает руководствоваться не амбициями, а общими ценностями и общими интересами, на основе международного права объединить усилия для решения стоящих проблем и создать по-настоящему широкую международную антитеррористическую коалицию[3].

Стоит отметить, что в 2016 году министр иностранных дел С.В. Лавров на встрече со студентами и преподавателями МГИМО подчеркнул, что бороться с международным терроризмом можно только на международно-правовой основе без двойных стандартов при уважении центральной роли ООН[4].

К сожалению, существующие сейчас попытки исказить историю, пропагандировать страшные преступления нацистов, являются большим вызовом для всего мира и потенциальной угрозой большой трагедии. И в этой связи заслуживают внимания правильные слова Президента РФ В.В. Путина, сказанные 03 декабря 2015 года во время ежегодного Послания Федеральному Собранию: «В XX веке нежелание своевременно объединить усилия в борьбе с нацизмом было оплачено десятками миллионов жизней, самой кровавой мировой войной. Сегодня мы вновь лицом к лицу столкнулись с разрушительной, варварской идеологией и не имеем права допустить, чтобы новоявленные мракобесы добились своих целей. Нужно отбросить все споры и расхождения, создать один мощный кулак, единый

антитеррористический фронт, который будет действовать на основе международного права и под эгидой Организации Объединённых Наций. Каждое цивилизованное государство сейчас обязано внести вклад в разгром террористов, подтвердить свою солидарность – и не декларациями, а конкретными действиями» [5].

Мы можем сделать вывод, что суть указанных выше публичных выступлений сводится к консолидации роли Организации Объединённых наций в вопросах урегулирования межнациональных конфликтов и обеспечения стабильности межнациональных отношений, которые продолжают оставаться одним из наиболее острых в мировой политике. В этой связи эффективное сотрудничество государств в области противодействия глобальным вызовам, разрушающим не только тонкий и хрупкий межнациональный мир, но и несущим угрозу для всего человечества, должны базироваться на общих принципах, выработанных ООН, а также нормах международного права.

Несомненно, что главным вызовом перед ООН в обеспечении межнационального мира и согласия является международный терроризм, который несет не только прямую угрозу безопасности человека и общественной безопасности, но и влияет на межнациональные отношения, поскольку деятельность различных террористических организаций преимущественно обусловлена именно этническим фактором.

В статье 24 Устава ООН предусмотрено, что Совет Безопасности является органом, который несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, действуя в соответствии с Целями и Принципами Объединённых Наций.

17 декабря 2015 года Советом Безопасности ООН на его 7587-м заседании была принята Резолюция 2253 (2015) о решимости вести борьбу с угрозой международному миру и безопасности, создаваемой «Исламским государством Ирака и Леванта» (ИГИЛ, также известным как ДАИШ) и связанными с ним лицами и группами. В пункте 97 этой резолюции Совет Безопасности, напоминая об угрозе, которую представляют ИГИЛ и связанные с ним лица и организации, попросил Генерального секретаря на периодической основе представлять доклады стратегического характера об этой угрозе, а затем каждые четыре месяца представлять обновленные доклады, в которых были бы показаны и отражены острота этой угрозы, включая вступление иностранных боевиков-террористов в ряды ИГИЛ и связанных с ним групп и организаций, источники финансирования этих групп, планирование ими нападений и содействие таким нападениям, и в котором содержалась бы информация о масштабах усилий Организации Объединённых Наций по оказанию поддержки государствам-членам. В резолюции 2368 (2017) Совет Безопасности ООН установил периодичность предоставления докладов Генерального секретаря каждые шесть месяцев.

31 июля 2019 года был представлен Девятый доклад Генерального секретаря ООН, в котором отмечается, что после выхода предыдущего доклада государства-члены ООН и международные, региональные и субрегиональные организации продолжили совершенствовать, дорабатывать и реализовывать инструменты и меры для противодействия угрозе, исходящей от ИГИЛ, ее

филиалов и ее пособников. В частности была продолжена работа по активизации международного сотрудничества посредством ряда региональных конференций, а также усиления работы Комитета Глобального договора ООН с целью подготовки совместной программы работы на 2019–2020 годы, которая будет осуществляться реорганизованными рабочими группами, предусматривающими участие всей системы Организации Объединенных Наций, и основываться на приоритетных задачах государств-членов по различным направлениям в соответствии с концепцией Глобальной контртеррористической стратегии ООН.

В докладе также заостряется внимание на международном сотрудничестве государств-членов в судебной и правоохранительной сферах, а также в области оказания поддержки пострадавшим от действий ИГИЛ и противодействия финансированию терроризма, в частности отдельно в пункте 70 Доклада указывается на принятие 28 марта 2019 года Резолюции 2462 (2019), которая стала первой в истории резолюцией, посвященной исключительно предотвращению и пресечению финансирования терроризма.

Нельзя не отметить и упоминание в п. 81 Доклада Генерального секретаря о том, что в июне 2019 года объявлено о начале осуществления Стратегии и Плана действий ООН по противодействию разжигающей ненависть риторике, которая направлена на активизацию усилий ООН по устранению коренных причин и движущих факторов разжигающей ненависть риторики и содействие принятию эффективных мер реагирования на нее в целях преодоления воздействия на общество.

На наш взгляд, отмеченные тенденции, обуславливающие консолидацию роли ООН в урегулировании межнациональных конфликтов, направлены не только на реагирование глобальным вызовам, стоящим перед мировым сообществом, но и на пресечение локальных конфликтов, нарушающих суверенитет различных государств, что находит свое выражение в разработке и реализации мер по поддержке государств-членов в виде конкретных рекомендаций, а также в виде организации семинаров и конференций.

Рассуждая о проблемах, которые стоят перед ООН в сфере урегулирования межнациональных конфликтов, нельзя не обратить внимание на вопрос, находящийся в латентной фазе реагирования и решения. Например, О. Лебедева справедливо замечает, что результаты голосований, проходящих на общем собрании государств-участников ООН, в частности по предложениям, вносимым англоязычными государствами, находят одобрение и в большинстве случаев принимаются. Предложения или проекты, вносимые представителями других языковых групп или языковых семей, отклоняются с большей частотой. В этой связи автор высказывает справедливую мысль о том, что, непропорциональность правового участия представителей различных языковых групп в обеспечении и защите собственных интересов – это проблема, которая дает начало множеству шовинистических течений по всему миру, например, лишению тех или иных языковых групп доступа к государственным услугам на их родном языке и непосредственно на месте их исторически сложившегося компактного проживания[6].

В итоге языковая дискриминация дестабилизирует межнациональные отношения на межгосударственном уровне и увеличивает социальную напряженность. Подобные ситуации возникали после закрытия русских

классов/школ в некоторых странах бывшего СССР и особенно проявились в ограничении прав русскоязычного населения на Украине, апогеем которого стало принятие закона о государственном языке, ограничивающего использование русского языка[7].

Детальное обсуждение затронутая нами проблема получила на заседании Совета по русскому языку 05 ноября 2019 года, в ходе которого рассматривались аспекты реализации языковой политики как для России, так и для всех многонациональных стран, которая должна быть продуманной, сбалансированной и актуальной, отвечать современным тенденциям, чутко и гибко реагировать на их изменения[8].

В связи с изложенным содержание роли ООН в сфере урегулирования межнациональных отношений должно обязательно учитывать тенденции внутригосударственной политики государств-членов в регулировании языкового вопроса как фактора, способствующего гармонизации межнационального мира.

Однако, приходится констатировать, что проблема языковой дискриминации еще не нашла действенного инструментария, позволяющего ООН не только бороться с ее последствиями при помощи правовых и дипломатических методов, но и выработать превентивные меры, направленные на ее пресечение. Без соответствующей деятельности роль ООН в урегулировании конфликтов не может быть эффективной и комплексной.

Список используемой литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, Вып. XII, - М., 1956, с. 14 - 47
2. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19475>
3. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>
4. http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2417731
5. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864>
6. Лебедева О. Организация Объединенных Наций в процессах дипломатического урегулирования межнациональных конфликтов. Журнал «Международная жизнь». № 2. 2018 // <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1979>
7. https://www.1tv.ru/news/2019-07-16/368696-na_ukraine_vstupil_v_silu_zakon_o_gosudarstvennom_yazyke
8. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986>

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФИНАНСИРОВАНИЯ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ПОД ЭГИДОЙ ООН

*Атташе Посольства Российской Федерации
в Республике Молдова, Кишинев.*

Ромадан Лилия Игоревна
liliyaromadan@gmail.com

Аннотация. Финансирование операций по поддержанию мира под эгидой ООН играет ключевую роль в организации миротворческой деятельности. В целом наиболее затратные ОПМ развернуты в Африке, «съедая» больше половины всего миротворческого бюджета ООН. Среди наиболее дорогостоящих операций следует отметить Миссию ООН по стабилизации в ДРК. Наименее финансово затратная - Миссия ООН по проведению референдума в Западной Сахаре. Одним из путей повышения эффективности механизмов финансирования ООН является развитие системы резервных соглашений, которая предполагает выделение людских и технических ресурсов для оперативного развертывания операций по поддержанию мира (с санкции Совета Безопасности ООН).

Ключевые слова: ООН, миротворчество, операции по поддержанию мира, финансирование ОПМ, Африка, международная безопасность.

Одной из центральных проблем формирования операций по поддержанию мира на современном этапе является вопрос финансирования миротворческой деятельности под эгидой ООН. Несмотря на то, что, согласно статье 17 Устава ООН [9], каждое государство - член ООН обязано вносить определенный денежный взнос, в том числе и на миротворческие цели, до сих пор сохраняется ряд нерешенных вопросов, связанных со своевременностью взносов и оптимизацией расходования полученных средств.

В целом процесс реформирования инструментария ООН в области финансирования миротворческой деятельности развивался поступательно. Среди предложений относительно способов финансирования миротворческих операций ООН стоит выделить рекомендации, сформулированные Генеральным секретарем ООН Б. Бутрос-Гали в 1992 г. в докладе «Повестка дня для мира», среди которых предложение о взимании процентов со стран - членов ООН, вовремя не выделивших взносов в бюджет; создание специального фонда для добровольных взносов, средства которого формировались как за счет долевого, так и за счет добровольных взносов; учреждение гуманитарного оборотного фонда в размере 50 млн долл. США для аккумуляции средств на случай возникновения гуманитарной катастрофы. Помимо этого, Генеральный секретарь Б. Бутрос-Гали озвучил в докладе идею предоставления Генеральному секретарю ООН специальных полномочий на осуществление необходимых закупок на коммерческой основе в случае недостатка финансовых средств [1]. Данные предложения оказали положительный эффект на генезис аппарата по финансированию миротворческой деятельности ООН.

Так, часть вышеупомянутых инициатив были расценены как достаточно рациональные и нашли свое отражение в формировании современного механизма финансирования операций по поддержанию мира под эгидой ООН. На сегодняшний день имеется отлаженная схема финансирования миротворческих операций по поддержанию мира. После принятия Советом Безопасности ООН решения о развертывании операции ООН формирует отдельный фонд и счет для данной миссии. Среди основных способов финансирования операций по поддержанию мира стоит выделить: обязательные взносы стран-участниц в соответствии со шкалой взносов; отчисления из регулярного бюджета ООН и добровольные пожертвования. Наименьшую долю в бюджете составляют добровольные поступления - взносы от стран - членов ООН. Так, в 2013-2015 гг. они составили менее 6,5 млн долл. США, соответственно, 0,08% от суммарных расходов ООН на поддержание мира [11, с. 6]. В данном контексте целесообразным представляется проведение более активной кампании по привлечению средств от добровольных доноров на благо развития миротворческих операций.

Генеральный секретарь формирует предложения относительно финансирования операции и представляет их в Консультативный комитет по административным и бюджетным вопросам. После всестороннего анализа и доработки Комитет представляет рекомендации Пятому комитету Генеральной Ассамблеи ООН для окончательного утверждения.

Ежегодно Консультативный комитет по административным и бюджетным вопросам проводит сессию, посвященную всестороннему изучению использования средств, направленных на операции по поддержанию мира под эгидой ООН, на основе материалов, предоставленных руководителями операций по поддержанию мира. Годовой бюджет операций утверждается на период с 1 июля текущего года по 30 июня последующего.

Денежные взносы согласовываются государствами-членами через механизм Генеральной Ассамблеи и формируются, учитывая экономическое положение конкретных стран. При этом каждые 3 года ООН проводит тщательный анализ ставок по взносам в бюджет операций по поддержанию мира государствами-членами, учитывая уровень экономического развития. Вместе с тем большинство государств-членов ООН с момента проведения первых операций не проявили должную инициативу по вопросу финансового обеспечения.

Как отмечает исследователь А. В. Загорский, отказ в финансировании Первых чрезвычайных вооруженных сил ООН и Операции в Конго в 1956 г. и 1960 г. со стороны постоянных членов Совета Безопасности ООН (СССР и Франции) «поставил организацию на грань финансового кризиса» [3, с.54].

ООН приступила к поиску возможных путей выхода из затруднительного положения. В 1970-е гг. во время функционирования вторых Чрезвычайных вооруженных сил ООН на Ближнем Востоке впервые было принято решение сформировать адаптированную шкалу взносов в бюджет ООН с учетом экономического положения государств-членов, выделив следующие группы стран: постоянные члены Совета Безопасности ООН, экономически развитые страны, не являющиеся постоянными членами Совета Безопасности ООН, и две другие

группы стран с менее развитой экономикой [7]. Предполагалось, что наибольшую долю расходов будут покрывать постоянные члены Совета Безопасности ООН. Позже, в начале XXI в., данный механизм был подтвержден на уровне Генеральной Ассамблеи ООН [8]. Основы данной модели нашли свое отражение в системе финансирования, функционирующей по сегодняшний день.

Исходя из данных (Приложение), можно сделать вывод о том, что некоторые постоянные члены Совета Безопасности ООН: США и Китай (входящие в категорию А) платят наибольшие взносы в бюджет операций по поддержанию мира. При этом в течение 3 лет ставка по взносам группы А меняется по системе надбавок, тогда как у стран группы В (прочие государства с развитыми экономиками, не являющиеся постоянными членами Совета Безопасности ООН) данный показатель остается постоянным. Например, в 2013 г. ставка Китая по взносам в бюджет операций по поддержанию мира - 6,641%, в 2016 г. данный показатель увеличился в 1,5 раза и достиг 10,29%. Вместе с этим наибольшая доля финансовых обязательств лежит на США. На протяжении исследуемого периода данный показатель оставался неизменным, составляя порядка 28% от общего бюджета (2,18 млрд долл. США.).

По сравнению с данными значениями, Российская Федерация вносит довольно скромный вклад в дело поддержания мира, хотя и постепенно увеличивает финансовые взносы. По сравнению с 2013 г. процентная ставка Российской Федерации увеличилась на 0,865% и составила 4,01% в 2016 г. В этой связи хотелось бы отметить, что во времена «холодной войны» ставка Советского Союза составляла 12% от общего объема бюджета ООН. На сегодняшний день доля Российской Федерации лишь 3,996%, что в 3 раза меньше прежних показателей. Вместе с тем, несмотря на относительно небольшой взнос, исследователи отмечают: «в отличие от ряда более крупных доноров Россия, как правило, выплачивает положенные средства в полном объеме и вовремя, что способствует ее внешнеполитическому имиджу обязательного партнера» [6, с.46]. Вместе с тем А. А. Громыко указывает на то, что «взносы Китая и России в бюджет ООН несоизмеримы с тем влиянием, на которые они в этой организации претендуют» [2, с.42].

Анализируя процесс финансирования миротворческих операций с точки зрения теоретических подходов к межгосударственному сотрудничеству стоит отметить, что страны ООН, вкладывающие миллионы долларов в миротворчество, на первый взгляд пытаются противостоять дестабилизации системы международных отношений, участвуя в урегулировании локальных кризисов, что в некоторой степени коррелирует с положениями либеральной парадигмы. В то же время сотрудничество может быть рассмотрено как способ достижения множества других целей. Государства ООН путем вливания финансовых ресурсов имеют возможность увеличить свой вес в универсальной организации, что соответствует скорее логике реализма. С другой стороны, как отмечает исследователь М. Финнемор, международные институты способны «подсказывать» государствам-участникам выбор «приемлемой» внешнеполитической линии в условиях современных реалий. Например, выделение финансовых ресурсов на борьбу с нищетой в Африке не способствует реализации национальных интересов стран. Однако государства предпринимают соответствующие шаги, обеспечивающие их защищенность от «порицаний» и

позволяющие сохранить позитивный имидж в глазах международного сообщества [12, с.129].

Финансирование операций по поддержанию мира ООН в целом сокращается (бюджет на 2018-2019 гг. составляет 6,69 млрд долл. США, на 2019-2020 гг. - 6,5 млрд долл. США). До сих пор возникают вопросы относительно размеров взносов стран-доноров, оценки реально израсходованных средств на ту или иную операцию, а также поиски дополнительных путей и источников финансирования.

После завершения «холодной войны» основными статьями расходов ООН на миротворческие цели являлись: содержание миротворческих контингентов и гуманитарная помощь. И. М. Крупнянко отмечает: «Расходы по всем этим основным направлениям увеличились (с учетом инфляции) за 1990-е годы более чем в 10 раз и составили в суммарном выражении около 20 млрд долл.» [4, с. 181]. Это объясняется, прежде всего, тем, что после распада биполярной системы на карте появилось множество конфликтов и, как следствие, увеличилось количество миротворческих операций под эгидой ООН. Позже в связи с развитием миростроительной деятельности стали выделяться средства на восстановление инфраструктурных объектов и т. д.

При этом затраты на некоторые операции так и не нашли отражения в конечном варианте бюджета ООН в связи с тем, что вопросы финансирования взяли на себя страны, направляющие миротворческие контингенты, исходя из национальных интересов и внешнеполитического курса. Одними из ярких примеров являются операции «Возрождение надежды» и «Продолжение надежды» в Сомали в 1992-1995 гг. Вашингтон затратил порядка 1 млрд долл. США на проведение данных операций, которые так и не достигли своих целей [10, с. 101-102].

И. М. Крупнянко отмечает: «в среднем на 1 доллар, затраченный на проведение миротворческих миссий ООН, в мире расходуется 349 долл, на военные нужды» [4, с. 183]. Такая статистика свидетельствует в пользу тезиса о том, что в случае, когда конфликт не затрагивает национальные интересы развитых государств напрямую, акторы не стремятся вносить свой вклад в деятельность по укреплению и поддержанию мира. Доказательством данной гипотезы является статистика, приведенная на официальном сайте операций по поддержанию мира ООН: бюджет операций по поддержанию мира на 2016-2017 гг. составлял менее 0,5% от военных расходов во всем мире (1 747 млрд долл. США в 2013 г.) [5].

Наиболее дорогостоящие операции развернуты в Африке. Основная статья расходов бюджета операций по поддержанию мира ООН связана, как правило, с материально-техническим обеспечением и выплатой заработной платы персоналу. В этой связи можно констатировать, что в целом финансирование ОПМ в Африке демонстрирует тенденцию к сокращению по причине вывода миротворческих контингентов из Кот-д'Ивуара в 2017 г. и Либерии в 2018 г.

Решением проблем, связанных с недостатком финансирования может послужить развитие системы резервных соглашений, которая предполагает выделение людских и технических ресурсов из резервов стран - членов ООН для оперативного развертывания операций по поддержанию мира. В созданной базе

данных имеется перечень воинских контингентов, оборудования, которые могут быть задействованы в операциях. Это способствовало бы более четкому и оперативному формированию, и развертыванию контингентов в зоне конфликта.

Резервные соглашения между ООН и странами-членами могут быть заключены в виде меморандумов о взаимопонимании, где прописаны предоставляемые услуги, условия найма и т. д.

5 апреля 2002 г. в Нью-Йорке Российская Федерация подписала меморандум о вкладе в систему резервных соглашений ООН, согласно которому российская сторона по запросу ООН в трехмесячный срок должна предоставить четыре боевых вертолета Ми-24, четыре транспортно-боевых вертолета Ми-8МТ (МТВ), одну инженерно-саперную роту, один полевой госпиталь третьего уровня (по стандартам ООН). Это является практическим вкладом России в стремление государств - членов ООН повысить эффективность реагирования на кризисные ситуации в мире. Данное решение видится оптимальным для Российской Федерации - постоянного члена Совета Безопасности ООН, влиятельного центра современного мира.

В большинстве случаев эффективность миротворческих усилий ООН напрямую зависит от качественного и количественного ресурсного обеспечения. Представляется необходимым увеличить ресурсное снабжение миссий в рамках осуществления реформ по улучшению миротворческого потенциала ООН.

Не всегда удается выделить четкие параметры финансовой эффективности операций по поддержанию мира и оценить порог, преодолев который те или иные операции можно рассматривать в качестве нерентабельных. С финансовой точки зрения некоторые операции под эгидой ООН после распада биполярной системы можно рассматривать как малоэффективные и нерезультативные. Ярким примером является миротворческая операция ООН в Сомали. В декабре 1992 г. в рамках операции «Возрождение надежды» для защиты сотрудников организаций, оказывающих гуманитарную помощь, в страну были введены миротворческие силы ООН. Вскоре миротворцы ООН начали подвергаться нападениям боевиков. 3 октября 1993 г. подразделение американского спецназа попало в засаду: в американском обществе данный инцидент был воспринят крайне остро, что стало причиной принятого президентом США У. Клинтонем решения о выводе американского контингента из Сомали.

В марте 1995 г. миротворцы из других стран также покинули это государство. Несмотря на наличие бюджета, составляющего более 1 млрд долл. США, силам ООН не удалось урегулировать кризис в силу недостаточно проработанной стратегии и отсутствия глубокого понимания специфики зарождения и протекания конфликта в данном регионе. Гражданская война в Сомали с уходом миротворцев ООН лишь усилилась в своей разрушительной динамике. В связи с наличием высоких рисков для жизни и здоровья персонала руководство ООН отказалось от планов по развертыванию очередной миссии в данном государстве. На сегодняшний день конфликт в Сомали не разрешен. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что часть выделяемых финансовых средств должна направляться на аналитическое обеспечение конфликта, определение его истоков и наиболее актуальных методов его урегулирования.

Таким образом, несмотря на ряд неудач, государствам - членам ООН не стоит ограничивать расходы на миротворческие нужды. Разрастание конфликтов, в

том числе и на Африканском континенте, может вызвать угрозу безопасности других участников мировых политических процессов. В зонах неурегулированных кризисов создается благодатная почва для деятельности террористических организаций, целью которых могут стать как развивающиеся государства, так и страны с высокоразвитой экономикой. Помимо этого, существует риск возникновения неконтролируемых миграционных потоков из стран, пострадавших от военных действий. Для того чтобы избежать подобных рецидивов государствам - членам ООН необходимо взвешенно подходить к вопросу финансирования миротворческих операций, положительным результатом которых станет не только улучшение имиджа государств, но и укрепление системы международных отношений XXI в.

Приложение 1. Фактические ставки взносов на операции по поддержанию мира

<i>Страна</i>	<i>Год</i>					
	<i>2013</i>	<i>2014</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>
Соединенные Штаты Америки	28,38	28,36	28,36	28,57	28,46	28,43
Китай	6,641	6,636	6,636	10,29	10,25	10,23
Япония	4,45	4,45	4,45	9,68	9,68	9,68
Германия	7,14	7,14	7,14	6,39	6,38	6,38
Франция	7,21	7,21	7,21	6,31	6,29	6,28
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	6,681	6,676	6,676	5,80	5,78	5,77
Российская Федерация	3,145	3,143	3,143	4,01	3,996	3,991
Италия	4,45	4,45	4,45	3,75	3,75	3,75
Канада	2,98	2,98	2,98	2,92	2,92	2,92
Испания	2,97	2,97	2,97	2,44	2,44	2,44

Список используемой литературы

1. Бутрос-Гали Б. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. 1992 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. - URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/47/277&Lang=R (дата обращения: 20.11.2019).

2. Громыко, А. А. Вызовы XXI века и Организация Объединенных Наций / А. А. Громыко. - М. : ЛЕН АНД, 2012. - 80 с.

3. Загорский, А. В. Миротворчество и международное управление региональной безопасностью / А. В. Загорский. - М. : ИМЭМО РАН, 2015. - 118 с.

4. Крупнянко, И. М. Эволюция миротворческой деятельности ООН в новой системе международных отношений: опыт операций по поддержанию мира в Камбодже и на Восточном Тиморе : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 - История международных отношений и внешней политики / Крупнянко Иван Михайлович. - М., 2008. - 223 с.

5. Операции ООН по поддержанию мира [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. - URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/operations/financing> (дата обращения: 20.11.2019).

6. Проблемы эффективности и реформы системы международных многосторонних институтов / И. В. Андропова, Н. В. Данильцев, В. И. Зуев, М. В. Ларионова, С. А. Медведев, Т. А. Мешкова, Ю. М. Почта, В. М. Шумилов. - М. : изд-во ТЕЙС, 2007. - 269 с.

7. Резолюция 3101 (XXVIII). Финансирование Чрезвычайных вооруженных сил ООН. 11 декабря 1973 года. Генеральная Ассамблея. 28-ая сессия. Резолюции, принятые по докладам Пятого комитета. С. 159-160 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. - URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NRO/284/75/IMG/NR028475.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.11.2019).

8. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей по докладу Пятого комитета (A/55/712). Документ A/RES/55/235. 30 января 2000 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. - URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/573/27/PDF/N0057327.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.11.2019).

9. Устав ООН [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. - URL: <https://www.un.org/ru charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 20.11.2019).

10. Brown, M. The Costs of Conflict: Prevention and Cure in the Global Arena / M. Brown, R. Rosecrance (eds.). - New York : Carnegie Corporation of New York, 1999. - 252 p.

11. Coleman, K. P. The Political Economy of UN Peacekeeping: Incentivizing Effective Participation / K. P. Coleman // Providing for Peacekeeping series. № 7. - New York : IPI, 2014. - 44 p.

12. Finnemore, M. National Interests in International Society / M. Finnemore. - New York : Cornell University Press, 1996. - 176 p.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

УДК 341.645.5.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КОМПЕТЕНЦИИ СУДА ЕАЭС ПО РАЗРЕШЕНИЮ СПОРОВ

*Судья Суда Евразийского экономического Союза, Минск
Колос Денис Георгиевич
kolos@courteurasian.org*

Ведущая роль в обеспечении единообразного применения и защиты интеграционного правопорядка, формирования уважительного отношения к нему отводятся судебному органу интеграционного объединения.

Включение такого органа в институциональную систему организации априори предполагает направленность деятельности суда на укрепление интеграционных процессов в рамках соответствующего регионального объединения. При этом интеграционный суд не обладает абсолютной свободой и может оказывать влияние на развитие региональной интеграции действуя исключительно в рамках тех полномочий, которые предоставлены ему государствами – членами интеграционного объединения. Как отмечают исследователи, «суды могут побуждать, поддерживать, выражать и усиливать политическую волю, но не подменять ее» [19, p.115].

Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд) наделен компетенцией по разрешению споров и предоставлению консультативных заключений. Кроме того, пунктом 40 Статута Суда предусмотрена возможность расширения компетенции Суда государствами – членами Союза путем прямого указания об этом в заключаемых международных договорах.

Расширение полномочий Суда посредством заключения новых межгосударственных договоров – дело будущего. К вопросам осуществления Судом ЕАЭС консультативной компетенции автор неоднократно обращался [10, 11]. В рамках настоящей статьи освещается проблематика осуществления прямой компетенции Суда по разрешению споров, основное внимание акцентируется на имеющихся в этой сфере проблемах, при этом указывается и на достигнутые результаты.

Начну с проблем, связанных с ограничением права на обращение в Суд. В статье 39 Статута Суда ЕАЭС прямо указаны три категории актов права Союза, споры по вопросам реализации которых вправе рассматривать Суд – Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках Союза и решения органов Союза.

Правом обращения в Суд за разрешением споров наделены государства-члены и хозяйствующие субъекты (под которыми в Статуте Суда ЕАЭС понимаются юридические лица и индивидуальные предприниматели).

Первая проблема заключается в том, что Евразийская экономическая комиссия (далее - ЕЭК, Комиссия) не обладает *locus standi* на обращение в Суд по делам о несоблюдении права Союза государствами-членами. Являясь органом,

уполномоченным осуществлять мониторинг и контроль за исполнением государствами-членами права Союза, Комиссия вправе осуществлять лишь административную процедуру их простого уведомления о необходимости исполнения предписаний права ЕАЭС.

Следует признать, что наделение Комиссии полномочиями инициировать судебное разбирательство в Суде ЕАЭС представляло бы более действенный механизм и уже само по себе стимулировало государства-члены к соблюдению права Союза. По справедливому замечанию профессора С. Ю. Кашкина "одно лишь наличие у исполнительного органа интеграционной организации такого права [обращения в Суд] стимулирует государства-члены к устранению выявленных нарушений" [9, с. 67].

Здесь полагаю уместным провести аналогию с европейским правом, которое наделяет Европейскую Комиссию полномочиями по обращению в Суд Европейского Союза. В ЕС споры между государствами-членами о нарушении учредительных договоров крайне редки: Судом ЕС за все время рассмотрено всего пять таких дел. Абсолютное большинство исков данной категории (более двух тысяч) подаёт именно Европейская Комиссия как «хранительница Договоров», что обусловлено, в том числе, требованием о соблюдении процедуры, предусмотренной частью 2 ст. 259 Договора о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС). В силу указанной нормы до подачи заявления в Суд ЕС государство обращается в Европейскую Комиссию, которая рассматривает ситуацию и, в случае обоснованности обращения, предоставляет государству возможность устранить нарушение до предъявления иска. Благодаря этому механизму даже в случае, когда конфликт не исчерпывается, он трансформируется из межгосударственного спора в спор между государством-членом и Европейской Комиссией, что, на мой взгляд, гораздо лучше для целей интеграции. Во-первых, не создается дополнительная напряженность в отношениях между государствами, во-вторых, Европейская Комиссия превращается в сильную сторону и повышает свой авторитет как органа интеграционной организации с наднациональными полномочиями. При этом статистика показывает, что требования Европейской Комиссии удовлетворялись Судом ЕС в подавляющем большинстве случаев.

Отсутствие аналогичного механизма в праве ЕАЭС компенсируется на практике активным использованием Комиссией права на обращение в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении права Союза в контексте конкретных правоотношений с участием государств-членов. Например, обстоятельства, послужившие основанием для обращения с заявлением о разъяснении норм технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» [12], а также с заявлением о разъяснении положений Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин [4] могли послужить основанием для обращения с заявлением о несоблюдении обязательств тем или иным государством-членом Союза.

Представляется, что такой субститут вряд ли можно признать полноценным с учетом рекомендательного характера принимаемых в этих случаях Судом ЕАЭС консультативных заключений и отсутствия в данной процедуре устной стадии судебного разбирательства, присущей состязательному процессу. С другой стороны, нельзя не отметить и бесспорный плюс, выражающийся в отсутствии прямого судебного противостояния сторон.

Вторая проблема - отсутствие возможности обращение в Суд ЕАЭС у физических лиц, чьи права могут быть затронуты решениями наднационального органа. В настоящее время мы наблюдаем диспаритет между их правами и обязанностями, устанавливаемыми Договором о Союзе. Так, например, Договор устанавливает правовое регулирование для любых физических лиц в рамках таможенных, инвестиционных отношений, конкуренции на трансграничных рынках, однако эти лица не имеют права прямого обращения в Суд по спорам с наднациональным регулятором.

Не исключаю, что если государства-члены не наделят их таким правом либо Суд ЕАЭС не «изобретет» приемлемый механизм осуществления их судебной защиты (который, в отсутствие изменений в Статут Суда, будет на грани, а может быть и за гранью разумного судейского активизма), указанные физические лица получат такую защиту на основании Европейской конвенция о защите прав человека и основных свобод путем подачи жалоб в отношении ее участников (Российская Федерация, Республика Армения) в Европейский суд по правам человека.

При этом судебная перспектива выглядит благоприятной для заявителей ввиду самого факта отсутствия у них права на доступ к правосудию, вне зависимости от соответствия либо несоответствия решения Комиссии, которое они собирались обжаловать, праву Союза или ЕКПЧ.

Точно также обстоит дело и с отсутствием у физических лиц – международных служащих органов Союза права на обращение в Суд ЕАЭС за разрешением трудовых споров, а наличие у органов Союза иммунитета ставит под сомнение возможность исполнения решения национального суда по данному вопросу даже в случае его принятия. Имеющееся у сотрудников и должностных лиц право обратиться в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении норм права Союза в части трудовых правоотношений не может в полной мере восполнить указанный недостаток ввиду рекомендательного характера консультативного заключения и отсутствия у Суда возможности указания в нем полного спектра действий, необходимых для восстановления прав заявителей в случае констатации факта их нарушения.

Теперь о том, чего удалось достичь в рамках реализации компетенции по разрешению споров.

Решение по первому (и пока единственному) межгосударственному спору о соблюдении права Союза было вынесено Судом ЕАЭС 21 февраля 2017 года. [8] Дело было инициировано Российской Федерацией и касалось исполнения Республикой Беларусь вытекающих из права Союза обязательств в области таможенного сотрудничества. О степени его сложности для молодого Суда ЕАЭС, которому на момент вынесения решения едва исполнилось 2 года, остроте дискуссии в совещательной комнате свидетельствуют количество и содержательность особых мнений, заявленных пятью из 10 судей Большой коллегии.

Вместе с тем, Суд, как мне кажется, справился с поставленной перед ним задачей, подобно дипломату, попытавшись снизить остроту самого спора, переведя его больше в русло толкования права Союза, и сделать решение максимально корректным с точки зрения его последующего восприятия обеими

сторонами. Так, описательно-мотивировочная часть решения была выдержана в форме, скорее присущей консультативному заключению, без указания ненужных для вывода Суда деталей и подробностей, а формулировка резолютивной части, при сохранении общего смысла и четком ответе на поставленный вопрос, инвертирована из негативного смыслового содержания в позитивное, но с соответствующими оговорками – «установить факт исполнения не в полном объеме».

Суд подтвердил действие одного из важнейших принципов интеграционного права – свободы движения товаров, – и постановил, что решения таможенных органов государств-членов, в том числе в части указания о стране происхождения товаров, взаимно признаются и имеют презумпцию их соответствия таможенному законодательству Таможенного союза и равную для всех органов государств-членов юридическую силу. При этом таможенным органам целесообразно воздерживаться от одностороннего порядка решения вопроса о достоверности, допустимости, достаточности документов, выданных компетентными органами государства отправления.

Все это помогло данному решению Суда получить в целом позитивную оценку доктрины и, если не позитивную, то как минимум нейтральную – в государствах-членах. По крайней мере с жесткой критикой либо серьезным негативным отношением к этому решению встречаться не приходилось.

В данном контексте следует отметить урезанную по сравнению с Судом ЕС компетенцию Суда ЕАЭС по рассмотрению межгосударственных споров. Суд ЕАЭС лишь констатирует факт соблюдения или несоблюдения государством правовой нормы, и, в отличие от Суда ЕС, не наделен полномочиями наложить санкции за ее несоблюдение или предписать устранение нарушения. Не называю это проблемой, поскольку на этапе становления такой подход следует расценить скорее в качестве плюса. Тем не менее, в дальнейшем, по мере повышения роли Суда ЕАЭС и авторитета его решений, безусловно, встанет вопрос о восполнении компетенции в этом направлении.

В рамках осуществления Судом компетенции по разрешению споров по заявлениям хозяйствующих субъектов остановлюсь на двух делах, решения по которым были вынесены в их пользу.

Первое – это решение Коллегии Суда от 11 октября 2018 г. по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» о признании не соответствующим Договору о ЕАЭС бездействия Комиссии, вызвавшегося в неисполнении ею обязанности по проведению мониторинга и контроля соблюдения Российской Федерацией права заявителя на освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин в отношении плавучих судов, предоставленного Решением КТС. [5]

Суд постановил, что мониторинг представляет собой определенную последовательность действий по контролю не только законодательства, но и правоприменительной практики государств-членов, а также направление государствам-членам уведомлений о необходимости исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии. Итогом проведенного мониторинга является устранение коллизий в актах права Союза, в законодательстве и правоприменительной практике государств-членов.

Суд констатировал, что Комиссия провела работу, являющуюся только одним из этапов мониторинга, ограничилась лишь анализом норм национального

законодательства Российской Федерации и уклонилась от необходимости изучения соответствующей правоприменительной практики государств-членов. Способ осуществления ЕЭК мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза, решений Комиссии Суд признал неполным и поверхностным, постановив решение о том, что бездействие Комиссии не в полной мере соответствует Договору о ЕАЭС. [2, с. 105].

Следует обратить внимание на вновь максимально дипломатичную инверсию «не соответствует» на «соответствует», но с оговоркой «не в полной мере», как и в приведенном выше межгосударственном споре. Не исключаю, что в том числе и по этой причине решение Коллегии Суда не было обжаловано Комиссией в Апелляционную палату Суда ЕАЭС.

Кроме того, Суд ЕАЭС *inter alia* отметил отсутствие специального правового регулирования в ЕЭК механизма общего мониторинга (за исключением механизма мониторинга нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов государств-членов, предусматривающих предоставление субсидий) [1, с. 14]. Ожидаемо, данный вывод был услышан Комиссией и послужил основанием для инициирования принятия соответствующего локального нормативного правового акта по данному вопросу, отвечающего требованию правовой определенности, который в настоящий момент находится на стадии разработки.

Таким образом, правоприменительная практика Суда ЕАЭС в данном деле демонстрирует и косвенное влияние на нормотворчество Союза, которое де-факто было признано Комиссией.

Вторым решением Суда, вынесенным в пользу хозяйствующего субъекта, является решение Коллегии Суда от 18 июля 2019 года по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» об оспаривании решения ЕЭК о таможенной классификации судового дизельного двигателя. Коллегия признала оспариваемое решение ЕЭК не соответствующим Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. [6] Апелляционная палата Суда отказала в удовлетворении апелляционной жалобы Комиссии и оставила решение Коллегии Суда ЕАЭС без изменения. [7]

Факты вынесения Судом решений в интересах хозяйствующих субъектов уже сами по себе будут способствовать повышению популярности Суда у частных лиц, а следовательно и увеличит число их обращений в Суд, что, в свою очередь, предоставит Суду возможность высказываться по более широкому спектру вопросов евразийской интеграции.

И еще один вопрос, который хотелось бы осветить – это проблема конкуренции юрисдикций, вызванная фрагментацией международного права и пролиферацией международных судебных учреждений.

В этом контексте примечателен опыт Суда ЕС, последовательно отстаивающего автономность правовой системы ЕС и свое исключительное право в обеспечении ее единообразного применения.

Суд ЕС твердо придерживается позиции о неукоснительном исполнении государствами-членами требования статьи 344 ДФЕС (ранее – статья 292 Римского договора об учреждении Европейского Сообщества, далее – Римский договор), которая предписывает государствам-членам ЕС разрешать все споры из учредительных договоров в рамках механизмов, закрепленных в ДФЕС.

Так, при разрешении дела *MOX-plant* Суд ЕС постановил, что, возбудив дело об урегулировании спора против Великобритании на основании Конвенции ООН по морскому праву (которая была ратифицирована ЕС и стала частью его правового порядка), Ирландия нарушила свои обязательства, вытекающие из статьи 292 Римского договора, в совокупности с требованием о лояльном сотрудничестве, а также вывел свою исключительную компетенцию по разрешению споров между государствами-членами, которые связаны с применением права ЕС. [14]

В деле *Achmea* Суд ЕС в дополнение к статье 344 ДФЕС сослался на статью 267 ДФЕС, регламентирующую преюдициальную компетенцию, и попытался полностью исключить возможность толкования и применения права ЕС органами по разрешению споров, не входящими в судебную систему ЕС, признав противоречащим праву ЕС включенное в двусторонний договор о защите инвестиций между Нидерландами и Словакией условие о передаче инвестиционных споров на рассмотрение в международный арбитражный суд, который может столкнуться с необходимостью применения права ЕС, однако не имеет возможности обратиться в Суд ЕС с преюдициальным запросом. [15]

Прекрасно понимая, что он не обладает возможностью запретить государствам – членам ЕС обращаться в другие судебные органы, Суд ЕС пытается сделать такое обращение лишенным практического смысла, в том числе посредством угрозы невозможности исполнения этого решения в правовом порядке ЕС.

К сожалению, Договор о ЕАЭС не содержит нормы, аналогичной статье 344 ДФЕС, в связи с чем государства-члены совершенно свободно могут разрешать возникший между ними спор, например, в ОРС ВТО. Что касается инвестиционных споров, то в пункте 85 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение 16 к Договору о ЕАЭС) содержится прямое указание на возможность их разрешения в иных юрисдикциях - по выбору инвестора, в том числе в международном коммерческом арбитраже, арбитраже «ad hoc» или в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС). При этом, даже если Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (г. Вашингтон, 18.03.1965, далее – Вашингтонская конвенция) не вступила в силу для одного или обоих государств-членов сторон спора, обратиться в МЦУИС можно в соответствии с Дополнительными правилами процедуры (Additional Facility Rules).

На практике уже имела место ситуация, когда разногласия между двумя государствами-членами ЕАЭС по вопросам, урегулированным и правом ЕАЭС, и правом ВТО, едва не стали предметом разбирательства ОРС ВТО. Речь идет о событиях октября 2017 года на кыргызско-казахстанской государственной границе, когда Правительство Кыргызской Республики официально направляло обращение в секретариат ВТО о нарушении, по их мнению, второй стороной норм Генерального соглашения по тарифам и торговле и Соглашения об учреждении

ВТО. Впоследствии государства урегулировали возникшие торгово-экономические вопросы путем проведения двусторонних консультаций, однако сам случай такого обращения является показательным.

Следует отметить, что ОРС ВТО уже неоднократно рассматривал споры, связанные с правом ЕАЭС. Они касались установления ЕЭК Таможенного тарифа на отдельные виды сельскохозяйственных и промышленных товаров (спор ЕС – Российская Федерация) [22], введения ЕЭК антидемпинговой пошлины на легкие коммерческие автомобили (спор ЕС – Российская Федерация) [20], осуществления ЕЭК технического регулирования в отношении импортируемого железнодорожного оборудования (спор Украина – Российская Федерация) [21], введения антидемпинговой пошлины в отношении стальных труб (споры Украина – Республика Казахстан [17], Украина – Кыргызская Республика [18] и Украина – Республика Армения [13]).

Во всех названных спорах заявителями был поставлен вопрос о признании мер, принятых в рамках ЕАЭС, не соответствующими праву ВТО. Как следствие, нормы права ЕАЭС выступали при рассмотрении споров не как нормы применимого права, а как меры, принятые одним из государств-членов Союза. [3, с. 14] Позиция ОРС ВТО по данному вопросу заключается в том, что любая мера, принимаемая ЕЭК как органом интеграционной организации, членом которой является соответствующее государство, рассматривается в качестве меры, принятой соответствующим государством-членом этой организации.

Что касается инвестиционных споров, показательным является принятый к производству и находящийся на рассмотрении в МЦУИС спор, сторонами которого выступают частная компания «Гранд Экспресс», учрежденная по праву Российской Федерации, и Республика Беларусь. [16] При этом Российская Федерация не является участником Вашингтонской конвенции, а право на обращение в МЦУИС по Дополнительным правилам процедуры хозяйствующему субъекту РФ было предоставлено на основании прямого указания об этом в Приложении 16 к Договору о ЕАЭС. Завтра может возникнуть обратная ситуация, когда Российская Федерация, которая, в отличие от Республики Беларусь, ясно и недвусмысленно отказалась от участия в Вашингтонской конвенции, тем не менее станет уже ответчиком в МЦУИС на основании оговорки о такой возможности в Договоре о ЕАЭС и Дополнительных правил процедуры. При этом МЦУИС при рассмотрении споров будет толковать и применять в том числе и право Союза, что может привести к искажению его интерпретации в понимании государств-членов и Суда ЕАЭС.

Очевидно, что, учитывая пока еще недостаточно высокий уровень интеграции и существование большого количества исключений из принципа единого рынка, вопрос обеспечения автономности права ЕАЭС и исключительности компетенции Суда ЕАЭС по его толкованию и применению – проблема не сегодняшнего дня. Однако подходы Суда ЕС демонстрируют определенные тенденции, которые со временем могут стать востребованными и в нашем Союзе.

А пока будет вестись дискуссия по данному вопросу, которая, полагаем, займет достаточно продолжительное время, у Суда ЕАЭС есть всё

необходимое чтобы доказать, что, несмотря на свой относительно молодой возраст, он сможет грамотно распорядится предоставленными ему полномочиями и обеспечить достижение поставленной перед ним цели – единообразного применения права Союза государствами-членами и органами ЕАЭС.

Список используемой литературы

1. Бабкина Е.В. Вызовы ЕАЭС в деле развития права Союза и совершенствования законодательства государств-членов: подход правоприменителя // Проблемы правового регулирования общественных отношений: теория, законодательство, практика: сб. материалов междунар. Науч. Конфер. и т.д. С. 11-15.

2. Бабкина, Е.В. Косвенное восполнение пробелов в праве Судом Евразийского экономического союза / Е.В.Бабкина // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце : материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2018. — С. 104-105.

3. Боклан, Д. С., Тонких, П. С., Козлова, М. Ю. Спор Россия – Железнодорожное оборудование и другие споры об оспаривании мер Евразийского экономического союза в Органе по разрешению споров ВТО / Д. С. Боклан [и др.] // Международное правосудие. – 2018. – № 3 (27). – С. 14-27.

4. Дело по заявлению ЕЭК о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о ЕАЭС) [Электронный ресурс]: консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС, 16 окт. 2019 г. // Суд ЕАЭС. – Режим доступа: <http://courteurasian.org/page-26361>. Дата доступа: 04.11.2019.

5. Дело по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» (Российская Федерация) к ЕЭК о признании бездействия Комиссии, выразившегося в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках ЕАЭС, не соответствующим Положению о ЕЭК и нарушающим права и законные интересы ООО «Ойл Марин Групп» [Электронный ресурс]: решение Коллегии Суда ЕАЭС, 11 окт. 2018 г. // Суд ЕАЭС. – Режим доступа: <http://courteurasian.org/page-24051>. Дата доступа: 04.11.2019.

6. Дело по заявлению ООО «Шиптрейд» об оспаривании решения ЕЭК от 31 января 2018 года № 15 [Электронный ресурс]: решение Коллегии Суда ЕАЭС, 18 июня 2019 г. // Суд ЕАЭС. – Режим доступа: <http://courteurasian.org/page-24051>. Дата доступа: 04.11.2019.

7. Дело по заявлению ООО «Шиптрейд» об оспаривании решения ЕЭК от 31 января 2018 года № 15 [Электронный ресурс]: решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС, 31 октября 2019 г. // Суд ЕАЭС. – Режим доступа: <http://courteurasian.org/page-26361>. Дата доступа: 04.11.2019.

8. Дело по заявлению Российской Федерации по спору о соблюдении Республикой Беларусь Договора о ЕАЭС, статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов таможенного союза [Электронный ресурс]: решение Большой

коллегии Суда ЕАЭС, 21 февр. 2017 г. // Суд ЕАЭС. – Режим доступа : <http://courteurasian.org/page-24051>. Дата доступа: 04.11.2019.

9. Кашкин, С. Ю., Четвериков, А. О. Право Евразийского экономического союза: учебник / отв. ред. С. Ю. Кашкин. – М.: Проспект, 2016. – 192 с.

10. Колос, Д. Г., Бабкина, Е. В. Суд Евразийского экономического союза: задачи и первые результаты / Д. Г. Колос // Международное правосудие в XXI веке / Е. В. Бабкина, О. В. Гришкевич, Е. Ф. Довгань, А. А. Козлова [и др.] ; под ред. Т. Н. Михалевой. – Минск: Бизнесофсет, 2016. – С. 178–191.

11. Колос, Д. Г. Роль Суда ЕАЭС в развитии национального законодательства о противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции / Д. Г. Колос // Правовые основы формирования общего рынка Евразийского экономического союза и правовая система Республики Беларусь : сб. материалов конф., Брест, 25–26 мая 2018 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; ред. кол.: Т. А. Горупа, Т. З. Шалаева. – Брест : БрГУ, 2018. – С. 13–20.

12. О принятии к производству заявления ЕЭК о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс] : постановление Большой коллегии Суда ЕАЭС, 27 мая. 2019 г. // Суд ЕАЭС. – Режим доступа : <http://courteurasian.org/page-26361>. Дата доступа: 04.11.2019.

13. Armenia – Anti-Dumping Measures on Steel Pipes. Request for consultations by Ukraine [Electronic resource] : Dispute settlement WT/DS569/1 // World Trade Organization. – Mode of access: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(@Symbol=%20wt/ds569/1%20or%20wt/ds569/1/*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(@Symbol=%20wt/ds569/1%20or%20wt/ds569/1/*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#). – Date of access: 04.11.2019.

14. Case C-459/03 Commission of the European Communities v Ireland [Electronic resource] : Judgment of the Court (Grand Chamber) of 30 May 2006 // InfoCuria. Case-law of the Court of Justice. – Mode of access: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=57551&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=8793568>. – Date of access: 04.11.2019.

15. Case C-284/16 Slowakische Republik v Achmea BV [Electronic resource] : Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 March 2018 // InfoCuria. Case-law of the Court of Justice. – Mode of access: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=199968&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=9216790>. – Date of access: 04.11.2019.

16. Grand Express Non-Public Joint Stock Company v. Republic of Belarus [Electronic resource] : ICSID Case No. ARB(AF)/18/1 // ICSID. – Mode of access: [https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/casedetail.aspx?CaseNo=ARB\(AF\)/18/1](https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/casedetail.aspx?CaseNo=ARB(AF)/18/1) – Date of access: 04.11.2019.

17. Kazakhstan – Anti-Dumping Measures on Steel Pipes. Request for Consultations by Ukraine [Electronic resource] : Dispute settlement WT/DS530/1 // World Trade Organization. – Mode of access:

[https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(@Symbol=%20wt/ds530/1%20or%20wt/ds530/1/*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(@Symbol=%20wt/ds530/1%20or%20wt/ds530/1/*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#). – Date of access: 04.11.2019.

18. Kyrgyz Republic – Anti-Dumping Measures on Steel Pipes. Request for consultations by Ukraine [Electronic resource]: Dispute settlement WT/DS570/1 // World Trade Organization. – Mode of access: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds570_e.htm. – Date of access: 04.11.2019.

19. Nyman-Metcalf, K., Papageorgiou, I. Regional integration and courts of justice / K. Nyman-Metcalf, I. Papageorgiou. – Intersentia Uitgevers N V, 2005. – 126 p.

20. Russia – Anti-Dumping Duties on Light Commercial Vehicles from Germany and Italy [Electronic resource]: Dispute settlement WT/DS479/12 // World Trade Organization. – Mode of access: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds479_e.htm. – Date of access: 04.11.2019.

21. Russia — Measures affecting the importation of railway equipment and parts thereof [Electronic resource]: Dispute settlement WT/DS499/8 // World Trade Organization. – Mode of access: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds499_e.htm. – Date of access: 04.11.2019.

22. Russia - Tariff Treatment of Certain Agricultural and Manufacturing Products [Electronic resource]: Dispute settlement WT/DS485/FR // World Trade Organization. – Mode of access: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds485_e.htm. – Date of access: 04.11.2019.

РОЛЬ КОНСУЛЬТАТИВНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ СУДА ЕАЭС В РАЗВИТИИ ПРАВА СОЮЗА И ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Судья Суда Евразийского экономического Союза, Минск
Сейтимова Венера Хамитовна
info@courteurasian.org

Консультативные заключения в ЕАЭС – это результат реализации Судом Союза статутных полномочий по разъяснению права Союза. В Статуте и Регламенте этой компетенции Суда посвящено относительно малое количество норм, однако, как показывает практика обращений, она становится центральной.

Так, за период деятельности Суда количество обращений и принимаемых консультативных заключений каждый год неуклонно и значительно возрастает – и в абсолютном, и в относительном выражении.

В год начала функционирования Суда, 2015, на фоне 8 обращений от субъектов хозяйствования, за консультативным заключением не обратился ни один из уполномоченных субъектов.

В 2016 году поступили заявления и были приняты два консультативных заключения, что составило примерно четверть от всей процессуальной загруженности Суда.

В 2017 году консультативные заключения – это половина от всех дел в Суде.

В 2018 году – процедура разъяснения занимает две трети в деятельности Суда.

Та же ситуация наблюдается и в 2019 году: подавляющее количество вопросов, возникающих у государств, у ЕЭК находят форму обращения за разъяснением. Всего Судом дано 13 консультативных заключений по самым различным актуальным вопросам права Союза [15].

При этом общеизвестно, что консультативные заключения носят рекомендательный характер: в отличие от решений они не обязательны [2;3;4]. Это стандартно для такой формы деятельности международных судов, консультативные заключения как акты судебного толкования права рекомендательны (за редким исключением[5, с. 5]).

С точки зрения эффективности таких судебных актов, таким образом, возникает вопрос, чем полезны консультативные заключения Суда и прислушиваются ли к ним, если они не обязательны? К настоящему времени есть конкретные результаты и можно с достоверностью заявлять, что эти заключения важны для тех, кто обращается, для доктрины, для построения и функционирования Союза и его правовой системы и для частных лиц также.

За обращением о разъяснении зачастую стоят сложные юридические вопросы, основанные на практической ситуации и влекущие для субъектов правовые последствия. В качестве примера можно привести Консультативное заключение по декларированию денежных средств от 15 октября 2018 года[6].

Запрос от государства основывался на конкретных вопросах декларирования денежных инструментов при перемещении воздушным транспортом с территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена транзитом через третье государство с высадкой в аэропорту, при этом гражданин находился в трансферной зоне. Суд установил, что обязанность по декларированию наличных денежных средств и (или) дорожных чеков, установленная в статье 260 Таможенного кодекса ЕАЭС, распространяется на физических лиц, перемещающих наличные денежные средства и (или) дорожные чеки в сумме, превышающей 10 тысяч долларов США, между государствами-членами Союза через третьи государства в случаях, если имело место пересечение таможенной границы Союза, в том числе при следовании физических лиц транзитом через трансферные зоны международных аэропортов третьих государств.

Вместе с тем, Суд указал и на важный элемент имплементации общих принципов права в национальных правовых системах государств-членов, которые будут способствовать «выравниванию» правового положения субъектов в их юрисдикциях: «При выявлении нарушений порядка перемещения наличных денежных средств и (или) дорожных чеков необходимо соблюдать принцип пропорциональности санкций при решении вопроса о привлечении лица к административной или уголовной ответственности». Таким образом, консультативные заключения без вмешательства во внутренние дела формируют базис принципов, общих для государств-членов с точки зрения защиты конституционных прав и свобод, что зафиксировано и в Договоре, и тем самым «приближают» право Союза к гражданам государств-членов.

Примером еще одного практического преломления роли консультативных заключений в защите интересов частных лиц стало последнее консультативное заключение по конкуренции по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан Атамекен от 18 июня 2019 года[7]. Оно касалось вопросов разграничения компетенции Комиссии и национальных органов, механизмов их взаимодействия при осуществлении контроля за соблюдением общих правил конкуренции.

Эти вопросы были также поставлены исходя из практической ситуации: как субъекту избежать двойной ответственности при возможном нарушении и правил Союза, и национального права.

Судом были сформулированы очень важные правовые позиции о том, что:

- в Союзе создана двухуровневая система регионального и национального ведения вопросов конкуренции в зависимости от того, затронуты (или могут быть затронуты) трансграничные или национальные рынки,

- негативное влияние на трансграничные рынки и одновременно на национальный рынок государства-члена следует рассматривать как единое нарушение на трансграничных рынках;

- в случае привлечения к ответственности хозяйствующего субъекта за нарушение общих правил конкуренции и наложения санкций одновременно решениями уполномоченного органа государства-члена и ЕЭК, отмене подлежит то решение, которое нарушает компетенцию.

В ряде случаев роль консультативных заключений схожа с предварительным нормоконтролем. Так, в заявлении по вопросам конкуренции от

Министерства юстиции Республики Беларусь стоял вопрос о значении норм права Союза в преддверии изменения национального антимонопольного законодательства[8]. В дальнейшем национальная норма была сформулирована с учетом позиции Суда, изложенной в Консультативном заключении от 18 декабря 2018 года.

Нельзя не отметить роль консультативных заключений по заявлениям в сфере трудовых отношений с участием органов Союза, то есть по вопросам евразийской гражданской службы. В настоящее время в ЕАЭС отсутствует институт прямой международной судебной защиты гражданских служащих. Консультативные заключения в этой сфере стали знаковыми для развития независимой и профессиональной команды интеграционного объединения. Именно в этих консультативных заключениях Суд находит такое правовое толкование проблемных вопросов, которое Комиссия и служащие воспринимают для себя и в последующем действуют, основываясь на нем.

Так, в консультативном заключении по запросу ЕЭК в сентябре 2017 года Суд указал на пределы дискреции Комиссии в вопросах формирования штата с учетом приоритета союзных норм и соблюдения гарантий для служащих[9]. В производстве Суда было три дела по самым разным аспектам трудовых отношений - принятие по конкурсу, увольнение сотрудников, перевод, аттестация. В дальнейшем все эти вопросы реализуются с учетом выработанных Судом позиций.

С точки зрения значимости этих актов для правовой системы не возникает вопросов о структурно-образующем характере и значении правовых позиций консультативных заключений. Как в свое время Суд ЕС в преюдициальных толкованиях развил базовые принципы права ЕС, так и Суд Союза в консультативных заключениях обращается к основополагающим константам построения интеграционного правопорядка и выводит их из контекста, целей, особенностей терминологии Договора.

В частности, в своих консультативных заключениях Большая коллегия уже неоднократно указывала на принцип верховенства и прямого действия, обосновывая их необходимость в праве Союза и раскрывая их суть. Например, в Консультативном заключении по свободе передвижения профессиональных спортсменов Суд установил критерии норм прямого действия, которые в дальнейшем могут использоваться правоприменителями: положения права Союза обладают прямым действием, если они сформулированы достаточно четко, ясно, наделяют частных лиц правами и не требуют имплементации[10].

Также, основой аргументации в консультативных заключениях зачастую становится общее понимание целей, этапов интеграции в Союзе. Так, оценка уровня интеграционного взаимодействия и вытекающих из этого обязательств прослеживается в Консультативном заключении о декларировании денежных средств;

в Консультативном заключении о тарифах речь идет в целом о целях Союза как организации региональной интеграции;

уже неоднократно Большая коллегия в консультативных заключениях, касающихся вопросов общего рынка акцентирует внимание на важности четырех свобод (например, Консультативное заключение о свободном движении товаров).

Кроме того, есть еще одна отличительная черта процедуры разьяснения, выигрышная по сравнению со спорным производством: Суд не связан жестко заявленными требованиями сторон, так как это не спор и требований нет, есть запрос о толковании нормы, что не только позволяет, но и делает желательным взглянуть на систему права Союза в совокупности, анализировать право существующее (*lex lata*) и право, которое следует создавать, развивать (*de lege ferenda*). Так, во всех консультативных заключениях Суда по вопросам гражданской службы указано на необходимость развития материально-правового регулирования внутренней деятельности Союза.

Можно смело констатировать, таким образом, не просто востребованность процедуры разьяснения Судом Союза, но и возрастающее доверие со стороны субъектов и значение, которое придается консультативным заключениям в правовой системе Союза.

Примечательно, что не каждый международный судебный орган обладает функцией толкования в специально предназначенной для этого процедуре. Такая функция присуща:

1) Международному суду ООН (а до этого его предшественнику – Постоянной палате международного правосудия). Порядка 20% актов Международного суда ООН – это консультативные заключения[16], причем в первые годы их было гораздо больше, что вполне объяснимо – вопросов о толковании в период становления возникает всегда больше. Следует отметить, что за консультативными заключениями в Международный суд ООН могут обращаться субъекты, которые не наделены полномочиями на обращение с иском, а именно такие органы ООН как Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности – по любым правовым вопросам, а специализированные учреждения – по вопросам их предметной компетенции. По словам бывшего Генерального Секретаря ООН Бутрос-Бутрос Гали, «процедура вынесения консультативных заключений является одним из самых надежных средств содействия регламентации институциональной системы» [17]. Следует отметить, что в доктрине высказываются о необходимости расширения консультативных полномочий Международного суда ООН[13];

2) ряду международных судов по правам человека (Межамериканскому суду по правам человека; Африканскому суду по правам человека и народов; Европейскому суду по правам человека, чья консультативная компетенция была не так давно реформирована и расширена, ей теперь присущи элементы преюдиции - с августа 2018 года высшие судебные инстанции государств-членов, ратифицировавших его, могут обращаться за консультативными заключениями по принципиальным вопросам, относящимся к толкованию или соблюдению прав и свобод, определенных в Конвенции и в Протоколах к Конвенции) – здесь следует признать, что процент консультативных заключений в целом в их практике невелик;

3) Палате по морскому дну Трибунала по морскому праву - ее консультативная компетенция узкоотраслевая;

4) ряду судебных и квазисудебных органов регионального значения – например, судебный орган ОПЕК, комиссия по бывшей Югославии;

5) особый интерес представляет группа интеграционных судов: далеко не все они наделены полномочиями по предоставлению консультативных заключений (в основном, в сфере толкования речь идет об их функции

преюдициального толкования, имеющего несколько иную правовую природу и результат которого обязателен). В то же время, ряд из них имеет и функцию предоставления консультативных заключений *stricto sensu*, в прямом значении. Так, Суд ЕС в целом не наделен толковательной функцией по любым вопросам права Союза, он дает консультативные заключения в контексте заключения ЕС международных договоров с государствами, не являющимися членами ЕС, или с международными организациями на предмет их сопоставимости с учредительными актами ЕС, и эта его функция во многом напоминает роль предварительного контроля со стороны конституционных судов в национальной системе при заключении международных соглашений.

Почему в интеграционной системе Евразийского экономического союза происходит так, что консультативные заключения уже стали основным форматом взаимодействия многих субъектов с Судом и, с большой долей уверенности можно констатировать, что они будут продолжать играть центральную роль в единообразном применении и развитии права Союза?

Есть ряд факторов, обуславливающих объективно популярность и доверие к консультативной процедуре в ЕАЭС.

1. Широкий круг субъектов.

Обращаться за консультативным заключением могут как государства-члены в лице уполномоченных органов, так и органы Союза. Также, в сфере внутренних трудовых правоотношений таким правом обладают евразийские гражданские служащие. Физические и юридические лица не имеют прямой возможности обратиться за разъяснением права Союза, однако частные лица могут обращаться опосредованно, через уполномоченные органы государства, что, собственно, зачастую и происходит. Самые яркие этому примеры – Консультативное заключение по конкуренции по заявлению Национальной палаты предпринимателей Атамекен, Консультативное заключение по декларированию денежных средств. Безусловно, востребованность этой процедуры и отсутствие преюдициального запроса в Союзе всячески указывает на необходимость дальнейшего расширения круга субъектов, уполномоченных на обращение за консультативным заключением, прежде всего за счет национальных судебных органов. Также практика показывает, что позитивным является и опыт обращения организаций, компетентно представляющих интересы бизнес-сообщества – как это было в случае Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан Атамекен, так что круг субъектов вполне может быть расширен и за счет такой категории организаций.

Примечательно, что обращаться за разъяснением могут таким образом и те субъекты, которые могут быть также стороной спора (что, как мы знаем, весьма специфично). Это открывает возможность выбора судебной процедуры для субъекта, расширяет его доступ к правосудию. В интеграционном объединении, особенно на этапе становления в этом нет никакой опасности, только позитивные моменты: выбор формы судебной защиты, пусть и опосредованной, через толкование, – это право суверенного субъекта.

2. Универсальная предметная сфера толкования.

Любые вопросы из права Союза могут быть предметом обращения, вне зависимости от того, какая компетенция установлена в их отношении – исключительная, совместная.

Спектр затрагиваемых направлений – самый широкий. Изначально было много вопросов из таможенной сферы. С развитием интеграции на первый план начинают выходить вопросы технического регулирования, конкуренции, антидемпинга, внутренних свобод рынка.

По большому счету мы можем наблюдать, что предметом заявлений о разъяснении становятся и частные вопросы – когда в основе лежит конкретная ситуация с физическим или юридическим лицом (Консультативное заключение о декларировании средств, Консультативное заключение о конкуренции по заявлению Атамекен); и публично-правовые вопросы построения и функционирования организации и системы права (Консультативное заключение по действию актов КТС); вопросы евразийской гражданской службы (Консультативное заключение по делу о пенсиях и три Консультативных заключения непосредственно от ЕЭК и ее служащих и должностных лиц по вопросам аттестации, приема на работу, увольнения).

3. Дуализм толкования *in abstracto* и *in concreto*.

Консультативное заключение в праве Союза многогранно – это и оценка права в преломлении к конкретной ситуации, и максимально широкий взгляд на систему.

4. Богатая методология толкования.

Изначально сложилось, что базируясь на общих международно-правовых подходах толкования договорных норм, Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, Суд применяет и аутентичные способы (используется много компаративных, сравнительных методик), и способы и методы, характерные для интеграционных объединений (например, телеологическое толкование).

5. Рекомендательный характер как гибкий механизм судебного воздействия.

Консультативное заключение позволяет дать справедливый и аргументированный ответ, но оставить его внедрение в жизнь самим субъектам, решая одновременно задачи и усиления правовой культуры интеграционного сообщества, и повышения доверия к институтам Союза, и свободу выбора сроков и механизмов корректировки ситуации - за сторонами.

Нельзя подменять понятия «сила» консультативного заключения и его «ценность». Формальный режим консультативного заключения не отражается на аргументированности и ценности мотивировочной части. Более того, не сами решения и не консультативные заключения несут ценностный посыл, а правовые позиции Суда, в них отраженные. С этой точки зрения абсолютно не важно, где такие правовые позиции нашли отражение: в решении или в консультативном заключении. Это подтверждается и практикой самого Суда: Суд цитирует свои правовые позиции вне зависимости от того, в решении или в консультативном заключении они изложены. Правовая аргументация Суда последовательно перетекает из судебного акта в судебный акт. Аналогично писал судья Международного суда ООН Танака: «юридическая сила консультативных

заклучений не препятствует тому, чтобы его содержание влияло на принятие судом решений по схожему юридическому вопросу» [11].

Как видим, консультативные заключения Суда стали весьма востребованными. Несмотря на свой де-юре рекомендательный характер, они оказывают значительное влияние на развитие права Союза. Как справедливо отмечают в доктрине, институт консультативных заключений обеспечивает выполнение международных договорных обязательств посредством толкования (предшествующего собственно выполнению) и правовой квалификации определенной ситуации[12]. Консультативные заключения в праве Союза, с одной стороны, - альтернатива прямой форме судебной защиты, с другой – возможность предварительно проконсультироваться и принять верное решение, своеобразный предварительный нормоконтроль, и, безусловно, разъяснение союзного права крайне необходимо для его единообразного применения всеми акторами.

Список используемой литературы

1. Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем: автореф. ...д-ра юрид.наук. СПб., 2003. 46 с.
2. Шинкарецкая Г.Г. Международные суды и развитие международного права // Международное право. – 2014. – № 4. – С. 141 - 167. DOI: 10.7256/2306-9899.2014.4.11642 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=11642;
3. Ginsburg, T. International Judicial Lawmaking. Virginia Journal of International Law, Vol. 45, Spring 2005. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=693861>;
4. Thirlway H. Advisory Opinions in Max Planck Encyclopedia of International Law, 2006; Schwebel, S. Widening the Advisory Jurisdiction of the International Court of Justice without Amending Its Statute, 33Cath. U. L. Rev.355, 1984.
5. Конвенция о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций от 13 февраля 1946 года.
6. Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 15 октября 2018 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или денежных инструментов) через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года URL: <http://courteurasian.org/doc-22073>.
7. Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынков к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 URL: <http://courteurasian.org/doc-24833>.
8. Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 18 декабря 2018 года по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь положений статей 74, 76 Договора о Евразийском

экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынков к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 URL: <http://courteurasian.org/doc-22643>.

9. Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 12 сентября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года URL: <http://courteurasian.org/doc-22643>.

10. Консультативное заключение от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года URL: <http://courteurasian.org/doc-22543>.

11. Особое мнение Судьи Танака (Dissenting opinion of Judge Tanaka). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/les/47/4969.pdf>.

12. Симонова Н.С. Консультативные заключения Международного суда ООН в механизме обеспечения выполнения международных договорных обязательств / Московский журнал международного права. – 2015. - № 3. – С. 94-108. – с. 104.

13. Treves T. Advisory Opinions of International Court of Justice on Questions Raised by Other International Tribunals / Max Planck Yearbook of UN Law, 2000; ed. Wolfrum R., Frowein J. P.25-231;

14. Patel B. Recommendations of the Role and Effectiveness of the International Court of Justice and State Practice: the Gap between Recommendation and Practice / Singapore Yearbook of International Law, 2007. - №11. – p. 99-122.

15. Сайт о Суде ЕАЭС URL: www.courteurasian.org

16. Сайт Международного суда ООН URL: www.icj-cij.org

17. Сайт ООН URL: <https://www.un.org/ru/icj/advisoryprocedure.shtml>

УДК 341.645.5.

ДОКТРИНА «DRITTWIRKUNG EFFECT» И ЕЁ ПРИМЕНЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

*Ассистент кафедры международного и европейского права
Юридического факультета
Казанского федерального университета, Казань
Синявский Алексей Алексеевич
alex.sinyavskiy95@gmail.com*

Аннотация: В настоящее время в международном праве не существует юридически-обязательных договоров, устанавливающих ответственность ТНК за нарушения прав человека, так как они не являются субъектами международного права. Различные государства по-разному устраняют данный правовой пробел в своём национальном законодательстве, однако, этого может оказаться недостаточно, если речь идет о ТНК, чья предпринимательская деятельность выходит за пределы одного государства. В середине прошлого века в Германии была разработана доктрина «Drittwirkung effect», которая позволяет привлекать негосударственных акторов к ответственности за нарушения конституционных прав. Она получила широкое распространение и была взята на вооружение ЕСПЧ, после чего применялась для привлечения ТНК и предприятий к ответственности за нарушения прав человека. В настоящей статье будет рассмотрена эволюция концепции «Drittwirkung effect» и рассмотрено её влияние на современное международное право через практику ЕСПЧ.

Ключевые слова: Drittwirkung effect, Third party effect, воздействие в отношении третьей стороны, Европейский суд по правам человека, международное право прав человека, международный бизнес, горизонтальный эффект, права человека, ТНК.

Что такое «Drittwirkung effect»?

Термин «Drittwirkung» уходит корнями в конституционное право Германии. Именно там в 1950х годах и была впервые разработана доктрина, получившая впоследствии название «Drittwirkung effect». Несмотря на немецкоязычное происхождение термина, в англоязычной литературе термин «Drittwirkung effect» прочно закрепился и преобладает над английским «The Third party effect». На русский язык термин «Drittwirkung effect» наиболее точно можно перевести как «воздействие в отношении третьей стороны», где под третьей стороной подразумевается негосударственный актор, а под воздействием – правовые обязанности, закреплённые в конституции страны или в международных договорах по правам человека.

Изначально немецкая доктрина предполагала, что основные конституционные права «...были призваны, прежде всего, служить правом на защиту гражданином собственных прав от посягательства государства и

гарантировать свободу гражданина от посягательств публичной власти». Но уже в 1949 г. «в немецком правоведении разгорелся спор на тему «Действия основных прав на права третьих лиц»» [3, с. 27], суть которого заключалась в вопросе: «действуют ли основные права также и между частными лицами?» [3, с. 27]. Окончательное закрепление доктрина получила после того, как Федеральный Конституционный Суд Германии в 1958 году вынес «приговор Люта», в котором отменял приговор суда по гражданским делам по решению дела об умышленном причинении вреда, так как такой приговор нарушал основное право Люта, проигравшего участника разбирательства, на свободу слова. В своём решении суд руководствовался, что основные конституционные права представляют собой объективную систему ценностей [3, с. 28], которая должна служить правовой основой при принятии решения во всех областях права. Так как гражданско-правовая норма в деле Люта противоречила принципам конституции, то было применено «воздействие в отношении третьей стороны», что и ознаменовало собой рождение доктрины «Drittwirkung effect».

Впоследствии, доктрина стала применяться в других национальных правовых системах (например, в Австрии [6, с. 164] и Швейцарии [6, с. 164]), получив широкое распространение в странах Европы. Именно поэтому она была взята на вооружение Европейским судом по правам человека и впервые применена им в деле *X. И Y. против Нидерландов* [12] в 1985 году. В ЕСПЧ доктрина получила название «горизонтального действия» (horizontal effect) и оказалась тесно связанной с доктриной «позитивных обязательств» государств-участников европейской конвенции.

Суть доктрины «Drittwirkung effect» заключается в том, что конституция может возлагать обязанности по соблюдению конституционных прав на частных лиц, а также применяться в правоотношениях между частными лицами. В более широком смысле доктрина применяется, чтобы привлечь негосударственных акторов к ответственности за нарушения международно-признанных прав человека, какими являются ТНК и другие коммерческие предприятия, осуществляющие предпринимательскую деятельность.

Drittwirkung подразделяется на unmittelbare (прямое применение) и mittelbare (непрямое применение) [5]. Непрямое применение означает, что суды, при рассмотрении частноправовых дел, должны учитывать ценности, и принципы, закрепленные в конституции [6, с. 164]. Прямое применение означает, что суды при рассмотрении дел, также должны рассматривать нарушения прав, закрепленных в конституции, частными лицами.

Доктрина может применяться как вертикально (когда одной стороной является орган публичной власти, а другой – индивид или частное лицо), так и горизонтально (между индивидами или частными лицами). Горизонтальное воздействие, в свою очередь, может быть прямым или косвенным.

Вертикальное прямое воздействие (*vertikale unmittelbare Abwehdbarkeit*) [7, с. 165] означает применение международно-правовых норм прав человека в отношениях между государством и индивидом с целью защиты индивида от неблагоприятного воздействия государства на его права и свободы. Таким образом, индивиды получают средство правовой защиты от посягательств государств на их права человека.

Горизонтальное прямое воздействие (*horizontale Anwendbarkeit*) [7, с. 165] означает применение публично-правовых норм к правоотношениям между частными лицами. Примером такого применения доктрины может послужить уже упомянутое «дело Люта». При таком применении различные отраслевые принципы и нормы могут перестать действовать в случае, если они противоречат «объективным ценностям», закрепленным в конституции или в основополагающих международно-правовых договорах по правам человека. В результате, хотя такое воздействие и предполагает защиту прав конкретного частного лица, оно, в то же время, может нарушать гражданские или иные права другого лица. В таком случае, приоритет в решении частноправовых вопросов может отдаваться международному праву, что может приводить к коллизиям с внутригосударственным правом.

О непрямом горизонтальном воздействии (*mittelbare Drittwirkung*) [7, с. 166] говорят в случае, когда публично-правовые нормы используются в качестве руководства по толкованию правовых отношений между частными лицами. Иными словами, трафарет международно-правовых норм используется, чтобы толковать и рассматривать действия частных лиц с точки зрения соблюдения ими прав человека, закрепленных в основополагающих международных договорах по правам человека. Именно так применил доктрину ЕСПЧ в деле X. и Y. против Нидерландов. Последствием такого применения становится международно-правовая ответственность государства за действия негосударственных акторов, ТНК, в том случае, если государство не смогло обеспечить должную защиту прав человека путем соответствующих превентивных мер.

Таким образом, доктрину *Drittwirkung effect* можно применить двумя разными способами, при которых негосударственные акторы могут быть субъектами публично-правовых норм, закрепленных в нормах международного права. В случае же горизонтально воздействия можно говорить о доктрине как о средстве правовой защиты, которое может быть использовано индивидом для защиты своих прав от другого индивида или частного лица, например, ТНК. В этом случае индивид самостоятельно реализует своё право, закрепленное в ЕКПЧ.

Доктрина позитивных обязательств ЕСПЧ

В практике ЕПСЧ, доктрина «*Drittwirkung effect*» тесно связана с доктриной «позитивных обязательств», разработанной им для привлечения предприятий к ответственности за нарушения прав человека.

Однако, в соответствии со статьями 19, 32, 33 и 34 подавать жалобу в ЕСПЧ против индивидов неприемлемо и последние не могут быть ответственны за нарушения прав человека, закрепленных в ЕКПЧ, так как не являются субъектами международного права. Чтобы устранить данный пробел в правовом регулировании, ЕСПЧ применяет доктрину «позитивных обязательств» в правоотношениях между частными лицами, которыми могут быть как индивиды, так и ТНК. ЕКПЧ накладывает «непрямые» обязательства на корпорации, то есть такие «...обязательства, предусматриваемые внутригосударственным правом в соответствии с международными обязательствами государств». Суд неоднократно

заявлял, что государства должны принимать меры для защиты прав человека и частной сфере правоотношений.

Положения ЕКПЧ переносятся в горизонтальную плоскость правоотношений между частными лицами и применяются в межличностных отношениях сторон, что позволяет национальным судам рассматривать такие споры на основе конвенции. Таким образом, предприятия, осуществляющие предпринимательскую деятельность, косвенно оказываются связанными обязательствами по соблюдению прав человека, закрепленных в ЕКПЧ.

Позитивные обязательства государств предполагают использование превентивных мер, направленных на предупреждение нарушений прав человека. В соответствии с практикой ЕСПЧ, превентивные меры предполагают своевременное «в соответствии с законом» [11, п. 95; 12, п. 23, 24, 27; 13; 14] вмешательство государств в правоотношения двух и более сторон, осуществляющихся на их территории и под их юрисдикцией, с целью предотвратить потенциальные нарушения международно-признанных прав человека. Выбор средств осуществления этих мер лежит на государствах и предполагает использование конкретных средств, предусмотренных внутренним законодательством [11, п. 96].

Кейр Стармер классифицировал позитивные обязательства государств и разделил их на 5 категорий [8, с. 146]:

- 1) Обязательство установить правовые рамки, обеспечивающие эффективную защиту жертв за нарушение прав, закрепленных в ЕКПЧ
- 2) Обязательство предотвращать незаконное вмешательство в осуществление прав, закрепленных в Конвенции.
- 3) Обязательство предоставлять информацию и советы по вопросам, связанным с Конвенцией.
- 4) Обязательство реагировать на нарушения конвенционных прав
- 5) Обязательство предоставлять ресурсы индивидам для обеспечения уважения их прав.

Сложность выполнения позитивных обязательств связана с несколькими причинами.

Во-первых, государства не могут выполнить свои позитивные обязательства, когда конкретные области прав человека не охватываются их внутренним законодательством в полной мере. Такой областью может быть, например, не-дискриминация, трудовые права, конфиденциальность частной жизни и многие другие [9, с. 11].

Во-вторых, в государстве может отсутствовать эффективный механизм корпоративной подотчетности из-за чего государству может быть трудно оценить деятельность предприятия и своевременно среагировать на потенциальные угрозы нарушения прав человека. Примером может послужить недавнее происшествие в деревне Щетинкино [15]. В ночь на субботу, 19 октября, на реке Сейба в Красноярском крае произошел прорыв каскада дамб. Вода хлынула в поселок, где жили работники золотодобывающей артели «Сисим», и смыла их общежития. Погибло 17 человек, 44 пострадало и ещё трое числятся пропавшими без вести. Одной из причин произошедшего является несоблюдение техники безопасности при строительстве дамб. Фактически, дамбы были возведены незаконно, в связи с чем оказались незарегистрированными в гос. органах и не подлежали проверке. Так, в Следственном комитете РФ заявили, что «Гидротехнические сооружения

были установлены "без каких-либо разрешительных документов с целью отвода грунтовых вод на участке золотодобычи", а горный мастер, организовавший проведение работ на участке, не имеет специального образования» [15].

В-третьих, коррумпированное государство может быть не заинтересовано в прозрачности операций своего предприятия и потому не исполнять своих позитивных обязательств в отношении государственных предприятий. Наиболее часто такие случаи встречаются в развивающихся странах, у которых недостаточно ресурсов и влияния, чтобы должным образом отстоять свой суверенитет или воспрепятствовать деятельности какой-либо ТНК, в результате чего оно идет с ней на сделку.

Все перечисленные выше причины образуют пробелы в правовом регулировании. Профессор Джон Рагги считает, что чтобы устранить эти пробелы, государства должны поощрять корпоративную культуру предприятий, находящихся на их территории, в которой соблюдение прав человека является частью бизнеса [1]. Иными словами, соблюдение прав человека должно стать частью внутренней культуры предприятий и проникать во все аспекты деятельности компании. В настоящее время по такому пути идут некоторые крупнейшие публичные компании, входящие в рейтинг Fortune Global 500 [16]. Примером такой компании на территории России может послужить ЛУКОЙЛ. ЛУКОЙЛ разделяет принципы Глобального договора ООН [17] и Социальной хартии российского бизнеса, а также осуществляет комплекс мер, направленных на поддержку регионов, коренных малочисленных народов Севера и детей. Хотя подобная деятельность больше попадает под понятие «корпоративная социальная ответственность», чем под понятие «обеспечение соблюдения прав человека», нельзя не отметить положительный вклад компании в благосостояние общества, что, несомненно, способствует уважению прав человека.

В своем докладе Совету по правам человека, Специальный представитель Джон Рагги предложил пять приоритетных областей, в которых государство может способствовать уважению прав человека среди корпораций. Эти сферы включают в себя:

- a) стремление добиться большей согласованности и эффективности политики среди отделений, работающих в сфере бизнеса [2, п. 8];
- b) содействие соблюдению прав человека, когда государства занимаются предпринимательской деятельностью с предприятиями, будь то в качестве владельцев, инвесторов или закупщиков [2, п. 5, 6];
- c) развитие корпоративной культуры уважения прав человека как в своем государстве, так и в соседних государствах;
- d) разработка инновационной политики руководства компаниями, проводящими свои операции в районах, затронутых вооруженным конфликтом [2, п. 7];
- e) рассмотрение вопроса об экстерриториальности [2, п. 2];

На практике это означает, что государства должны разрабатывать и принимать соответствующие нормативно-правовые акты в своём внутреннем законодательстве.

В контексте международного бизнеса, обязательства государств по защите индивидов от третьей стороны отразились в Руководящих принципах в области предпринимательской деятельности в аспекте прав человека [2]. Так, первый базовый принцип провозглашает позитивные обязательства государств и гласит, что они должны обеспечивать защиту в пределах своей территории и/или юрисдикции от нарушений прав человека третьими сторонами, включая предприятия. В соответствии с Руководящими Принципами, это требует от государств принятия необходимых мер, направленных на предупреждение и расследование таких нарушений, наказание за них и компенсацию ущерба посредством эффективной политики, законодательства, нормативного регулирования и судопроизводства.

Несмотря на то, что государства «не несут ответственности за нарушения прав человека частным субъектами» [2, п. 1], в случае, когда такие субъекты контролируются государством, нарушение прав человека может повлечь за собой нарушение международно-правовых обязательств этого государства [2, п. 4]. Как пишет М. В. Кешнер: «Нарушение международно-правового обязательства имеет место в том случае, когда поведение, присваиваемое государства как субъекту международного права, представляет собой невыполнение данным государством своего международного обязательства» [4, с. 91]. Международно-правовые обязательства могут возникнуть у государств в связи с ратификацией международных договоров по правам человека. Невыполнение позитивных обязательств повлечет за собой наступление международной ответственности, как, например, в деле Лопес Остра против Испании, когда государство было привлечено к ответственности в результате невыполнения своих обязательств по защите жителей от негативного воздействия окружающей среды, связанных с деятельностью перерабатывающего предприятия, расположенного возле их дома. Именно поэтому государствам следует предпринимать дополнительные шаги по защите от нарушений со стороны предприятий, которые контролируются ими или находятся в их собственности. Следует отметить, что государства несут ответственность и за предприятия, которые пользуются их поддержкой. В связи с этим представляется рациональным включить положение о соблюдении прав человека предприятиями в случае заключения с ними коммерческих сделок.

Таким образом, немецкая доктрина «Drittwirkung effect» оказала значительное влияние на современное международное право в области международного бизнеса и частноправовых отношений между негосударственными субъектами. Она стала успешно применяться Европейским судом по правам человека, а также нашла своё отражение в положениях международном «мягком» праве.

Список используемой литературы

1. Совет по правам человека. «Защищать, соблюдать и восстанавливать в правах: Основные положения, касающиеся бизнеса и прав человека». Доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях, и других предприятиях Джона Рагги UN Doc. A/HRC/8/5 (7 April 2008).

2. Совет по правам человека. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся "защиты, соблюдения и средств правовой защиты" Доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях, Джона Рагги UN Doc. A/HRC/17/31 (21 March 2011).

3. Беллинг, Детлев В. Действие основных прав между частными лицами/ Детлев В. Беллинг, Антье Херольд, Марек Кнайс/ перевод А. В. Филипповой. Lex Russia, № 2 (Том ХСІХ) Февраль 2015, с. 26-31

4. Кешнер М.В. Международная ответственность государств за нарушения обязательств в сфере защиты прав человека. Учебник. — М.: Российский университет дружбы народов, 2016. — 343 с.

5. Clapham, Andrew. Human Rights in the Private Sphere. Oxford: Clarendon Press/New York: Oxford University Press, 1993. Pp. xxxvii, 373.

6. Drzemczewski, Andrew. The European Human Rights Convention and Relations between Private Parties. Netherlands International Law Journal, Volume 26, Issue 2 August 1979, pp. 163-181.

7. Engle, Eric. Third Party Effect of Fundamental Rights (Drittwirkung) // Hanse Law Review (HanseLR) Vol. 5 No. 2 December 2009. P. 165

8. Starmer K. Positive Obligations Under the Convention/ K. Starmer// Understanding Human Rights Principles / editors J. Jowell, J. Cooper - Oxford, Hart Publishing, 2001 – 201 p.

9. Sveinsdottir U. E. The European Court of Human Rights and its impact on the duty of Private Actors to respect human rights: diss. ... L.L.M. / U. E. Sveinsdottir. – Vienna, 2017

10. Case of Lopez Ostra v. Spain, 9/12/1994, ECHR

11. Case of Fadeyeva v. Russia, 30/11/2005, ECHR

12. Case of X and Y v. the Netherlands, 26/03/1985, ECHR

13. Case of M.C. v. Bulgaria, 4/12/2003, ECHR

14. Case of August v. the United Kingdom, 21/01/2003, ECHR

15. Сайт русской службы BBC [Электронный ресурс] –URL: <https://www.bbc.com/russian/news-50121233> (дата обращения 14.11.2019)

16. Сайт глобальной медиа-организации Fortune [Электронный ресурс] –URL: <https://fortune.com/global500/2019/> (дата обращения 14.11.2019)

17. Сайт глобального договора ООН [Электронный ресурс] – URL: <https://www.unglobalcompact.org/> (Дата обращения: 14.11.2019)

18. Сайт нефтяной компании ЛУКОЙЛ [Электронный ресурс] –URL: <http://www.lukoil.ru/> (дата обращения 14.11.2019).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМ ПРАВЕ

УДК 341

ПРОЦЕСС ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА В РАМКАХ СНГ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Бодурова Гулшан Гурезовна

*Кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры международного и европейского права
Юридического факультета
Казанского федерального университета, Казань.
bodurova.gulshan@gmail.com*

В условиях современности трансграничный характер международного общения достигает небывалых масштабов. Заинтересованность хозяйствующих субъектов в расширении сотрудничества, трансграничное и межтерриториальное перемещение лиц, безусловно, требуют должной правовой регламентации. Последнее необходимо и потому, что общественные отношения, в которые вовлекаются субъекты международных частноправовых отношений, имеют тенденции к усложнению.

Данный аспект и делает актуальным вопрос об **отыскании наиболее удобных форм правового регулирования возникающих общественных отношений**. Появление последних связывается развитием и безусловно усложнением международного общения. Полагаем, что термин «международное общение» в данном случае необходимо трактовать расширительно, в частности относить к его субъектам как государства, развивающие публично-правовое сотрудничество, так и физических и юридических лиц, вовлекающихся в частноправовые отношения.

Между тем, полагаем, что в развитии международного общения независимо от природы правоотношений существенную роль играют государства, как первичный субъект международного права. Объясняется данное обстоятельство тем фактом, что правотворческую деятельность как на внутринациональном уровне, так и на уровне международном осуществляют именно государства. При этом, принимаемые ими международные договоры могут регулировать как публичные, так и частные правоотношения.

Как верно по данному вопросу отмечается в юридической литературе, международные договоры, заключаемые государствами в сфере международного частного права, являются общей потребностью, а заключаемый международный договор - юридическим фактом, указывающим на его публичный характер [6, 197]. Но, несмотря на их публичный характер, частные интересы получают закрепление в содержании данных договоров. В связи с чем, последние выступают в качестве источников международного частного права [6, 197].

Действительно, «общая потребность» и является движущим механизмом для отыскания способов проведения единой согласованной законодательной политики в различных сферах общественной жизни.

Безусловно, в условиях глобализации, актуальнее говорить о заинтересованности государств и иных субъектов хозяйственной жизни в вовлечении в экономические интеграционные объединения в рамках определенных регионов. В настоящее время, в мире насчитывается немалое количество подобных объединений, имеющих в своей основе преимущественно экономический характер. Рост числа последних свидетельствует о том, что при подобной форме интеграции государства-члены достигают наиболее эффективных результатов. Экономическая интеграция является объединением усилий заинтересованных государств с целью достичь экономических успехов [3, 134].

Таким образом, транснациональное экономическое сотрудничество – есть результат создания единого рынка странами, связанными между собой общностью исторического, культурного, политического, экономического развития. Но создание единого рынка и эффективное экономическое сотрудничество невозможно без проведения единообразной политики и сближения правовых систем государств-членов того или иного интеграционного объединения.

Сближение правовых систем – есть целенаправленная деятельность, которая ставит задачей создание, введение в действие посредством международно-правовых механизмов и обеспечение применения сходных или идентичных правовых предписаний, обеспечивающих стирание различий в правовой регламентации отношений определенного рода для удобства осуществления транснациональных отношений [1, 19]. Как известно, сближение правовых систем происходит посредством двух взаимосвязанных, преследующих общую цель, но, тем не менее, различных по содержанию процессов. Речь идет об **унификации и гармонизации** права как о процессах, безусловно, способствующих сближению правовых систем, а следовательно, и эффективной регламентации как частноправовых, так и публично-правовых правоотношений.

Следует заметить, что гармонизация и унификация права характерны в рамках интеграционных процессов, в силу чего они проникают сквозь национальное и международное право, тем самым соотнося их определенным образом.

Н.И. Снякин отмечает, что унификация есть процесс, направленный на устранение различий в регулировании сходных или родственных явлений и на создание универсальных нормативных актов или предписаний [5, 24]. Унификация частного права достигается путем выработки единого международного документа (как правило, таковым является конвенция) между государствами, единообразно регулирующим гражданские правоотношения между субъектами частного права. По сути, унификация частного права представляет собой закономерность развития международного частного права. Посредством унификации частноправовых норм преодолеваются коллизии норм национальных правовых систем, что безоговорочно упрощает процедуру разрешения споров в силу единообразного регулирования данных правоотношений в государствах-участниках унифицированного международного акта.

Гармонизация, в свою очередь, предполагает создание сходных правовых предписаний посредством международных договоров, модельных актов, актов интеграционных объединений [4, 144].

Проводя соотношение между указанными дефинициями, заметим, что при всем разнообразии существующих доктринальных подходов к выявлению сущности как гармонизации, так и унификации права, мнение ученых-правоведов сводится к следующему:

унификация – есть процесс приведения в единообразие правовых систем посредством принятия международных актов, ратификация которых налагает на государства определенные обязательства, а гармонизация – процесс устранения и уменьшения различий между национальными правовыми системами, как результат согласованности воли государств.

Иными словами, можно обобщить, что гармонизация – это обеспечение согласованности, а унификация – приведение к единообразию.

В условиях современности, как гармонизация, так и унификация права являются ключевыми показателями успешного объединения в рамках той или иной экономической интеграции.

Для стран – участников Содружества Независимых Государств (далее СНГ) также характерна региональная экономическая интеграция. Как отмечает, Н.Г. Доронина, данный вид регионального объединения для стран постсоветского пространства выступает основным способом объединения, позволяющим восстановить утраченные позиции на мировом рынке [3, 135]. И действительно, распад единого государства, и создание новых государств на карте мира привело, прежде всего, к ослаблению экономического сектора, и, следовательно, разному уровню социально-экономического развития стран азиатского региона. В связи с этим, успешная региональная экономическая интеграция посредством согласованной политики гармонизации права в рамках СНГ позволит достичь эффективных результатов.

Итак, в рамках СНГ гармонизация частного права осуществляется посредством принятия международных договоров и модельных актов, которые служат неким образцом при разработке норм национального права. При этом, следует помнить, что в отличие от унифицированных актов, как правило налагающих на государства, их подписавших, обязательство по приведению в единообразие норм национального права в соответствии с международным актом, процесс гармонизации связывается с рекомендательным характером международных договоров и модельных актов.

Как правило, способы принятия норм международного договора или модельного акта указываются в самих международных документах.

В Постановлении «О модельном законодательстве в Содружестве Независимых Государств» 14 апреля 2005 г. (с изменениями, внесенными постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 25 ноября 2008 года N 31-21.) прямо указывается, что в целях совершенствования межгосударственного сотрудничества государств – участников Межпарламентской Ассамблеи СНГ **по сближению и гармонизации национального законодательства**,... постановляет... утвердить Перспективный план модельного законодательства и сближения национального законодательства...

Одна из главных задач Межпарламентской Ассамблеи — формирование и сближение законодательств государств СНГ.

Надо признать, что основной целью разработки модельных законодательных актов в рамках СНГ является содействие в создании зоны

свободной торговли. При этом, в частноправовой сфере приняты следующие модельные акты: три части модельного Гражданского кодекса (29 октября 1994 г., 13 мая 1995 г., 17 февраля 1996 г.), модельные законы «О свободных экономических зонах» (09 декабря 2000 г.), «О лизинге» (14 апреля 2005 г.), «О рынке ценных бумаг» (24 ноября 2001 г.), Модельный торговый кодекс для государств-участников СНГ (3 декабря 2009 г.), Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств-участников СНГ (7 апреля 2010 г.) и другие.

Надо заметить, что в рамках СНГ принимается довольно большое количество модельных законодательных актов. Но, при этом, стоит ли говорить об их эффективности и образцовом рекомендательном характере при принятии национальных нормативно-правовых актов. Несвязанные определенными обязательствами государства-участники могут вносить существенные изменения в национальное законодательство, что в конечном итоге приводит не к единообразному регулированию однотипных правоотношений в рамках стран СНГ. К примеру, анализ ч. 3 Модельного ГК для государств-участников СНГ 1996 г. и ч.3 ГК РФ в старой редакции (от 26 ноября 2001 г. N 146-ФЗ) позволяет сделать вывод, что российский законодатель, взяв за основу норму Модельного ГК, вносит дополнение и представляет статью немного в иной вариации. В частности, в отличие от Модельного ГК к составляющим «иностранный элемент» наряду с указанием субъектов частноправовых отношений относит также *объект гражданских прав, который должен находиться за границей*. В то же время в данной статье российский законодатель не упоминает о *соглашении сторон* как правоприменительной процедуре, имеющем место в Модельном ГК.

О неэффективности гармонизации частноправовых норм в рамках разработанных модельных законов СНГ также свидетельствует издание модельного акта в нескольких редакциях. Последнее, безусловно, создает некую нестабильность самого модельного закона, поскольку за основу при разработки национального законодательства могут быть взяты разные редакции, казалось бы, одного модельного закона. К примеру, раздел V части третьей Модельного ГК «*Интеллектуальная собственность*», принятая в 1996 г. была утверждена в новой редакции в 2003 г. В 2010 г. был принят Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств-участников СНГ. При этом, необходимо понимать, что данные изменения не могут повлечь автоматического изменения в национальных законодательствах стран-СНГ, регулирующих вопросы интеллектуальной собственности. В силу этого, даже при наличии рекомендательного акта, направленного на сближение правовых систем, последнее вряд ли следует считать эффективным.

Интересным и одновременно довольно дискуссионным является идея принятия *Модельного Торгового кодекса для стран-участников СНГ*, по сути, некоторым образом подрывающим устоявшееся в рамках странах-участниках СНГ понимание целостности институтов международного частного права. В данном случае, некий дуализм частного права, т.е. разделение гражданского и торгового права, имеющий место в некоторых европейских странах, не свойственен правовым системам стран СНГ. К тому же ч.1 ст. 1 данного модельного кодекса

указывает, что сферой регулирования Модельного Торгового кодекса для стран-участников СНГ являются отношения, возникающие между лицами, осуществляющими торговую деятельность, или с их участием (торговые отношения), и отношения, связанные с государственным регулированием торговой деятельности. Здесь наряду с частноправовыми методами регулирования торговых правоотношений прослеживаются также публично-правовые механизмы, что безусловно не соответствует интересам субъектов международных частноправовых отношений. В данном аспекте, нельзя не согласиться со справедливым замечанием А.А. Богустова, что в некоторых сферах модельное законодательство СНГ бессистемно и противоречиво [2, 23].

Полагаем, что, несмотря на довольно обширный круг принимаемых в рамках СНГ модельных актов, эффективная гармонизация последних не обеспечивается в силу отсутствия налаженного механизма принятия оптимального согласования правотворчества и правоприменения, заинтересованности стран-участников СНГ не только в наличии унифицированных международных региональных актов, налагающих на них обязательство, а в вовлечении в процесс гармонизации законодательства, преодоления проблем на пути к успешной гармонизации существующих норм. Немаловажное значение в деле успешной гармонизации права в рамках СНГ также имеет отыскание баланса между социально-экономическим уровнем развития стран СНГ и принятии модельных актов, соответствующих правовой природе национальных правовых систем.

Список используемой литературы

1. Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем: автореф. ...д-ра юрид.наук. СПб., 2003. 46 с.
2. Богустов А.А. Проблемы взаимодействия модельного и национального гражданского законодательства стран СНГ // Российская юстиция. 2012. №3. С.21-24
3. Доронина Н.Г. Гармонизация права как альтернатива наднациональности в правовом регулировании экономических отношений// Журнал российского права. 2013. №10. С.134-138
4. Муратова О.В. Направления и пределы гармонизации частного права в условиях региональной экономической интеграции // Журнал российского права. - М.: Норма, 2015, № 12. –С. 139-149
5. Сенякин И.Н. Специализация и унификация Российского законодательства. Проблемы теории и практики: автореф. ...д-ра юрид.наук. Саратов. 34 с.
6. Тюрина Н.Е. Международные договоры по унификации частного торгового права как источник международного публичного права//Вестник экономики, права и социологии. 2016. №1. С.197-200.

**РОЛЬ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ В РАЗРЕШЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И
ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМ ПРАВЕ**

*Кандидат юридических наук, ассистент
кафедры теории и истории государства и права
Юридического факультета
Казанского федерального университета, Казань.*

Гильмуллин Айнур Разифович

Gilmullinainur@yandex.ru

Несмотря на то что, правовая интеграция, прежде всего, является в основном объектом для исследовательского анализа в области международного права и куда реже попадает под объективы российской теории права, хотелось все же остановиться на основных доктринально-правовых особенностях, понятии и признаках правовой интеграции в рамках теоретического анализа и попытаться обозначить роль и значение самой правовой доктрины для исследования интеграционных процессов в праве, связанных напрямую с Российской правовой системой.

Актуальность теоретического анализа правовой интеграции задают политико-правовые процессы, напрямую связанные с всемирной и всеобъемлющей глобализацией, которая продуцируется в современном миропорядке, а также мнения ряда учёных, специалистов, которые также обращают внимание на значимость интеграционных процессов и их развитие. К примеру, как справедливо отмечает Председатель Конституционного Суда России *Зорькин* Валерий Дмитриевич: «демократическое и правовое государство в современном мире не может быть полностью, абсолютно суверенным в первоначальном понимании этого слова». Профессор Казанского университета *Абдуллин* Адель Ильсиярович говоря о региональных организациях экономической интеграции и роли международных судов в их развитии, пишет: «проблематика правового обеспечения интеграционных процессов является одной из наиболее актуальных в современном международном праве в связи с тем, что абсолютное большинство государств мира входит в те или иные интеграционные образования» [11]. *Давлетгильдеев* Рустем Шамилевич, говоря о международно-правовом регулировании труда на региональном уровне в своем диссертационном исследовании, также обращает внимание на «приобретение большого значения правовых норм, разработанных в рамках региональных международных организаций, включая региональные интеграционные объединения, такие как Европейский Союз, АСЕАН, Евразийский экономический союз, и другие» [5]. Кроме того, интеграционные объединения, т.е. сообщества государств, Рустем Шамилевич определяет как «продвинутое формы экономического сотрудничества ...», тем самым настаивая на их актуальности, потенциале и допустимости.

Рассматривая основные особенности правовой интеграции нельзя не отметить, что историческое развитие интеграционных процессов было продиктовано развитием и становлением государственных институтов в области международного сотрудничества, в том числе в рамках Совета экономической взаимопомощи, где в основном на повестке дня стояли вопросы экономического характера. Но, как показывает практика последних десятилетий, такая тенденция продлилась недолго и уже сегодня не сложно заметить, что интеграционные процессы стали предметом для анализа разных исследований и областей наук, тем самым приобрели универсальный характер. В частности, практика Европейского союза показала, что интеграция, изначально обусловленная только экономическими связями, со временем приобретает более тесное взаимодействие, в том числе и в области права.

Несмотря на столь высокий интерес со стороны представителей разных областей наук и отраслей юридической науки, видится важным обратить внимание на доктринально-правовые подходы к пониманию самого термина «правовая интеграция», поскольку, как видится исходя из научных источников, ученые-юристы не акцентировали особого внимания на формулировке дефиниции этого термина с юридической точки зрения [2].

В частности, профессор *Курбанов* Рашад Афатович отмечает, что в доктрине отсутствует единство в понимании правовой интеграции, однако правовая сфера сотрудничества государств осуществляется в рамках каждого регионального образования [7].

При этом, сам Рашад Афатович под региональной правовой интеграции предлагает понимать – «сотрудничество государств, направленное на правовое закрепление интеграционных процессов в различных сферах их взаимодействии посредством рецепции, как процесса прямого заимствования одним государством – членом интеграционного образования крупных правовых комплексов правовой системы другого ее участника, гармонизации как целенаправленного процесса сближения правовых систем в целом или же в пределах отдельных отраслей права, установления общих (единых) институтов, а также процесс, направленный на устранение неоправданных несоответствий), унификации, где нормы в полном объеме без их редактирования включаются в национальное законодательство стран – членов региональной организации и тем самым «включаются» в его правовую систему) и стандартизации, как одной из форм интернационализации национальных законодательств, представляет собой установление в целях достижения упорядоченности в сферах производства и обращения продукции и повышение конкурентоспособности продукции, работ или услуг единых (общих) правил и характеристик для их добровольного многократного использования) или на создание единого правового пространства участников региональных организаций» [7].

Некоторыми зарубежными авторами термин «интеграция» понимается как, «одновременно процесс и состояние, имеющее тенденцию заменить раздробленные международные отношения, состоящие из независимых единиц, новыми более или менее широкими объединениями [14].

Говоря непосредственно о самой интеграции, следует отметить, что термин «интеграция» имеет латинские корни (*integrum* - *целое*, *integratio* - *восстановление, восполнение*) и в общем смысле означает сплочение, объединение.

Кроме того, согласно энциклопедическим данным, а именно: «Большой советской энциклопедии» интеграция это - состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию [3]; философскому энциклопедическому словарю – это «процесс или действие, имеющие своим результатом целостность; объединение, соединение, восстановление единства» [13]. Аналогичное понимание интеграции даётся и в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, где под интеграцией также понимается «объединение в целое каких-нибудь частей или элементов в процессе развития» [12].

Некоторые авторы, при исследовании «интеграции» отождествляют этот термин с «конвергенцией». Так, уже упомянутый Прокошин Василий Алексеевич рассматривает правовую интеграцию (процесс сближения двух или более структур, направленный в сторону взаимного сотрудничества) как элемент «конвергенции», понимаемый им как «термин, используемый в праве, экономике для обозначения сближения социальных систем различных стран, особенно в условиях глобальных трансформаций» [9]. То есть, Василий Алексеевич, и интеграцию, и конвергенцию, понимает как *процессы сближения ... структур, систем...*, т.е. как динамический процесс. Тогда как, другие авторы напротив различают эти термины, ссылаясь на различные источники, указывающие на определение термина «интеграция», как на *результат, факт, последствия* самого процесса, т.е. непосредственно как на статистическое состояние. Кроме того, Василий Алексеевич рассматривает правовую интеграцию (в отличие от конвергенции) в более широком смысле, под которой понимает «формирование некоторого целостного комплекса управленческих систем на межгосударственном уровне» [9].

При этом, Захарова Мария Владимировна отмечая, что: «особым случаем конвергенции права становится конвергенция права в рамках интеграционного права» [6], различает понятия конвергенция и интеграция. Некоторые авторы, указывая на то, что «международно-правовая интеграция есть метод конвергенции правовых систем, предполагающий использование специальных международно-правовых средств с целью достижения единства правового регулирования интеграцию» [6], рассматривают интеграцию сугубо как метод правовой конвергенции.

В рамках настоящего анализа, стоит выделить некоторые формы правовой интеграции, которые, по мнению некоторых ученых, представляются значимыми для социально-экономического развития государств, а именно: политику и институты, посвященные вопросам занятости, образования, окружающей среды, трудовым нормам, правам человека, гендерному равенству и другим социальным целям... [5], т.е. если рассматривать эти формы обобщенно, синтезировано то видно, что в основе всех этих форм находится человек с его правами на благоприятное существование и со своим свободным анализом жизни и творческим потенциалом.

Несомненно, стоит согласиться с доводами авторов, которые справедливо утверждают, что именно право призвано быть гуманным интегрантом государств и их правовых систем» [10]; именно право должно осуществлять

функцию «упорядочения и стимулирования интеграционного процесса, консолидации его содержательных и организационных структур» [8]. Именно право определяет статус и сферу деятельности главных действующих лиц в условиях интеграции, контролирует, а при необходимости и ограничивает их действия, выполняет роль своеобразного нормативного регулятора во взаимоотношениях между участниками интеграционного процесса [15].

Кроме того, создание консолидирующего управления на основе правовой интеграции (конвергенции) как ядра теории консенсусного и управленческого права включает в себя разнообразные аспекты правовой жизни человека, народа и общества. Речь идет о научном достижении, которое позволяет юридической науке иметь новые конкурентоспособные результаты, охватывающие стратегический круг управленческих проблем, возникающих в процессе формирования инновационного государства и рыночных трансформаций [9].

Переходя непосредственно к теме анализа, т.е. к роли правовой доктрины в разрешении теоретических проблем правовой интеграции в международном и внутригосударственном праве, важно отметить, что процессы связанные непосредственно с правовой интеграцией, глобализацией и т.д., т.е. процессы напрямую связанные с социально-значимыми вопросами требуют более детального, взвешенного и точного анализа и регулирования со стороны правовой доктрины, поскольку научная доктринально обоснованная мысль способна повлиять на подходы: к организации правовой интеграции и действия по повышению эффективности интеграционных процессов связанных с упорядочиванием отношений между индивидами, группами, организациями, государствами и т.д.; по выработке необходимых «инструментариев» для решения социально-государственных задач, как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровнях; а также, в конечном итоге, как утверждал профессор *Вельяминов* Георгий Михайлович, к созданию единого мирового хозяйства [4].

Говоря конкретно о правовой доктрине, необходимо обозначить его особенности и признаки, которые непосредственно определяют её значимость для современной теории правовой интеграции и возникающей на её основе всей социально-государственной практики.

Так, правовая доктрина в обществе и государстве проявляется по следующим направлениям: 1) в процессе реконструирования и совершенствования социально значимой и правовой практики (налогообложение, пользования интернетом, выборов и т.д.); 2) является критерием определения правомерности и эффективности субъектов правореализации, в том числе, правоприменения; 3) используется в ситуациях, где имеются правовая неопределенность, пробелы в правовом регулировании, коллизии в праве; 4) формирует правовое мировоззрение и правовую культуру как практикующего юриста, так и любого социально ответственного и интересующего правом гражданина; 5) является методологической основой научно-исследовательской деятельности человека.

Правовая доктрина на основе национальной и международной преемственности проявляется в форме теоретико-правового знания, которое содержит правовые конструкции (фундаментальные и конкретно-теоретические идеи, концептуальные положения, принципы, аксиомы). Эти конструкции: отражают закономерности функционирования социально-правовой действительности, в том числе специфику организации и функционирования

механизма государства; проверены на практике в процессе взаимодействия на основе права общества и государства; поддерживаются юридическим сообществом; закреплены в научных текстах; частично легализованы в нормах-идеологемах объективного права (доктрины, стратегии, концепции, программы и т.д.), в правовых позициях высших судов, документах международного права, кодексах этики, а также в документах о стратегии развития общества и государства.

На современном этапе научной мысли закономерно перечислить признаки для определения правовой доктрины как источника права. Как источник права, правовая доктрина характеризуется следующими признаками: обладает юридической силой тем самым выступает общеобязательной; в основном индивидуализирована, говоря об авторстве правовой доктрины; 3) сфера реализации - правовая политика, но в некоторых правопорядках реализуется и через судебную практику; 4) правовая доктрина характеризуется подкреплённостью правовыми традициями и правовой семьей; 5) правовая доктрина должна быть наполнена исключительно правовым содержанием; 6) сочетает теорию и юридическую практику; 7) правовая доктрина должна быть устойчива и обладать определённостью.

Как уже было отмечено выше, в правовой интеграции, в отличие от других видов социальных интеграций, в основе находится именно правовое, т.е. законодательное регулирование, поскольку именно через законы реализуются основные функции и задачи государства по урегулированию наиболее значимых сфер деятельности общества и максимально упорядочиваются общественные отношения. Именно, в области правового (законодательного) регулирования можно выделить основные особенности проявления правовой доктрины, а именно, в качестве: источника концептуальных положений о реформировании законодательства; научного критерия экспертной оценки в процессе разработки, систематизации, обосновании и проверке законопроекта на предмет соответствия вызовам регулируемой практики; теоретической основы - элемента правосознания конкретного законодателя и иного публичного субъекта, определяющего правомерные и эффективные действия (бездействия) на всех стадиях законотворческого процесса.

Интеграционные процессы в области права требуют для своей реализации не только выработки правовых категорий и дефиниций, а нуждается в фундаментальных положениях, в векторах развития, в методологической основе и принципах их организации, т.е. во всем том, что непосредственно образуется и содержится в правовой доктрине. В частности принципы, как первооснова организации интеграционных процессов, являются конкретным проявлением правовой доктрины потому, что идеи в форме принципов и их обоснование - неотъемлемая составляющая правовой доктрины. Принципы необходимы правовому пространству в силу того, что они, по своей природе, способны систематизировать и придать вектор развития правовым отношениям, возникающим отношений между индивидами, группами, организациями, государствами.

Кроме того, как отмечается в юридическую науку, развитие интеграционных процессов, происходящее в современном мире, появление достаточно большого количества новых региональных организаций активно сопровождается созданием механизмов разрешения споров, в качестве которых выступают региональные суды и трибуналы. И это представляет собой достаточно интересный феномен в связи с тем, что региональные механизмы разрешения споров самым непосредственным образом затрагивают интересы конкретных суверенных государств [11].

Несомненно, как показывает современная практика, вместе с возрастанием запросов на судопроизводство и соответственно учреждение судебных органов в результате интеграционных процессов, возрастает и роль современной правовой доктрины, которая может выступать правовым индикатором юридических концепций и положений для органов правосудия. В данном случае, можно вести речь о том, что в сфере организации и деятельности органов судебной власти правовая доктрина проявляется: как методологическая основа при определении границ судейского усмотрения, в частности при пробелах в праве, коллизии норм права, выявлении дефектных норм права, в том числе коррупциогенных норм; как элемент выработки алгоритмов принятия решений, теоретических обоснований, лежащих в основе выводов принимаемых судебных актов; детерминантом по обобщению судебной практики и руководящих разъяснений, носящих научно аргументированный характер, содержащих не произвольное, а социально значимое и теоретически выверенное объяснение; как основное начало различных регламентирующих актов о статусе и положении в правовой системе субъектов, участвующих в осуществлении правосудия (к примеру, кодекс судейской этики и т.д.).

Именно поэтому доктрина как совокупность идей, принципов, положений, абстрактных конструкций и персональных взглядов на концептуальные положения, разработанные и установленные учёными по тем или иным явлениям нашего мира, выступает вектором развития не только для правовой науки, но и для всей правовой жизни общества и государства, в том числе, для развития статистических и динамических элементов сближения субъектов интеграции.

Правовая доктрина представлена не как нечто отвлеченное и мимолетное, а как фундаментальный правовой элемент, нацеленный на построение в концептуальном теоретическом ключе юридических конструкций и правовых механизмов, напрямую или опосредованно связанных с проблемами правовой интеграции в международном и внутригосударственном праве, а также, с государственным строительством и развитием социума.

Список используемой литературы

1. Безбородов Ю.С. Методы международно-правовой конвергенции // Российский юридический журнал. – 2015. № 4. С. 30-37.
2. Безбородов Ю.С. Юридическая глобалистика в международно-правовой доктрине // Проблемы международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы межгосударственного сотрудничества: Межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2011. Вып. 3. С. 88.1. Региональные аспекты

интеграции: Европейский союз и Евразийское пространство: Монография = Regional aspects of integration: European Union and Eurasian space : Monograph / К. Malfliet, А.И. Абдуллин, Г.Р. Шайхутдинова [и др.] ; отв. Ред. Р.Ш. Давлетгильдеев. – Москва: Статут, 2019. – 239 с.

3. Большая советская энциклопедия. М., 1969 – 1978.

4. Вельяминов Г.М. Социалистическая интеграция и международное право. М., 1982. С. 22.

5. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое регулирование труда на региональном уровне: Дисс. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.10.: Казань, 2016.

6. Захарова М.В. Конвергенция и конкуренция правовых систем мира // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. № 4 (44). С. 19-27.

7. Курбанов Р.А. Правовая интеграция // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. № 2. С. 176-179.

8. Усенко Е.Т. Интеграция как всемирно-исторический процесс и международное право // Московский журнал международного права. 1992. № 1. С. 36.

9. Право и межгосударственные объединения / В.Г.Вишняков, В.А.Егиазаров, Ю.А.Королев и др. / Под общ. ред. В.Г.Вишнякова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 12.

10. Прокошин В.А. Правовая интеграция (конвергенция) в управлении как средство сплочения народов // Право и управление. XXI век. 2015. – 2 (35). С. 17-22.

11. Региональные аспекты интеграции: Европейский союз и Евразийское пространство: Монография = Regional aspects of integration: European Union and Eurasian space : Monograph / К. Malfliet, А.И. Абдуллин, Г.Р. Шайхутдинова [и др.] ; отв. Ред. Р.Ш. Давлетгильдеев. – Москва: Статут, 2019. – 239 с.

12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940.

13. Философский энциклопедический словарь. М., 1997. С. 181.

14. Gonidec P. – F., Charvin R. relations internationales. Paris, 1984. P. 435.

15. Cappelletti M., Seccombe M., Weiler J. Integration through law: Europe and the American federal experience (3 vols.). New York: De Gruyter, 1986. Vol. 1. Book 1. P. 4.

УДК: 327.8(5-191.2)

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

*Кандидат исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой международных отношений и права,
Дипломатической Академии им. К.Дикамбаева
Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, Бишкек.*

Джоробекова Айнуր Эшимбековна
donzhora1967@gmail.ru

Аннотация. В настоящей статье представлен субъективный взгляд на отдельные аспекты исторического статуса Евразии. Так, интересы стран Центральной Азии под воздействием националистических стереотипов принимают иррациональный характер. Любая смена политических элит или политический кризис в какой-либо стране региона ставит вопрос о её внешнеполитическом курсе на мировой политической арене. Дается краткий анализ геополитического и экономического присутствия внешних сил мирового и регионального уровня в регионе, где отмечается, что с одной стороны, данное положение дел способствует решению целого ряда экономических проблем молодых государств, а с другой стороны – не способствует их интеграции.

Ключевые слова. Евразия, иррациональный характер, геополитические координаты, безопасность, интеграция, националистические настроения.

Совокупность объективных процессов и субъективных действий оказывает свое влияние на формирование геополитических координат Евразии и ее региональных процессов. Пространство Центральной Азии является объектом внимания и действий различных акторов мировой политики. Их внимание можно объяснить как объективными, так и субъективными причинами – интересами этих акторов и интересами государств Центральной Азии. Ситуацию в Центральной Азии следует рассматривать с двух сторон. С одной стороны, у государств-участников СНГ есть совпадающие жизненно важные интересы и такие общие для них проблемы, как необходимость обеспечения безопасности, развития национальных экономик и интеграции в мировую экономику. С другой стороны, у каждого из государств Центральной Азии существуют специфические условия их развития и имеются свои особые интересы. Причем, последние не всегда рационально осознаются или порой под воздействием националистических стереотипов принимают иррациональный характер. Любая смена политических элит или политический кризис в той или иной стране региона, возможные внешние влияния иностранных держав (например, появление военных баз НАТО, США, Турции в Центральной Азии) автоматически ставят вопрос о будущем геополитическом курсе ряда государств региона.

Совокупность объективных и субъективных причин приводят к тому, что все государства Центральной Азии, начинают ориентироваться на развитие внешних связей преимущественно за пределами Евразии.

Изначально можно было ожидать, что распад сверхдержавы вызовет нарушение устойчивости системы международных отношений – изменение мирового геополитического баланса сил и региональных балансов по периферии Евразии. Это простимулирует процесс заполнения геополитического вакуума в Евразии субъектами мировой и региональной политики как способ восстановления устойчивости мировой международной системы. В свою очередь, глобализация интеграционных процессов предопределило втягивание в эти процессы самой Евразии. Вполне закономерно восстановление исторических и культурных связей евразийских периферий с соседними регионами, странами и народами.

В целом геополитическое и экономическое присутствие внешних сил мирового и регионального уровня, а также других государств, с одной стороны, способствует решению целого ряда экономических проблем молодых независимых государств Центральной Азии, а с другой – не способствует их интеграции. Напротив, ориентация на внешние силы стимулирует центробежные процессы и создает условия для изменения региональной конфигурации Евразии.

Связанные с глобализацией интеграционные процессы ставят вопрос о месте и роли национального государства в мировом пространстве. В настоящее время оно становится более открытым и имеет тенденцию к включению в региональные и трансрегиональные структуры. Но интенсификация интеграционных процессов в регионах не означает, что национальные государства имеют тенденцию к растворению в региональной общности. Напротив, сохранение национальных государств как субъектов международных отношений является необходимым условием для поддержания стабильности этой системы, если в этом случае рассматривать государство как один из институтов, организующих региональное пространство.

Причем, с одной стороны, им необходимо завершить процесс национальной консолидации и самореформирования, а с другой стороны – интегрироваться в мировое пространство и адаптироваться к процессам глобализации. Задача стоит далеко не простая, и она решается в ходе формирования национальных стратегий развития. Последние определяются культурно-цивилизационными и геополитическими факторами, а также особенностями переходного периода развития.

В политическом плане следует также учитывать, что в общественных и политических кругах названных стран присутствуют как пророссийские, так и антироссийские настроения. Они отражают не только типичные для начального периода становления государства подъем национальных чувств и рост амбиций элит. Существует попытка восстановить прежние исторические связи с сопредельными странами, которые рассматриваются как более предпочтительные, нежели отношения с Россией, с точки зрения желаемой идентификации и экономической и политической конъюнктуры.

Стратегия стран Центральной Азии определяется геополитической ситуацией в своих субрегионах, где издавна пересекались интересы целого ряда великих исторических империй, а в настоящее время – интересы региональных и мировых держав. При этом политически, экономически и в культурном отношении

новые независимые государства Центральной Азии продолжают оставаться частью евразийского пространства и сохраняют определенную зависимость от России.

Нельзя не учитывать, что у некоторых политических элит центральноазиатских государств присутствуют националистические настроения, характерные для всех молодых государств, проходящих начальный этап утверждения своего суверенитета и опасющихся реставрации «империи». Суть позиции представителей таких взглядов сводится к тому, что экономическая интеграция на территории Евразии ослабит суверенитет их стран и затруднит развитие отношений с другими регионами земного шара.

Государства Центральной Азии имеют соглашения с Россией и западными государствами, в которых гарантии их независимости присутствуют.

Следует отметить и то, что США и западноевропейские государства рассматриваются в странах Центральной Азии как дополнительный гарант их независимости от России, а также как спонсор их национальных экономик.

Общей стратегией всех государственных режимов Центральной Азии стала нейтрализация политической составляющей исламского движения. Очевиден факт присутствия исламского компонента в современных культурных, социальных и политических процессах ЦА. Исламский ренессанс на постсоветском пространстве не является чем-то исключительным, а вписывается в общемировую тенденцию и представляет собой часть глобализации.

Возможности исламского возрождения в Евразии в процессах нациостроительства были сравнительно быстро исчерпаны. В этой конкурентной борьбе рождаются новые региональные элиты, а некоторые старые приобретают новые качества. Речь идет о новой философии национальной стратегии развития и внешней политике. В ее формировании начинают участвовать различные экономические элиты, имеющие отношение к разработке и транспортировке нефти и газа на внешние рынки.

Новизна современной международной среды в Центральной Азии состоит в освобождении малых и средних стран региона от пассивной роли объектов воздействия со стороны крупных держав. За два десятилетия после распада СССР малые и средние страны Центральной Азии прошли большой путь к формированию рациональной внешней политики. Большинство из них смогло сформулировать более или менее убедительные внешнеполитические концепции, даже если не всем им был придан официальный статус — будь то различающиеся между собой версии постоянного нейтралитета Туркменистана и Киргизии, варианты доктрин регионального лидерства Казахстана и Узбекистана или концепция национальной безопасности Таджикистана.

Он сочетается с их возможностями и спецификой международных условий, в которых они развиваются. Главное из этих условий (благоприятных, но и затратных для малых стран) — рыхлая международная среда, в которой в течение 20 лет Россия, Китай и США не имели возможности и желания жестко привязать местные страны к своей военно-политической стратегии.

Руководствуясь осторожностью или представлениями о достойном поведении государства Центральной Азии избегают перегибов. Дистанцируясь от России и образов «частей бывшего СССР», страны региона избежали соблазна провозгласить себя «частью Запада». Увлечение сначала Турцией, а потом Китаем

не спровоцировало их ни на «следование Китаю», ни на путь превращения в элементы «пан-туранского пространства».

Ограничив влияние России, страны региона не допустили деградации отношений с ней, сохранив возможность при необходимости прибегать к ее ресурсам (финансовым, технологическим, людским, политико-дипломатическим и иногда военным). Взамен они позволяют России пользоваться своим потенциалом — пространственно-геополитическим и отчасти энергосырьевым. Местный национализм, окрасившийся колоритом ислама и местных доисламских культур, в целом не отлился ни в религиозный экстремизм, ни в светскую ксенофобию и шовинизм. Позитивную роль в этом смысле сыграли мощное советское просветительское и культурно-атеистическое наследие, присущая СССР традиция надэтнической социально-групповой солидарности в сочетании с оазисной культурой терпимости к говорящим на ином языке.

Местные страны освоили и продолжают осваивать тактику поведения государств нейтралистского и условно нейтралистского типа.

Отчасти сходным образом страны Центральной Азии добиваются уменьшения зависимости от России как покупателя и транспортировщика их энергоносителей. Но это не мешает им желать оставаться под «зонтиком» ОДКБ, которая остается скорее политическим, чем военным институтом.

В целом ситуация ориентирует малые и средние государства на политику, характеристиками которой являются прагматизм, гибкость, дипломатическое лавирование, уход от обременительных внешних обязательств, стремление привлечь помощь более богатых стран. Ради нее они торгуются по поводу встречных уступок — с Россией, США, Индией, Китаем или богатыми исламскими государствами. *Центральноазиатские государства в то время хотели увеличения пространства свободы рук в отношениях с Москвой, а не полного отделения от России.*

Прагматизм в политике стран Центральной Азии соседствует с исторической памятью, в которой негативные ассоциации уравниваются весомым комплексом представлений о позитивном наследии отношений с Россией. Взлет культурного и образовательного уровня, создание систем охраны здоровья, создание основ, на которых возможно формирование современной политической системы, — плоды пребывания центральноазиатских стран в составе СССР.

Советская система действовала в Центральной Азии так же деспотично, как и на всем остальном пространстве Советского Союза. В этом смысле она — общий источник бед всех народов СССР. Но, при всех пороках, она хорошо подготовила Центральную Азию для избирательного и дозированного восприятия новаций 1990-х годов, когда бывшие союзные республики стали независимыми государствами.

Однако и в таком восприятии региона превалирует «объектное» отношение к малым и средним странам. Американские и евросоюзовские политики и ученые оценивают ситуацию в этой части мира через призму того, что выгодного или опасного она может сулить. Немалая часть российских и китайских государственных деятелей и экспертов фактически остается на такой же позиции, с

соответствующими поправками на Россию и Китай. В качестве субъектов международной политики малые и средние государства до сих пор мало кого интересовали.

Исследователи в лучшем случае стремились оценить, насколько они могут помешать или поспособствовать реализации целей больших держав. При этом каждая крупная страна старалась составить представление о том, при помощи каких рычагов можно расширить влияние на региональную ситуацию. Американским аналитикам всемогущим инструментом казалась демократизация, в том числе революционная — сначала «исламско-демократическая», а потом «майданно-площадная». Российские и китайские ученые выступали за консервативные версии реформ экономических систем центральноазиатских стран и их политического устройства. Оптимальным вариантом стабилизации ситуации при благоприятном для России и Китая ее протекании казался умеренно-реформистский курс при балансировании между избирательной политической либерализацией или использованием рыночных механизмов под контролем государства.

Малые и средние страны вынуждены лавировать. Однако вектор маневрирования не исчерпывал смысл их внешних политик. Местные государства тяготеют к нейтралитету. В 1990-х годах о нем официально попытались заявить Туркменистан и Кыргызстан. Правда, о классическом нейтралитете Швейцарии и Швеции в местном контексте говорить не приходится. В регионе сохраняются источники угроз — со стороны Афганистана, экстремистов в Фергане и потенциальной нестабильности в исламских регионах Китая. Опыт Узбекистана, Таджикистана и самой Кыргызстана свидетельствует в пользу иллюзорности классического нейтралитета в этой части мира. Нейтралитетскими являются внешнеполитические концепции всех центральноазиатских стран. Таковы доктрины «многовекторной политики» и политики «открытых дверей» в Таджикистане, концепции «дипломатии шелкового пути» и региональной безъядерной зоны в Кыргызстане, нейтралитета Туркменистана, «евразийства» Казахстана. Узбекистан придерживается логики «свободы рук и союзов», которая тоже представляет собой вариант «потенциального нейтралитета».

Вот почему в осмыслении перспектив нейтралитета центральноазиатские страны могут рассчитывать скорее на вариант «умеренно вооруженного нейтралитета». Такой вариант при определенных обстоятельствах мог бы устроить все страны региона, включая Казахстан и Туркмению. Но в силу военно-политических реалий такой вариант непригоден для немедленной реализации. Страны региона включены в многосторонние отношения с Россией через ОДКБ, а также с Россией и Китаем через ШОС. Правда, гибкость обязательств по этим договорам и неразработанность практики их применения позволяют входящим в них странам оставаться самостоятельными в сфере внешнеполитического поведения. Оба договора являются больше механизмами координации и профилактики угроз, чем боевыми организациями, способными к быстрой мобилизации ресурсов входящих в них стран.

В то же время наличие этих структур дает малым и средним странам желанные для них гарантии внутренней и международной безопасности. Причем они сохраняют возможность по своему усмотрению дозировать практическое

участие в сотрудничестве с Россией и Китаем, не отказываясь от балансирования и ориентации на нейтралитет в принципе.

Соединение во внешних политиках центральноазиатских стран линии на партнерство с Россией и Китаем, с одной стороны, и стремлением независимо от них развивать сотрудничество с США и ЕС, не участвуя в военном сотрудничестве вне пределов минимальной необходимости безопасности, характеризует тип внешнеполитического поведения, который можно назвать *потенциальным* или *отложенным* нейтралитетом. Этот принцип *фактически* стал после 1991 г. системообразующим элементом международных отношений в Центральной Азии.

Нельзя не учитывать целесообразность и неизбежность укрепления связей между всеми народами огромного Евразийского континента, поскольку обеспечить его политическую, экономическую и информационную безопасность без укрепления внешнеполитических и внешнеэкономических связей всех уровней просто невозможно.

В целом же можно говорить, что Евразия все более втягивается в процессы мировой глобализации, роста взаимосвязанности стран, государств и регионов во времени и пространстве. Все это станет важным шагом на пути создания из евразийского пространства одного из наиболее перспективных регионов нового столетия – геополитического и геоэкономического звена мировой системы.

Так или иначе, но, очевидно, требуется определенная корректировка внешней политики стран региона и дополнительное согласование интересов с другими государствами Евразии. В какой-то степени исторический статус Евразии проходит дополнительную проверку.

Список используемой литературы:

1. Гарбузарова Е. Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах. Москва 2019 г. <https://urss.ru/cgi-bin/db>.
2. Европа и Россия: проблемы южного направления. М., 1999. С. 30.
3. Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье: интеграция и конфликты. М., 1995. С. 112.
4. Кулматов К.Н. Приоритеты внешней политики России и современные международные отношения. М., С. 135 - 138, 144 – 145; Рудов Г.А. Нам суждено жить вечно в дружбе. М., 2002. С. 73 – 89.
5. Максименко В. Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства. – Центральная Азия и Кавказ. 2000, № 3;
6. Малашенко А.В. Мусульманский мир в СНГ. С. 95-105; см. также: Трофимов Д. Исламский фактор и проблемы внутренней стабильности в Центральной Азии. М., Вестник МГУ. Востоковедение.1996, №2.С.80.
7. Панкратьев В.П. Центральная Азия и Запад. – Центральная Азия в системе международных отношений. М., 2004. С. 64 - 81.
8. Попов Д.С. Центральная Азия во внешней политике США 1991–2016 гг. Москва 2016 г. <https://riss.ru/wp-content/uploads>

9. Шодиев Х, Asia-Plus. Национальные стратегии новых государств Центральной Азии - какие они? -[Электронный ресурс]-Режим доступа: <http://www.sarportal.ru/article:49208>
10. Хесс М. Центральная Азия: возвращение к идеям Маккиндера? – 2004. № 1. С. 113 – 117.
11. Шоберлайн-Энгех Д. Перспективы становления национального самосознания узбеков. - Восток, 1997, № 3. С. 2, 53.
12. Чжэньпэн Лян, Троякова Т.Г. Эволюция политики КНР в отношении стран Центральной Азии (1990-2018 гг.) Москва 2018 г. <https://cyberleninka.ru>

**О ПРИВЕДЕНИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СФЕРЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СООТВЕТСТВИЕ С
ТРЕБОВАНИЯМИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И
НЕОБХОДИМОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ**

*Кандидат юридических наук, главный советник
Управления Президента Республики Татарстан
по вопросам антикоррупционной политики,
ассистент кафедры международного и европейского права
Юридического факультета
Казанского федерального университета, Казань*
Рахимов Салават Фоатович
salavat.rahimov@tatar.ru

В настоящее время мировое сообщество осознало, что коррупции, как общераспространенному негативному социальному явлению можно эффективно противостоять только объединенными усилиями государств, международных организаций при своевременной актуализации законодательства и повышении эффективности действующих правоприменительных антикоррупционных практик.

На современном этапе развития общества на высшем уровне признается, что коррупция приняла масштабный характер и наносит серьезный ущерб не только социально-экономическому благополучию государств, но и безопасности стран в целом, в том числе и Российской Федерации.

В России вопросы противодействия коррупции всегда остаются во внимании как руководства страны, хозяйствующих субъектов, так и населения в целом. В этой связи насущным вопросом является совершенствование законодательства о противодействии коррупции, а также разработка актуальных механизмов его реализации.

Являясь одной из системных угроз общественной безопасности, коррупция существенно затрудняет нормальное функционирование государственных органов и органов местного самоуправления, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации российской экономики, вызывает серьезную тревогу в обществе и недоверие к государственным институтам [11].

Не случайно в преамбуле Конвенции ООН против коррупции [8] говорится, что коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран [14].

Однако рассматривая международно-правовые основы противодействия коррупции, в первую очередь следует отметить Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности – первый универсальный международный договор, предписывающий государствам-участникам осуществлять конкретные меры против коррупции и раскрывающий содержание

многих базовых дефиниций в сфере антикоррупционной деятельности [10]. Положительно оценивая принятие и присоединение России к указанному международному акту, стоит отметить, что он, будучи универсальным по кругу участников, сконцентрирован преимущественно на уголовно-правовой сфере и не охватывает всех сторон противодействия коррупции.

Свойства универсального и всеобъемлющего характера получила Конвенция ООН против коррупции, которая по сравнению с Конвенцией против транснациональной организованной преступности имеет распространение на более широкий круг правоотношений и наряду с прочим содержит рекомендации по разработке и осуществлению государствами-участниками эффективной и скоординированной политики противодействия коррупции.

Если говорить о Российской Федерации, то она более десяти лет назад ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции, и с тех пор противодействие коррупции возведено в ранг государственной политики [18].

Отдельно необходимо отметить, что в числе соглашений, действующих в пределах европейского региона и являющихся обязательными для России, необходимо указать Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию [7]. Большинство положений Конвенции, прежде всего те, которые касаются признания в законодательстве государств деяний в качестве уголовных правонарушений, начинаются с того, что «...каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться...». Подобная формулировка не предусматривает возможности выбора действий для участников соглашения, что свидетельствует об императивном характере юридических норм, содержащихся в данной конвенции. Органом, полномочным осуществлять мониторинг выполнения указанной конвенции, является Группа государств против коррупции (ГРЕКО). Однако вопросы профилактики коррупционных проявлений, включая формирование антикоррупционной политики, находятся за пределами ее действия.

Другим международным договором, заключенным в Европе и не имеющим универсального характера, является Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок [9]. Данная Конвенция была принята в рамках Организации экономического сотрудничества и развития – международной межправительственной организации, основная деятельность которой направлена на оказание содействия динамичному развитию экономики в странах-членах и в странах, не являющихся членами, и оказание содействия расширению мировой торговли на многосторонней, недискриминационной основе в соответствии с международными обязательствами. Данная конвенция также ратифицирована Российской Федерацией [17].

Несмотря на то, что не все международные правовые акты, действующие в пределах европейского региона, являются обязательными для нашей страны, Российская Федерация, будучи членом Совета Европы, добровольно выполняет принятые на себя обязательства и следует рекомендациям, в том числе в области противодействия коррупции.

В целом, по мнению экспертов Совета Европы, реформирование внутригосударственного законодательства в сфере противодействия коррупции должно быть направлено на создание правовой базы, предусматривающей применение уголовных или гражданско-правовых санкций, но может включать и

принятие законов, направленных на усиление прозрачности и подотчетности (например, законы об имуществе госслужащих, о свободе выражения мнения и свободе СМИ, финансировании политических партий и избирательных кампаний). Другие важные отрасли регулирования – конфликт интересов и законодательство о государственных закупках. Что касается специализированных антикоррупционных органов, для их создания и функционирования также должна быть разработана четко сформулированная правовая основа [1].

Нельзя не согласиться с мнением, что на постулатах международно-правовой антикоррупционной политики строится внутригосударственная антикоррупционная политика Российской Федерации. Вместе с тем ее формирование и реализация имеет определенную специфику, связанную с особенностями экономического и политического развития России; принятием Конституции РФ 1993 г. и планомерным внедрением основ конституционного строя в правовую жизнь государства и общества, обусловленную многонациональной структурой российского общества, федеративным устройством государства, не имеющим аналогов в зарубежной практике, и многими другими особенностями, получившими отражение в конституционном и текущем законодательстве, подзаконной правотворческой деятельности, региональном законодательстве, судебных решениях прецедентного характера [6].

Реализация эффективной государственной антикоррупционной политики предусматривает применение комплексного подхода, предполагающего одновременную проработку проблемных аспектов противодействия коррупции на всех направлениях государственной деятельности: от совершенствования законодательства, работы правоохранительной и судебной систем до правового просвещения граждан и воспитания в них нетерпимости к любым проявлениям коррупции. Особенно важна целенаправленная работа в сфере предотвращения (урегулирования) конфликта интересов и в этой связи необходима системная работа, осуществляемая органами власти в субъектах Российской Федерации.

В Российской Федерации система мер противодействия коррупции охватывает различные уровни управления. Однако если раньше речь преимущественно шла только о лицах, замещающих государственные и муниципальные должности, государственных и муниципальных служащих, то в настоящее время сделана решительная попытка в сферу антикоррупционных запретов, ограничений и обязанностей включить помимо руководителей и работников государственных компаний и корпораций, организаций, созданных для выполнения поручений федеральных государственных органов, работников государственных учреждений, а также частных организаций, которые применяют меры по недопущению коррупции. В то же время необходимо признать, что в большинстве случаев традиционно в российском законодательстве основной упор сделан на систему антикоррупционных запретов, ограничений и обязанностей, установленных для отдельных категорий лиц или сфер деятельности [15]. В этой связи целесообразно отметить, что в деле совершенствования антикоррупционной политики, а также повышения качества реализации антикоррупционных мер важно особое внимание профилактическим мерам, направленным на превенцию

коррупционных проявлений, таких как, например, конфликт интересов. И здесь немаловажна работа, выполняемая на уровне субъектов Российской Федерации.

В частности, в Республике Татарстан работа по совершенствованию законодательства в соответствии с требованиями и изменениями федерального законодательства в части предотвращения (урегулирования) конфликта интересов организована своевременно. В частности, необходимо обратить внимание на следующие нормативные правовые акты:

Законом Республики Татарстан «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Татарстан» дополнена статья 8 Закона Республики Татарстан «О государственных должностях Республики Татарстан» частью 2.1, которая гласит, что «лица, замещающие государственные должности Республики Татарстан, обязаны сообщать о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, а также принимать меры по предотвращению или урегулированию такого конфликта» [4]. Закон Республики Татарстан «О государственных должностях Республики Татарстан» также дополнен статьей 9.1 в соответствии с которой установлено, что порядок принятия Премьер-министром Республики Татарстан, а также лицами, замещающими государственные должности Республики Татарстан, назначение на которые и освобождение от которых осуществляются Президентом Республики Татарстан, почетных и специальных званий, наград и иных знаков отличия (за исключением научных и спортивных) иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений и других организаций устанавливается указом Президента Республики Татарстан [2].

Кроме того, внесены изменения в статью 18 Избирательного кодекса Республики Татарстан в части дополнения ее частью 13.3 следующего содержания: «член Центральной избирательной комиссии Республики Татарстан с правом решающего голоса, член иной избирательной комиссии, действующей на постоянной основе, работающие в указанных комиссиях на постоянной (штатной) основе, обязаны сообщать о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, а также принимать меры по предотвращению или урегулированию такого конфликта» [5].

Также по иным направлениям совершенствования антикоррупционного законодательства необходимо отметить, что во исполнение требований Федерального закона от 03.04.2017 № 64-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования государственной политики в области противодействия коррупции» приняты законы Республики Татарстан «О порядке представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданами, претендующими на замещение муниципальной должности либо должности главы местной администрации по контракту, лицами, замещающими муниципальные должности либо должности главы местной администрации по контракту» и «О проверке достоверности и полноты сведений, представленных гражданами, претендующими на замещение муниципальных должностей, должности главы местной администрации по контракту, и лицами, замещающими муниципальные должности, должность главы местной администрации по контракту» [3].

Внесены изменения в Государственную программу «Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015 – 2022 годы» в части создания и функционирования Центра общественных процедур «Бизнес против коррупции» [12]. Данный центр создан в целях защиты предпринимателей от коррупционных действий, а также для разработки предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации с учетом мнения предпринимателей о сложившейся практике правоприменения в сфере противодействия коррупции, о снижении административных барьеров и улучшении инвестиционного климата.

Таким образом, в настоящее время нормативные правовые акты Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции приведены в соответствие с федеральным антикоррупционным законодательством. Однако при практическом применении действующих антикоррупционных норм возникают определенные вопросы, требующие своего уточнения и соответствующего внесения изменений в ряд актов.

В частности Федеральным законом «О противодействии коррупции» установлено, что специальные, обязательные к исполнению требования в сфере противодействия коррупции отнесены для федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, государственных корпораций (компаний), государственных внебюджетных фондов, иных организаций, созданных на основании федеральных законов, а также организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами [19].

На остальные организации, в том числе на государственные (муниципальные) учреждения и организации, статьей 13.3 указанного Федерального закона возложена обязанность разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции. Однако перечень мер по предупреждению коррупции, принимаемые в организациях, носит примерный (рекомендательный) характер: определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений, принятие кодекса этики и служебного поведения работников, предотвращение и урегулирование конфликта интересов.

Таким образом, законодатель напрямую не обязал организации и учреждения принимать конкретные меры для распространения ограничений, связанных с конфликтом интересов, на их руководителей и работников, а также не установил в качестве основания для применения мер юридической ответственности наличие неурегулированного конфликта интересов.

В Республике Татарстан в целях полноценной реализации указанных антикоррупционных норм ведется работа по распространению антикоррупционных ограничений и запретов на руководителей бюджетных учреждений и организаций, созданных органами государственной власти (органами местного самоуправления). Внесены соответствующие изменения в уставы 508 подведомственных организаций, 568 трудовых договоров с руководителями, принято 625 правовых актов, регулирующих вопросы предотвращения конфликта интересов в организациях, подведомственных органам государственной власти. 4282

организации, подведомственные органам местного самоуправления внесли изменения в свои уставы, а также приняли 207 правовых актов, регулирующих вопросы конфликта интересов.

В целях выработки единых подходов пресечения возможности возникновения конфликта интересов у руководителей бюджетных учреждений и организаций, представляется целесообразным разработать на федеральном уровне и направление соответствующих рекомендаций для всех субъектов Российской Федерации. В этой связи нельзя не согласиться с тем, что «обязанность организаций разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции не зависит от организационно-правовой формы данной организации и численности ее работников» [13].

Также требует своего уточнения вопрос рассмотрения заявлений о невозможности представить сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821 основанием для проведения заседания комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов является заявление служащего о невозможности по объективным причинам представить сведения о доходах [16].

Заявление должно быть направлено до истечения срока, установленного для представления служащим (работником) сведений, т.е. до 30 апреля. По общему правилу, председатель комиссии должен назначить заседание в течение 10 дней с момента, как поступили материалы для проведения комиссии, и провести заседание в течение 20 дней с той же даты. Исключением является случай, когда заседание комиссии по рассмотрению указанного заявления, как правило, проводится не позднее одного месяца со дня истечения срока, установленного для представления сведений о доходах.

Таким образом, если, например, 26 апреля г. Петров П.П. - консультант министерства написал заявление о том, что он не может представить сведения о доходах своей супруги, председатель комиссии в течение 10 дней, то есть до 6 мая должен назначить дату заседания комиссии. Заседание должно быть проведено не позднее 30 мая, поскольку срок подачи сведений о доходах, имуществе и имущественных обязательствах - не позднее 30 апреля.

По итогам рассмотрения заявления, комиссия принимает одно из следующих решений:

а) признать, что причина непредставления служащим сведений о доходах является объективной и уважительной;

б) признать, что причина непредставления служащим сведений о доходах не является уважительной (в этом случае комиссия рекомендует служащему принять меры по представлению указанных сведений);

в) признать, что причина непредставления служащим сведений о доходах необъективна и является способом уклонения от представления указанных сведений (в этом случае комиссия рекомендует руководителю государственного органа применить к служащему конкретную меру ответственности).

Однако в случае принятия решения о неуважительности и необъективности непредставления сведений не устанавливаются сроки, в течение которого служащий должен принять меры по представлению указанных сведений.

Более того, возникают объективные трудности в представлении указанных сведений в соответствии с требованиями законодательства, так как служащий уже заведомо ставится в положение представления сведений с нарушением установленного (до 30 апреля) срока, так как его заявление исходя из действующей правовой нормы рассматривается только после истечения срока, установленного для представления сведений о доходах (т.е. после 30 апреля - до 30 мая).

В целях выработки единообразных подходов в понимании и применении указанных норм представляется целесообразным:

- в Методические рекомендации по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки, подготавливаемых Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации включить пункт, предусматривающий заблаговременное (например, за 1 месяц, до истечения срока, установленного для представления сведений) направление соответствующего заявления о невозможности представления сведений;

- внести изменения в положение о комиссии по конфликту интересов, предусматривающие обязательное рассмотрение указанных заявлений в 20-дневный срок со дня получения заявления;

- в случае принятия решения о неважности и необъективности непредставления сведений – установить сроки (например, в течение 20 дней), в течение которого служащий должен принять меры по представлению указанных сведений.

В целом необходимо отметить, что противодействие коррупции – одно из важных направлений государственной политики в нашей стране. Однако работа, направленная на профилактику коррупции, не даст результатов, ожидаемых обществом и государством, если предусмотренные законом меры будут статичны. Все антикоррупционные меры должны воплощаться в жизнь с наибольшей результативностью.

Вместе с тем представляется очевидным, что одна из основных проблем в деле противодействия коррупции состоит не только в необходимости совершенствования правового регулирования, но и в решении проблемы реализации норм действующего антикоррупционного законодательства. Своевременное, правильное и безусловное применение действующих нормативных правовых актов в области противодействия коррупции позволит повысить эффективность реализации антикоррупционных мер и противодействия коррупции в государстве в целом.

Список используемой литературы

1. Дивайн В., Хоппе Т. Основные понятия и концепции антикоррупционной деятельности: Учебное пособие. Страсбург: Совет Европы, 2015. С. 52-53.

2. Закон Республики Татарстан от 04.03.2006 № 16-ЗРТ «О государственных должностях Республики Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана, № 3, март (I часть), 2006, ст. 1370.

3. Закон Республики Татарстан от 19.07.2017 № 56-ЗРТ «О порядке представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданами, претендующими на замещение муниципальной должности либо должности Главы местной администрации по контракту, лицами, замещающими муниципальные должности либо должности Главы местной администрации по контракту» // Собрание законодательства Республики Татарстан, 25.07.2017, № 55 (часть I), ст. 2009; Закон Республики Татарстан от 19.07.2017 № 57-ЗРТ «О проверке достоверности и полноты сведений, представленных гражданами, претендующими на замещение муниципальных должностей, должности Главы местной администрации по контракту, и лицами, замещающими муниципальные должности, должность Главы местной администрации по контракту» // Собрание законодательства Республики Татарстан, 25.07.2017, № 55 (часть I), ст. 2010.

4. Закон Республики Татарстан от 21.04.2016 № 22-ЗРТ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Татарстан» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 26.04.2016, № 1600201604260003.

5. Избирательный кодекс Республики Татарстан от 07.05.2007 № 21-ЗРТ // Республика Татарстан, № 90-91, 12.05.2007 (статьи 1-63), № 92-93, 15.05.2007 (статьи 64-133, приложения).

6. Ишеков К.А. Нормативное правовое регулирование антикоррупционной политики: проблемы и перспективы // Российский следователь. 2017. № 24. С. 28 - 32.

7. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // Бюллетень международных договоров, № 9, 2009, С. 15 – 29.

8. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (заключена в г. Нью-Йорке 31.10.2003) // Бюллетень международных договоров, 2006, № 10, октябрь, С. 7 - 54.

9. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (заключена 21.11.1997) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 7. С. 72 - 85.

10. Конвенция против транснациональной организованной преступности (заключена в г. Нью-Йорке 15.11.2000) // Собрание законодательства Российской Федерации. 4 октября 2004 г. № 40. Ст. 3882.

11. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации / утверждена Указом Президента Российской Федерации от 14.11.2013 № Пр-2685 // СПС КонсультантПлюс.

12. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.07.2014 № 512 «Об утверждении Государственной программы «Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015 - 2022 годы» // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти, 08.08.2014, № 58-59, ст. 1789.

13. Пресняков М.В. К вопросу об обязанностях организаций принимать меры по противодействию коррупции // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 61.

14. Сухаренко А.Н. Международное сотрудничество России в сфере противодействия коррупции // Международное публичное и частное право. 2015. № 2. С. 32.

15. Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Перспективы международного сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере противодействия коррупции // Международное публичное и частное право. 2016. № 6. С. 30 - 34.

16. Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов // Собрание законодательства РФ, 05.07.2010, № 27, ст. 3446.

17. Федеральный закон от 01.02.2012 № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» // Парламентская газета, № 4, 03-09.02.2012.

18. Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // Собрание законодательства РФ, 20.03.2006, № 12, ст. 1231.

19. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВОВЫХ НОРМ ПО БОРЬБЕ С ДОПИНГОМ В СПОРТЕ

*Доктор юридических наук, профессор
кафедры международного и европейского права
Юридического факультета
Казанского федерального университета, Казань.*
Валеев Револь Миргалимович
revol-valeev@yandex.ru

Барабанова Елена Аркадьевна
*соискатель кафедры международного и европейского права
Юридического факультета
Казанского федерального университета, Казань.*
el.barabanova@gmail.com

Проблема допинга в спорте является крайне острой и не теряет своей актуальности на протяжении многих лет. В 2019 году ЕВРОПОЛом при участии Всемирного антидопингового агентства и 33 стран была проведена операция «Вирибус», в ходе которой успешно ликвидировано 17 организованных преступных группировок, причастных к торговле контрафактными лекарствами и допинговыми материалами по всей Европе. Это не первый и, на наш взгляд, не последний случай, когда с помощью правоохранительных органов удается выявлять подобного рода нарушения. Действительно, существуют области, в которых для обеспечения успеха антидопинговых усилий требуется участие государств как на международном, так и на национальном уровнях.

Необходимым условием для эффективного решения проблемы на международном уровне является наличие соглашения между государствами, выражающее их единую согласованную волю. Такими соглашениями в сфере противодействия допингу выступают:

– Конвенция против применения допинга, принятая Советом Европы 16 ноября 1989 года[2];

– Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте, принятая на сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 года[1].

Государства, ратифицировавшие данные международно-правовые акты, обязаны в соответствии с принципом *acta sunt servanda* добросовестно их выполнять и в этих целях принимать соответствующие меры на внутрисударственном уровне. Непосредственное отношение к процессу реализации международно-правовых норм имеет международный контроль. Контрольная деятельность осуществляется в соответствующей правовой форме, которая выражается в деятельности субъектов контроля по осуществлению проверки соблюдения принятых сторонами обязательств. Принимая за основу организационную структуру и субъектов контрольной деятельности, можно выделить такие формы международного контроля, как:

- контроль, осуществляемый государствами;
- контроль, осуществляемый международными организациями;
- контроль, осуществляемый специально учрежденными международными органами;
- контроль, осуществляемый специальными миссиями, учрежденными государствами и международными организациями;
- контроль, осуществляемый специальными представителями (посланниками) высших должностных лиц международных организаций;
- контроль, осуществляемый неправительственными международными организациями.

Кроме форм международного контроля, в международно-правовой практике выработаны определенные методы проверки соблюдения государствами своих обязательств, вытекающих из международно-правовых актов. К таким методам относят обмен информацией, доклады, отчеты, консультации, наблюдения, расследование и др. [7, с. 101, 106].

Не рассматривая детально содержание международных документов по борьбе с допингом, отметим лишь механизмы контроля за их соблюдением.

Для обеспечения надлежащего выполнения государствами Конвенции против применения допинга своих обязательств была создана Группа по рассмотрению действия (далее – Мониторинговая группа, Группа), состоящая из представителей государств-участников. Группа наделяется контрольными функциями, которые включают в себя мониторинг положений Конвенции, подготовку докладов об осуществлении Конвенции и организацию консультативных и оценочных визитов в государства. Следует отметить, что консультационные визиты организуются для оказания помощи государствам в осуществлении политики и программ, необходимых для соблюдения положений Конвенции. Также организуются ознакомительные посещения, в результате которых публикуются отчеты об оценке. Вместе с тем Группа направляет рекомендации в отношении мер по выполнению Конвенции и проводит консультации с соответствующими спортивными организациями. Каждое государство-участник в свою очередь представляет Мониторинговой группе ежегодный доклад с помощью онлайн-вопросника о шагах, которые оно предпринимает для осуществления положений Конвенции.

Мониторинговая группа созывается Генеральным секретарем Совета Европы и собирается два раза в год. Для решения вопросов, относящихся к ее различным областям компетенции, Группа имеет специализированные консультативные группы по соблюдению Конвенции, образованию, правовым вопросам и науке.

В 1999 году при активном участии Совета Европы было создано Всемирное антидопинговое агентство (далее – ВАДА). В связи с этим на 9-й Конференции европейских министров, ответственных за спорт, проходившей в мае 2000 года, Комитету Министров рекомендовалось обеспечивать участие Совета Европы и Мониторинговой группы в работе ВАДА и оказывать поддержку Группе для эффективного сотрудничества с Агентством. В результате произошедших изменений возникла необходимость внесения поправок в Конвенцию,

направленных на создание обязательного механизма допинг-контроля и взаимного признания допинг-контроля на территории других государств. Вследствие этого был разработан и принят 12 сентября 2002 года Дополнительный протокол к Конвенции.

Необходимо отметить, что контрольные функции Группы по рассмотрению действия не ограничиваются только мониторингом положений Конвенции и проверкой соответствия действий государств по выполнению принятых обязательств, но также выражаются в соответствующих требованиях по устранению нарушений, а также оказании консультационных услуг и рекомендаций.

Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (далее – Конвенция ЮНЕСКО) вступила в силу 1 февраля 2007 года и на момент подготовки данного исследования число государств, присоединившихся к ней, достигло 188. Такое количество государств-участников Конвенции ЮНЕСКО отражает огромную значимость проблемы и желание государств брать на себя обязательства для ее решения. Конвенция ЮНЕСКО обеспечивает выполнение государствами на национальном уровне следующих мер: ограничение доступности запрещенных субстанций и методов, в частности в борьбе с распространением запрещенных субстанций и методов, по контролю за их производством, перемещением, ввозом, распределением и продажей; побуждение производителей пищевых добавок маркировать продукцию надлежащим образом, включая информирование о химическом составе их продуктов и гарантии качества; оказание финансовой поддержки программ тестирования или проведения допинг-контроля; содействие Всемирному антидопинговому агентству в выполнении его миссии; разработка образовательных и информативных программ; содействие в проведении антидопинговых исследований.

Высшим органом Конвенции ЮНЕСКО является Конференция Сторон, сессии которой проходят раз в 2 года. Конференция Сторон рассматривает доклады государств-участников о мерах, принятых ими в целях выполнения своих обязательств, а также результаты мониторинга соблюдения Конвенции. Вместе с тем Конференция Сторон определяет направления и механизмы сотрудничества между государствами-участниками и ВАДА, запрашивает у ВАДА доклад для изучения того, как выполняются положения Кодекса. Для осуществления мониторинга национальных докладов используется специальная система Anti-Doping Logic (далее – ADLogic) и ее онлайн-вопросник.

По каждому вопросу государство имеет свой контрольный показатель. Если государство не достигло минимального значения контрольного показателя, то считается, что оно не выполняет или не полностью выполняет соответствующее положение Конвенции ЮНЕСКО. На основе значений контрольных показателей система ADLogic вычисляет общий уровень соблюдения Конвенции ее участниками. Большое внимание уделяется выполнению положений касательно ограничения доступности запрещенных субстанций и методов, а также внедрению передовой практики в области сбыта и распространения пищевых добавок с целью предотвращения ненадлежащего применения запрещенных субстанций [6].

В результате мониторинга выяснилось, что среди государств отсутствует четкое понимание как интегрировать Всемирный антидопинговый кодекс с Конвенцией, кого привлекать к борьбе с допингом и как использовать

навыки различных заинтересованных сторон для осуществления положений Конвенции. В этой связи на шестой сессии Конференции Сторон, проходившей 25-26 сентября 2017 года, было решено создать рабочую группу для разработки оперативных руководящих принципов Конвенции и системы санкций за невыполнение положений Конвенции. Проекты данных документов были представлены на седьмой сессии Конференции Сторон в октябре 2019 года. Целью документа под названием «Оперативное руководство Международной конвенции о борьбе с допингом» является обеспечение четкого понимания ключевых мер Конвенции и оказание государствам поддержки в осуществлении ее положений. В документе описана роль каждого руководящего органа Конвенции, Фонда для искоренения допинга в спорте, подробно указан процесс мониторинга Конвенции, проходящего с использованием системы ADLogic, и восстановления прав несоблюдающих государств, а также рассмотрены вопросы сотрудничества и продвижения Конвенции[4].

В другом документе – Рамки дисциплинарных мер за несоблюдение Международной конвенции о борьбе с допингом – определен статус соблюдения и несоблюдения Конвенции, а также дисциплинарные меры в отношении государств в случае несоблюдения[5]. Статусом «соблюдающее государство-участник» обладает государство, которое предоставляет национальный доклад в установленный срок и достигает 60%-го порогового уровня соблюдения по системе ADLogic.

Если государство признается не соблюдающим Конвенцию, то последствия для такого государства предусмотрены не только со стороны ЮНЕСКО, но спортивного сообщества. Так, дисциплинарные меры со стороны ЮНЕСКО выражаются в лишении права у государства на получение финансирования от Фонда для искоренения допинга в спорте, а также права у любого представителя государства занимать какой-либо пост или сохранять какую-либо должность в Президиуме Конференции Сторон, Комитете по утверждению проектов, представляемых Фонду для искоренения допинга в спорте. Со стороны Олимпийского движения и международных спортивных федераций государства лишаются права подавать заявку на участие в Олимпийских играх, чемпионатах мира и других международных мероприятиях.

Вместе с тем дисциплинарные меры применяются в соответствии со статьей 22.8 Всемирного антидопингового кодекса «несоблюдение правительством... Конвенции ЮНЕСКО в дальнейшем может привести к невозможности подавать заявки на участие в соревнованиях, а также к дополнительным дисциплинарным мерам, например, лишение служебных помещений и должностей в ВАДА; невозможность или недопущение какой-либо кандидатуры проводить какое-либо международное соревнование в стране, отмена международных соревнований; символические меры и другие последствия согласно Олимпийской хартии»[3].

Примечательно, что последствия несоблюдения положений Конвенции ЮНЕСКО со стороны спортивного сообщества можно назвать более существенными, поскольку охватывают важную для государства спортивную сферу. Вместе с тем данные последствия не связаны автоматически с процессом

мониторинга соблюдения Конвенции и относятся к статьям Всемирного антидопингового кодекса. Необходимо отметить, что на момент подготовки данной статьи работа над проектами Оперативного руководства и Рамок дисциплинарных мер за несоблюдение Международной конвенции о борьбе с допингом продолжается.

Таким образом, международный контроль выступает как одно из действенных средств достижения эффективности международно-правовой нормы по борьбе с допингом в спорте. Международно-правовой контроль, как и институт ответственности, направлен на добросовестное выполнение государствами своих обязательств. Если результатом международного контроля является констатация факта о выполнении или нарушении международно-правовых обязательств, то его выводы могут служить основанием для постановки вопроса об ответственности за нарушение международного обязательства.

Список используемой литературы

1. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (Париж, 19 октября 2005 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007 г. - № 24 - ст. 2835.
2. Конвенция против применения допинга (Страсбург, 16 ноября 1989 г.) // Бюллетень международных договоров. февраль 2000 г. - №2 - с. 14.
3. Всемирный антидопинговый кодекс 2015 [Электронный ресурс] URL: <https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/wada-2015-code-gu.pdf> (дата обращения: 10.11.2019).
4. Оперативное руководство Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте [Электронный ресурс] URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000370457_gus (дата обращения: 10.11.2019).
5. Рамки дисциплинарных мер за несоблюдение Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте [Электронный ресурс] URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000370457_gus (дата обращения: 10.11.2019).
6. Выполнение положений статей 8 и 10 Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте. Конференция участников Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте // 22 июля 2015/ICDS/5CP/INF.2.
7. Валеев Р.М. Контроль в современном международном праве. – Казань: Центр инновационных технологий, 2003. 321 с.

Сведения об авторах

Бодурова Гулшан Гурезовна - кандидат юридических наук, преподаватель кафедры международного и европейского права Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань.

Барабанова Елена Аркадьевна - соискатель кафедры международного и европейского права Юридического факультета Казанского федерального университета, Казань.

Валнуллина Ксения Борисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Юридического факультета Казанского Федерального Университета, г. Казань.

Валеев Револь Миргалимович - доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Юридического факультета Казанского федерального университета, Казань.

Гильмуллин Айнур Разифович - кандидат юридических наук, ассистент кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань.

Джоробекова Айнур Эшимбековна - кандидат исторических наук, профессор заведующий кафедрой международных отношений и права, Дипломатической Академии им. К.Дикамбаева Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, Бишкек.

Игнатова Каринэ Эдуардовна - старший преподаватель кафедры юриспруденции Волжского филиала Волгоградского государственного университета, Волжский.

Колос Денис Георгиевич - Судья Суда Евразийского экономического Союза, Минск.

Костин Сергей Андреевич - кандидат юридических наук, исполнительный директор Юридического института АНО ВО «Российский новый университет», Москва.

Мингазов Ленарис Харисович - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Юридического факультета Казанского федерального университета, Казань.

Сейтимова Венера Хамитовна - Судья Суда Евразийского экономического Союза, Минск.

Рахимов Салават Фоатович - кандидат юридических наук, ассистент кафедры международного и европейского права Юридического факультета Казанского федерального университета, главный советник Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики, г. Казань.

Ромадан Лилия Игоревна - Атташе Посольства Российской Федерации в Республике Молдова, Кишинев.

Синявский Алексей Алексеевич - ассистент кафедры международного и европейского права Юридического факультета Казанского федерального университета, Казань.

Тюрина Наталия Евгеньевна доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Юридического факультета Казанского федерального университета, Казань.

Энтин Марк Львович - Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права МГИМО МИД РФ, Председатель Правления Российской ассоциации европейских исследований, Москва.

Энтина Екатерина Геннадьевна - Кандидат политических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института Европы РАН, Москва.

IRS
INTERNATIONAL RELATIONS
AND SOCIETY

2019, No. 3